

**Не срывай голубых
гиацинтов**

Дарья Квант

18+

Дарья Квант

Не срывай голубых гиацинтов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70460539

SelfPub; 2024

Аннотация

Роберт Эндрюс – талантливый ученый, изгнанный из научного сообщества. Через косвенные, очень далекие связи его находит набожная и богобоязненная Аманда Стенфилд, которая просит избавить ее племянницу Астрид от проделок Дьявола. Роберт ожидает увидеть что угодно, но только не прорастающие сквозь юношескую кожу цветочные лепестки. Его мир переворачивается с этим фактом, но есть еще один, не менее важный факт – творящаяся в доме Стенфилдов многолетняя тирания.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	21
Глава третья	40
Глава четвертая	55
Глава пятая	70
Глава шестая	89
Глава седьмая	106
Глава восьмая	124
Глава девятая	149
Глава десятая	170
Глава одиннадцатая	193

Дарья Квант
Не срывай
голубых гиацинтов

Глава первая

У Роберта было два «поздно». Первое, когда он поддался на уговоры Аманды Стенфилд, и второе – когда собственной рукой все же постучал в дверь старого обветшалого дома, стоящего на покатам сыром холме. Между этими «поздно» было еще много маленьких, точно таких же «поздно», как, например, то, что он поддался на эти уговоры с долей любопытства, или то, что он, несмотря на это, достаточно беспечно отнесся к тому, куда он едет, а там и прочие, прочие, прочие маленькие точки невозврата.

А после этого как щелчок по носу – словно в назидание.

Она его не замечала. Девчонка, разлегшаяся животом на своей кровати и цепкими пальцами неосознанно мявшая страницы какой-то пестрой тонкой книжонки. Ее профиль был размыт теплым полумраком комнаты с тусклым огоньком настольной лампы. Чудная картина чужого беспечного отрочества. Чуть приоткрытая дверь открывала обзор не на многое, но на вид хрупкая фигура целиком вмещалась в щель, если посмотреть на нее с нужного ракурса, подойдя чуть ближе.

– Она пока занята, пройдемте, – поторопила его Аманда Стенфилд хрипловатым грубым голосом, которым – судя по ранее состоявшимся телефонным звонкам – говорила все-

гда.

Аманда узнала о Роберте через третьих лиц, если не через теорию шести рукопожатий, что, в общем-то, говорило об очень дальних и косвенных связях, которые не пойми как, но все же свели их вместе в этом Богом забытом районе города. И свели не просто так для краткого сухого разговора, а как положено в приличном обществе – с соблюдением всех норм вежливости и гостеприимства: в старенькой желтой кухне на столе стояли разные яства от зажаренной курицы до щедро обсыпанного оливками салата. Алкоголь, разумеется, занял свое место в центре стола. Правда, это было, скорее, дешевое пойло, нежели нормальный алкоголь, но Роберт с пониманием относился к урезанным доходам многих американских семей.

И тем не менее, Роберт подмечал детали. Дом был стар. Он был той катастрофой, которая проявлялась в мелочах, плохо видных невооруженному глазу. Роберт заметил это сразу, как только посмотрел на рыхлящее в кое-каких местах крыльцо и бедную прихожую, где его и встретила пасмурная фигура миссис Стенфилд. В целом тут было неплохо, если отбросить прихотливость и просто допустить мысль, что иногда людям нужны всего-то мягкий удобный диванчик, шум барахлящего старого телевизора и отсутствие гудящего за окном большого города.

На кухне Аманда предложила ему присесть и сама расположилась на стуле напротив. Также она предложила ему

«любое, какое вы пожелаете» блюдо на выбор, от которого не позволяла отказаться воспитанность, когда на самом деле Роберт был сыт. Он являлся искренним приверженцем мнения о вредности канцерогенов, которых в той же самой жареной курице было хоть отбавляй, поэтому пообещал себе вернуться взглядом к салату. Позже, разумеется.

– Итак, – разбавил Роберт тишину. – Вы сказали, что вам есть что мне показать. По телефону вы упорно не желали распространяться о вашем ко мне деле, поэтому, полагаю, сейчас самое время выложить все карты на стол.

Аманда несколько не изменилась в лице, дернулся только ее указательный палец, застывший над столом в напряженном жесте.

– Все мое время, мистер Эндрюс. Сначала я должна понять, можно ли вам доверять.

– Согласитесь, доверие строится на чем-то, – парировал Роберт. – А пока что вы не заложили даже фундамента.

– Вам, должно быть, интересно, почему из всех опосредованно знакомых мне ученых я позвонила именно вам, – миссис Стенфилд вставила сигарету в мундштук и, вальяжно откинувшись на спинку стула, закурила.

– Да, это был мой следующий вопрос.

– Мне посоветовали вас как отчаянного экспериментатора в области естественных наук. В хорошем смысле, конечно, – тут она усмехнулась. – Плюс ваша репутация... Скажем, мне нужен гениальный человек, как можно более

обособленный от научного сообщества.

Эта женщина очень грамотно назвала его отшельником и изгоем, облачив суть в красивые слова. Роберт был даже восхищен.

– И мы опять упираемся в вопрос: для какого дела я вам нужен?

– Как я уже... – тут Аманда остановилась, глядя ему за спину и на мгновение замирая.

Холодок предвкушения отчетливо пробежал по каждому позвонку Роберта, и едва он начал поворачивать голову, резко одернул себя и застыл. Его словно остановило нечто извне. Однако придать непринужденность своей позе «впол-оборота» было легко, и Роберт услышал, как остановились в несколько метрах от кухни тихие шаги совершенно босых ног.

– Приведи себя в порядок, Астрид, – бросила Аманда за спину Роберта. – И расчешись нормально, наконец.

Все те же босые ноги тихо побрели куда-то в комнату.

– Вы упоминали, что дело в вашей племяннице? – уточнил Роберт, тоже закуривая.

Миссис Стенфилд коротко кивнула.

– В ней. Мне не помог пастор, поэтому, возможно, сможет помочь кто-то вроде вас, ученых.

– Пастор? – Роберт зацепился за интересное ему в этом контексте слово.

– Разумеется. То, что происходит с ней – проделки Дья-

вола. Не может быть иначе.

– С каждой новой секундой я пребываю в еще большем смятении, – Роберт признался, скорее, себе самому, чем своей собеседнице. – Почему вы вообще решили, что я смогу помочь, раз считаете, что тут замешан, кхм... Дьявол?

– Наука – наш последний шанс.

На самом деле Роберт был честен перед собой – он хотел еще раз взглянуть на эту девочку, взглянуть прямо, не из-за двери, не между делом, а целенаправленно, чтобы, наконец, увидеть, в чем же все-таки дело.

И он увидел. Увидел обычную семнадцатилетнюю девочку, вышедшую из-за его спины и тихо занявшую место за обеденным столом. Она была одета в синюю пушистую кофту с воротником и черные свободные штаны, а на волосах, вопреки наставлению тети, у нее было «воронье гнездо», топорщеся в разные стороны иссиня-черным лоснящимся шелком. Ничего необычного в ней не наблюдалось.

– Здравствуй, Астрид.

Та метнула на него свой пронзительный взгляд серых глаз, но сделала это не в стиле «я не хочу с тобой дружить», а наоборот – в нем читалось любопытство, явно усмиренное какими-то неприятными ей факторами.

Аманда разрешительно и даже несколько повелительно кивнула и Астрид произнесла.

– Здравствуйте, мистер Эндрюс.

– Что ж, я не вижу ничего... что могло вызвать ваше бес-

покойство, миссис Стенфилд, – заключил Роберт. – В противном случае, мне остается только просить, чтобы вы сказали все как есть, и дали мне осмотреть вашу племянницу предметно.

Астрид, являющаяся свидетелем разговора, с готовностью приподняла руку, чтобы что-то показать, но была остановлена.

– Нет, Астрид, – с нажимом приказала Аманда. – Не сейчас, – затем она обратилась к Роберту. – Дело имеет настолько серьезный оборот, что сначала мне придется вытребовать у вас обещание, что вы никому не расскажете. О деньгах не беспокойтесь. Мы отдадим вам всю сумму, как только я получу данное обещание. Лишь одно обещание.

– Вы заставляете меня подписаться на «кота в мешке»? – настала очередь Роберта усмехаться. – Это по всем параметрам неразумно и нелогично.

Аманда поджала губы, превратившиеся в тонкую сухую линию.

– Вы правы – логики нет. Но как только вы увидите, вы поймете, к чему все эти тайны.

– Чисто гипотетически, – произнес Роберт устало, – что будет, если я расскажу кому-то эту вашу тайну?

– О, поверьте, мистер Эндрюс, вы просто перестанете знать, что такое покой. По многим причинам.

Получалось так, что все разговоры заходили в тупик. Роберт, конечно, мог дать это пресловутое обещание, удовле-

творить свое любопытство, а уж там дальше пойти на попятную. Но не в его это стиле. В его стиле – это быть честным и принципиальным, когда дело касается науки. Ему было безумно интересно, что же творится с этой Астрид, однако на сегодня пора было заканчивать, иначе голова могла взорваться от количества противоречий, заставших его, неподготовленного, врасплох.

Роберт сказал миссис Стенфилд, что должен хорошенько подумать, прежде чем подписываться на нечто непонятное, и покинул их дом, так и не притронувшись к салату и вину.

С одной стороны было что-то притягательное в том, чтобы обладать информацией, которой не обладает никто, с другой же стороны Роберт не хотел знать тех вещей, которых, как бы тавтологично не звучало, не хотел знать. Однако как ученого его уже не могло ничто напугать или привести в ужас.

Тягу к естественным наукам Роберт обнаружил в себе, когда еще восьмилетним мальцом строил для муравьев лабиринты из щепок, чтобы понаблюдать, как те себя поведут. Понятное дело, эта на тот момент детская забава не осознавалась им как нечто судьбоносное и фатальное. Он даже таких слов тогда не знал, но чувствовал, смотря через дедушкин микроскоп на очередное предметное стекло, что это, именно это, вызывало в нем ничем не поддельный восторг. В восьмилетнем возрасте Роберт мало что понимал, глядя на это самое предметное стекло с различными образцами чешуек или кала божьих коровок на листе яблони, которые со-

бирал для него дедушка, и именно осознать и целенаправленно изучать зоологию, а потом и биологию, химию и анатомию, начал где-то в одиннадцать лет. Родители покупали ему пособия для самых маленьких, и те были настолько просты и вместе с тем емки, что некоторые из них до сих пор хранились в забытых ящиках стола, как пример грамотно поданного научного знания, которое, возможно, когда-нибудь понадобится младшим поколениям, ведь такие хорошие книжки почти больше не выпускали.

Направляясь домой в своем Шевроле, Роберт все еще думал о предложении Аманды Стенфилд. Уж слишком сладок был «запретный плод», а все запретное или даже покрытое мало-мальским мраком являлось для ученых персональным опиумом.

Еще до того, как благодаря стараниям бывшей жены он стал изгоем в научном сообществе, Роберт занимался одним весьма любопытным научным проектом, существование которого нельзя было разглашать под страхом сурового наказания. Он и маленькая группа других ученых изучали ДНК членов очень известной богатой семьи, принадлежащей к роду некогда именитых герцогов Средневековья. Не стоило говорить, что эту семью уважали и чтили исключительно из-за принадлежности к великим предкам. От сына к сыну, от дочери к дочери они строго следили за соблюдением того семейного закона, что ребенок должен родиться исключительно во взаимовыгодном браке, а не на стороне, и каково же

было удивление ученых и самой семьи, когда те осознали, что среди нынешнего поколения затесался «бастард». Иными словами, определенная дама не гнушалась половыми связями на стороне и родила не «чистокровную» дочь, выставив ее за чадо, понесенное от законного мужа. С тех пор родословная пошла и вкось и вкривь, «запятнанная» и «опороченная». Результаты исследования Роберт сообщил семье лично, а что происходило дальше – ничьего ума дело, однако он помнил, с каким вожделением занимался поставленной перед ним задачей, и все это потому, что ее обнародование находилось под строжайшим табу. Все ученые немного сумасшедшие, когда дело касается чего-то запретного и тайного. Именно по этой причине дома Роберт несколько раз порывался позвонить Аманде Стенфилд и дать свое согласие на «кота в мешке». В конце концов, взяться за какое-нибудь нетривиальное дело чисто для себя самого было неплохой перспективой. Ну, как для себя. Был еще Александр – его правая рука во всех научных изысканиях. Проще говоря, Александр, молодой двадцатитрехлетний юноша, являлся его ассистентом. Они познакомились еще до того, как Клаудия – бывшая жена Роберта и некогда талантливая ученая – оклеветала его в воровстве ее научных наработок. Тогда, при первой встрече, Александру исполнилось только двадцать лет, но даже в то время он зарекомендовал себя пытливым и умным специалистом. С тех пор они работали и едва ли не жили вместе. У Александра даже имелись клю-

чи от его дома, он часто работал там в хорошо оснащенной лаборатории, не имея возможности работать в своей, которую и лабораторией-то можно было назвать с натяжкой. Эту свою лабораторию Александр заполучил в подарок, выиграв национальный конкурс по естествознанию, и в лучшем случае там дай Бог был нормальный микроскоп. Лаборатория Роберта отличалась разительно: и по дороговизне оборудования, и по ее качеству. Годами труда и специальными премиями он сам накопил средства на более-менее передовые на тот момент технологии. И если считать, что сейчас ему тридцать четыре, то он довольно-таки быстро организовал себе хорошее профессиональное рабочее пространство.

Вернувшись домой, Роберт сел на кухне, закурил сигарету и принялся размышлять. Он размышлял обо всем подряд: об отложенных делах, о Клаудии, чьи старые вещи он нашел глубоко в шкафу и которые намеревался отдать, о подаче заявки на международную конференцию, где его обязательно отвергнут, и о прочем.

Еще он обещал Александру составить ему компанию на выставке под названием «Формалин», где будут презентовать разного рода «заформалиненные» животные, насекомые и интересные растения. Роберт видел такое уже сто раз, однако счел своим долгом просвятить молодежь посредством экспертных комментариев, которые Александр обычно слушал с упоением.

Ночью Роберту приснился сон.

Он был словно нарисованным куда-то торопящимся художником и оттого не выглядел четко. Скорее, это был расплывчатый абрис, состоящий из двух фигур – его самого и той девчонки Стенфилд. Они оба шли вперед по бесконечно мрачному коридору, пока не увидели свет вдалеке. Проснувшись, Роберт осознал – быть может, согласившись помочь Астрид с ее неизвестным “недугом”, он постигнет непостижимое, которое олицетворял этот свет в конце коридора? Что-то было в этой истории, что-то с привкусом неперемного минорного звучания, но такого громкого и всеобъемлющего, что думать об отказе и не приходилось.

Роберт позвонил Аманде Стенфилд ранним днем и дал свое согласие.

Черт с ним, думал Роберт.

Аманда назначила ему встречу в ее доме тем же днем. На сей раз на столе не стояли блюда и алкоголь и не звучало гостеприимных речей. Все было строго и по делу.

Миссис Стенфилд открыла дверь и кивком головы предложила войти.

– Приятно знать, что вы согласились, – произнесла она для того, чтобы хоть что-то сказать. – Пройдем в гостиную, мистер Эндрюс.

В гостиной они даже не присели на диван – настолько чувствовалось кульминационное напряжение, охватившее их двоих.

– Показывайте.

– Прежде чем перейдем к делу, хочу еще раз убедить-ся, что вы помните про наше соглашение – никому не гово-рять, – напомнила Аманда. – Понимаю, мы не заключаем с вами никаких имеющих силу договоров, поэтому я просто надеюсь на вашу добропорядочность.

– Я вас услышал, миссис Стенфилд, – степенно кивнул Роберт и повторил: – Показывайте.

– Астрид! – громко и несколько грозно крикнула Аман-да. – Мы ждем тебя.

Через пару мгновений в гостиную зашла все та же мило-видная юная девушка, одетая все в ту же кофту с горлом и рукавами и в черные, больше ее на два размера, штаны. Толь-ко на ногах в этот раз были закрытые тапочки.

– Астрид, покажи мистеру Эндрюсу, – сказала Аманда.

Роберт непроизвольно задержал дыхание.

Астрид медленно, неуверенно приподняла руку. Разница между вчера и сегодня состояла в том, что сегодня ее никто не собирался останавливать. Она замерла, чувствуя себя яв-но некомфортно под цепкими взглядами взрослых, но все же коснулась своих волос и заправила их за ухо.

Господи-Иисусе, Роберт сначала подумал, что над ним шутят. Ему показалось так, потому что красующиеся на виске маленькие, почти микроскопические лепестки белого цвета казались уж слишком настоящими. Можно было поду-мать, что это такое украшение, держащееся на липком геле или на клее, но стоило Роберту подойти ближе, вглядываясь,

он заметил, что основание маленького цветка уходит прямо под бледную кожу.

– Это же... – пробормотал он, потрясенный. – Это невозможно.

Астрид стояла, не шевелясь. Ее взгляд был устремлен перед собой.

– Мне нужно больше. Мне нужно видеть больше.

Произошла заминка. Астрид вопросительно посмотрела на тетку, и та через несколько долгих секунд кивнула.

– Разденься.

Сначала снимаемая кофта оголила впалый живот и тонкую девичью талию. Каждое действие Астрид было осторожным, словно она снимала с себя не вязаную кофту, а грубую наждачную бумагу. Роберт не позволял себе осознавать ситуацию, пока не увидит картину целиком. Под «целиком» подразумевалось все тело, и Астрид, будто понимая его мысли, принялась за свои большие штаны, и вот тогда, вслед скользящей по ее ногам ткани, Роберт начал постепенно осознавать, так как он, наконец, *видел*.

Оставшись в одном бюстгальтере и трусах, Астрид поежилась от холодка, ползущего по коже.

Все ее тело – клумба с неравномерно высаженными цветами. Очень похожие на гиацинт, маленькие цветочки были усеяны по полотну кожи с небрежностью, но небрежностью такой красивой и нежнейшей, что сердце Роберта начало пропускать удары. На правой лопатке находилось два белых

цветка. Ниже, если идти по линии позвоночника вниз, можно было наблюдать такие же на поясице в количестве четырех штук. Дальше – плечи. На плечах лепестки облюбовали себе пространство между шеей и разветвлением ключиц. На ногах цветы разошлись рисунком – красивой завитушкой, напоминающей водоворот. Потрясающая работа природы.

– Как давно ты... такая? – Роберт взял себя в руки и чудом удержался от того, чтобы не потрогать цветочную сыпь пальцами.

– Всю жизнь, мистер Эндрюс, – тихо и покорно отозвалась она.

– И вы решили уделить этому внимание только сейчас? – в его голосе звучало искреннее непонимание.

– Раньше это не проявлялось в таких количествах, – ответила Аманда. – Теперь девочка цветет, как бы многозначно это не звучало, растет, развивается.

– Разрешешь прикоснуться? – кинул Роберт вежливый взгляд на Астрид, и та кивнула.

Под пальцами лепестки ощущались бархатом. Сперва Роберт прикоснулся к цветку на шее и затем пошел дальше – между маленьких, укрытых бюстгальтером грудей, к животу. Путь его кончиков пальцев безошибочно повторял россыпь цветов, усеянных по телу спереди, и завершился, как только достиг пупка.

– И что вы хотите, чтобы я с этим сделал?

– Чтобы излечили ее, конечно. Навсегда.

Роберт взял паузу на раздумье.

– Я определенно совру, если соглашусь, что это – болезнь. Мы еще ничего не знаем об этом феномене и кидаться такими громкими словами как «болезнь» или «недуг» – очень голословно. В конце концов, даже если предположить, что феномен оказывает деструктивное влияние, то поиск «антидота» так или иначе начинается с тщательного исследования, могущего длиться около нескольких лет.

– Мы должны избавиться от этой дряни.

– Войдите в мое положение, я впервые вижу нечто подобное, а во что выльется исследование – одному только Богу известно. Вы хотите избавиться от этого лишь потому, что это «дьявольские проделки»? – логично спросил Роберт.

– Нет, – Астрид покачала головой, чем заставила свою тетку отчего-то напрячься. – Это... больно. Иногда.

– Больно, когда к ним прикасаешься? – Роберт вовремя остановил себя, подумав о том, что не стоило начинать никакого анализа, потому что переварить – это лучшее, что он мог сделать сейчас. – Так, стоп. Мне нужны необходимые условия для изучения этого феномена.

– И что вы предлагаете?

– Я предлагаю Астрид посещать мою лабораторию. Пока что каждый день. Начальные этапы требуют неустанного наблюдения. Там она мне и расскажет все остальные подробности.

– Одно условие – я буду присутствовать при этом хотя бы

один раз в неделю.

– Хоть три, – отмахнулся Роберт, посчитав, что присутствие Аманды не отнимет у него возможность изучать подобное чудо. – К моему великому сожалению, на сегодня мы закончим. Мне необходимо все обдумать, чтобы работать дальше четко и трезво. Я дам вам мою визитку, – он потянулся к нагрудному карману рубашки и выудил оттуда обещанную карточку. – Адрес написан на обратной стороне. Завтра буду ждать Астрид к полудню.

– Полагаю, – начала Аманда неприятным тоном, – вы хотели бы получить оплату, как мы и договаривались.

– Я не приму плату за то, что я еще не сделал и, на самом деле, не хочу делать. Речь о лекарстве. Даже если оно и есть, то это просто кощунственно – лишать мир такого чуда. К тому же, я считаю финансы последним делом, когда пока нет никакого прогресса.

Аманда тут же, не скрывая того, удовлетворенно улыбнулась краешком рта.

– Разумно, мистер Эндрюс. Тогда не смею вас задерживать. Астрид придет завтра к полудню.

Роберт надеялся «переспать» со свалившейся на его голову информацией и откланялся к себе домой, ощущая, как зарождается внутри предвкушение чего-то дивного и бесконечно-прекрасного, как те самые белые цветки на теле загадочной Астрид Стенфилд.

Глава вторая

Ввиду столь скоропостижного развития мира, которого явно не учли последователи мальтузианства¹, жизнь человека стала проще и, самое главное, – длиннее. При выдвигании своей великой теории Мальтус был ограничен своим временем, поэтому само же время опровергло его доводы, позволив человечеству наряду с демографическим ростом изобретать все новые способы добычи ресурсов, необходимых для жизни. Прогресс так или иначе не стоит на месте, открытие за открытием – и завтра человечество уже не то, что было день назад. Роберт искренне верил в силу открытий и в то, что одно из них привнесет в мир он сам. Он никогда не являлся жертвой низкой самооценки, а наоборот – поощрял в себе амбиции, мысленно гордился собой, осознавая, какой даровитостью наградили его природа и ежедневный – вместе с еженощным – труд. И вот когда он увидел Астрид, то подсознательно, на фоне наступившего его шока, подумал, что это ни что иное, как научный вызов, брошенный ему, Роберту, непосредственно самой судьбой. Что-то подсказывало ему, с долей тщеславия нашептывая на ушко, что он непременно

¹ Согласно теории мальтузианства, население планеты увеличивается в геометрической прогрессии, в то время как производство средств к существованию – лишь в арифметической, что неизбежно приведет к социальным потрясениям

но заберет Нобеля. Конечно, в голову лезли всякие картины, наподобие его официального возвращения в науку под бурное рукоплескание зевак, старых коллег по цеху и даже его бывшей жены.

На самом деле Роберт не был чрезмерно тщеславным хотя бы потому, что каждый второй ученый наблюдал за собой нечто подобное, и это считалось нормальным для столь благородных представителей общества, а в науке действительно было благородство, поскольку она и только она служит миру с такой самозабвенческой страстью. По крайней мере, так Роберт считал.

Он нисколько не умалял таких наук, как та же самая социология или, например, философия, к тому же, все науки между собой связаны. Просто сам он горел так истово лишь точными науками, в которых формула и расчет сродни Священному Писанию. И вот, стоя напротив Астрид Стенфилд, с готовностью высвободившей свою цветочную шею из-под струящегося бирюзового платка, Роберт с благоговением предвкушал предстоящие исследования.

Астрид пришла одна и известила Роберта о том, что тетушка появится с ней завтра.

– Присаживайся, Астрид, – предложил Роберт, кивнув на стул, стоящий у рабочего стола в кабинете, и присел сам напротив.

С неподвижностью каменного изваяния юная девушка неуверенно опустилась на край табуретки.

– Расслабься, я не кусаюсь.

– Разве мы не должны быть в вашей лаборатории, чтобы... приступить?

Роберт мягко рассмеялся этой почти детской ограниченности и наивности.

– Сначала я хочу с тобой поговорить, – наконец произнес он добродушно. – Мне нужно услышать историю о твоих собственных наблюдениях.

Роберт заметил, как Астрид напрягла сжатые в кулаках тонкие руки. Очевидно, в силу своей робости, она не знала, с чего начать, и Роберт решил ее направить.

– Когда ты в первый раз заметила эти лепестки на своей коже?

– Мне было пять лет.

– Отлично. В каком месте?

– На запястье, – она хотела было, как и положено в ходе разговора, продемонстрировать место, но что-то вдруг ее остановило, едва она шевельнула рукой.

Роберт заметил ее зажатость.

– Теперь расскажи мне про цвет. Он был белый, как я видел в прошлый раз?

Астрид молчаливо кивнула.

– Чаще всего они белые.

Роберт непроизвольно приподнял брови.

– Чаще всего? Бывают и другие цвета?

– Белые, когда я спокойна, фиолетовые – когда грущу. Зе-

ленные, когда...

– Когда? – Роберт участливо подался вперед. – Смелее, Астрид.

– Когда я зла. Но это бывает нечасто.

– Счастье? Может, сексуальное возбуждение?

Этими словами он вогнал ее в краску, что, в общем-то, было ожидаемо, поскольку она создавала впечатление неопыленного и невинного во всех смыслах цветка.

– Когда я счастлива, то появляется оранжевый.

– Возбуждение? – переспросил Роберт.

Астрид замолчала.

– Мне нужно знать данную информацию, чтобы начать исследование. Мне нужно знать все.

Астрид задвигала закушенной нижней губой.

– Знаете... пудровый такой. Ох!..

Когда Астрид воскликнула, Роберт весь встрепенулся вместе с ней. Он не понял, в чем дело, пока та не извернула свою руку локтем к себе. Сперва невозможно было ничего увидеть, но секунда-другая – и чудо произошло на глазах Роберта: прорывая пору на руке, наружу лезло нечто микроскопическое и едва заметное. Нежный гиацинт был цвета бирюзы, и он рос-рос-рос, пока не достиг размера ноготка детского мизинца.

Роберт оказался ошарашен в очередной раз, он смотрел на происходящее как умалишенный, однако взял себя в руки и, достав из ящика стола увеличительное стекло, взял Астрид

за покрывшееся мурашками предплечье, чтобы рассмотреть лепестки получше.

Они произрастали из самой глубины, через все слои кожи. Так Роберт предполагал.

– Тебе очень больно?

Астрид покачала головой.

– Я привыкла. Просто это было неожиданно. Обычно я чувствую, когда это начинается, но сейчас отвлеклась...

– Какие эмоции передает этот цвет? Волнение? Ты волнуешься?

Казалось, сейчас вот-вот прокусит себе губу, так сильно она сжимала ее зубами.

– Нет причин для волнения. Я просто ученый, который хочет тебе помочь, и я не собираюсь класть тебя на пыточный стол, если ты вдруг об этом подумала, – увидев, что его слова возымели ноль реакции, он улыбнулся. – Пойдем, покажу тебе мой скромный уголок.

Когда Роберт встретил Астрид на пороге своего дома, уже тогда она выказывала чистейшее любопытство, переливами сверкающее в ее небольших, но невероятно серых глазах. Внешне она оставалась спокойной, словно ничто не могло потревожить ее детской невозмутимости, но глаза... Глаза выдавали ее.

И теперь, шагая по дому Роберта, Астрид то и дело оглядывалась равнодушным поворотом головы, будто кто-то ей запрещал проявлять чуть больше участия. Ей было семна-

дцать лет, однако вела она себя как ребенок, который наслушался от дурных родителей псевдосоветов о том как можно и как ни в коем случае нельзя. Для Роберта она, конечно, и была ребенком, но не до той смехотворной степени, когда человек мыслит и ведет себя как пятилетнее дите, не соответствуя реальному возрасту.

Проведя ее через гостиную, Роберт заметил ее восхищенный взгляд, направленный на огромный, двухметровый в ширину, камин с догорающими там поленьями. Возле камина стояли два кресла, между ними – журнальный столик. Чуть поодаль расположились удобная софа, обитая тканью цвета красного дуба, и книжные полки с идеально ровно выставленными в ряд антикварными книгами. Люстра над всей этой красотой была сделана из настоящего хрусталя.

Всю эту роскошь, гармонично вмещенную в двухэтажный дом, Роберт нажил непосильным трудом, еще будучи работая с Клаудией при одной известной лаборатории. Платили им немало, да и Роберт занимался частными уроками – ходил по домам сильных мира сего и обучал естественным наукам их чад.

Астрид неуверенно плелась за ним на своих тонких, почти дистрофических ногах, и продолжала озираться, впитывая в себя этот сдержанный шик. Роберт про себя усмехался – это она еще сад не видела.

Говоря, что его лаборатория – скромный уголок, Роберт значительно приуменьшил. Лаборатория занимала по пло-

щади две комнаты. Так было в действительности, потому что однажды поняв, что ему не хватает места, Роберт снес стенку, отделявшую одну комнату от другой. Теперь перед ними красовался последний писк передовой технологии: габаритная аппаратура, всяческие приборы, конструкции и прочее-прочее... Все, что нужно было ученому, находилось в пределах его комфортабельного жилища.

Астрид замерла на пороге лаборатории и, на мгновение растерявшись, слабо тряхнула головой и вошла вслед за Робертом.

– Располагайся, – сказал он, снимая с себя пиджак и несколько небрежно кинув его на спинку стула за одним из столов. – Пока я достану все необходимые предметы.

Удобным для себя местом Астрид, видимо, посчитала жесткую тумбу, стоявшую подле окна. Может, она была настолько забитой, а может, просто ей хотелось смотреть в окно. И она смотрела. Смотрела неотрывно, пока Роберт доставал необходимые пробирки, стетоскоп и прочие вспомогательные вещи.

За окном с этой стороны дома не было видно шикарного сада, поэтому сложно сказать, на что Астрид смотрела так меланхолично. Наверное, на одинокое высокое дерево, которое в летние дни загораживало солнце и которое Роберт так и не смог до сих пор спилить. Руки не доходили. Словно все шло против того, чтобы от этого дуба остался только пенек, и Роберт часто думал о его скрытой, неизвестной никому са-

краментальности, ведь прошлые хозяева дома тоже жаловались на это дерево, но никак не могли от него избавиться. Вероятно, Астрид ценила самую суть одиночества.

– Сейчас я должен буду провести стандартные процедуры: взять у тебя кровь, измерить давление, проследить мощность работы сердца, – ему пришлось отвлечь ее от долгого созерцания. – Подойди поближе.

Астрид повиновалась. Она встала с тумбы, и ее внимание моментально переключилось, словно до этого она не предавалась своим пространным мыслям.

Подойдя к Роберту, она спокойно и покорно опустила руки вдоль туловища, мол, делайте со мной, что хотите.

– Задери рукав кофты, пожалуйста. И присядь на этот стул.

Все было сделано. Роберт тонометром измерил ее давление, которое, к слову, оказалось самым обыкновенным, а затем попросил ее задрать кофту, чтобы пустить в ход стетоскоп. Когда Астрид выполнила просьбу, Роберт на мгновение замер, как и всегда при виде чего-то ошеломляющего.

Цветки изменили свое положение – то бишь выросли уже в другом месте: теперь бирюзовые лепестки облюбовали себе место на левом боку, волнообразным завитком беря свое начало у ребра и заканчивая у верхней области таза.

– Они выросли только что?

Астрид кратко покачала головой.

– Иногда вырастают новые, а иногда старые меняют цвет.

Эти – вчерашние.

Роберт пообещал себе записать все необходимые данные немного позже, чтобы хоть как-то структурировать возникший в голове хаос, вызванный фактами, которые очень сложно сопоставить друг с другом.

Упорядочив мысли, Роберт примерился к грудной клетке, облаченной в черный тканевый топ.

– Дыши, как дышишь обычно.

По итогу этих незамысловатых осмотров выяснилось, что все, в общем-то, стандартно: никаких сбоев, в легких везикулярное дыхание, без хрипов, тоны сердца ясные и ритмичные. На сегодня осталось последнее, самое малоприятное и колющее в самом буквальном смысле.

Роберт достал запакованные шприц и иглу, медицинский спирт, пробирку.

– Знаю, скверная штука, но так надо.

Астрид даже не шелохнулась в ответ.

После всех подготовительных манипуляций иголка вошла в вену четко, в одно мгновение, словно не было ничего естественней в этом мире. Кровь оказалась красной – уже хорошо. Но удручающе то, что одним только забором крови, которая к тому же оказалась нормальной на вид, нельзя определить первоисточник феномена. Быть может, он что-то найдет непосредственно в самом составе, но до результата его отделял только завтрашний день, поскольку сегодня, после того как Астрид уйдет, он планировал заняться своими де-

лами. Если это ему, конечно, удастся, учитывая, насколько захватывающ и интересен процесс разгадки цветков на коже этой юной девушки. Роберт не исключал, что может потерять сон, как это было много раз, стоило ему вдруг взяться за нечто необычное.

– Вот и все, – приговаривал он, наклеивая пластырь поверх пропитанной спиртом ваты. – Теперь ответь еще на несколько вопросов, и на сегодня мы закончим.

– Да, мистер Эндрюс.

– Ты когда-нибудь болела ветрянкой, простудой?

– Болела, мистер Эндрюс.

– Процесс болезни шел тяжело?

– Не могу вспомнить. Но простудой я иногда болею до сих пор.

– Значит, все в норме... – пробормотал Роберт, не зная, рад он данному факту или нет. – Сейчас я отпущу тебя, но завтра ты должна быть готова к более напряженной работе. Нам предстоит многое изучить.

Астрид кивнула.

Роберт проводил ее до коридора и кинул взгляд на ее мимолетно расслабившиеся полуразжатые кулаки.

На ладони, пересекая линию жизни, расцветала красная полоса.

Любимый табак горчил. Роберт не помнил, когда в последний раз курил легкие сигареты, да и не нужно было помнить это детское позерство, лишь бы покурить вместе с одноклассниками, но так, чтобы глотку не жгло, а легкие не захотелось выплюнуть. Теперь все наоборот. В терпкости он видел некое очищение, очищение мыслей прежде всего, а его голова была набита ими под завязку, как котомка бывалого отшельника.

Роберт сидел у себя в гостиной и курил, слушая про успехи Александра на научном поприще. Тот рассказывал, наливая им обоим виски на доньшки стаканов, и был так увлечен, что не видел чужой отстраненности. В другое время Роберт обязательно бы порадовался за своего протеже, но сейчас мозг был занят совершенно другим.

– Ты веришь в невозможное?

Запнувшийся на полуслове Александр изменился в лице, став более серьезным, словно его вызвали к доске как школьника, не смевшего не оправдать возложенные на него ожидания.

– Почему вы спрашиваете?

– Просто ответь.

– Ну, – немного подумал Александр, донеся таки стакан до Роберта. – Я считаю, что сам факт наличия того, что мы называем невозможным, делает невозможное возможным.

– Я знаю, что ты поклонник философии, но не мог бы ты ответить чуть менее пространно?

– Что есть явления, если не плод философии? Не просто так ее зовут царицей наук.

– Спустишься на землю и стань на мгновение материалистом. Представь, что физическое тело человека подвержено неким странным... аномалиям.

– Уточните специфику вопроса, мистер Эндрюс, – Александр сел в кресло напротив, смочив губы виски и по-детски поморщившись.

– Уточняю. Ты веришь в то, что, скажем, кожный покров человека способен стать своего рода цветочной поляной?

– Тогда это уже не философия и не наука, а сумасшествие, согласны?

– И тем не менее, – развел руками Роберт, стараясь не выкладывать сразу все карты на стол. – Мы живем в удивительном мире, нам еще многое неизвестно.

– Даже если допустить, что на коже человека растут цветы, то это будет обосновано только тем, что это не цветы вообще, а нечто похожее по виду, но различное по составу, некое производное организма.

В ходе своего простенького в своей логичности, но емкого рассуждения Александр подал ему блестящую идею. Точнее, навел его на мысль о том, что, возможно, никакого чуда нет и быть не может. Это бы успокоило пытлившую натуру Роберта, определенно. Для него лучше найти феномену объяснение, чем уверовать во всякие чудеса.

– Вот что, Александр, – подытожил Роберт разговор. – В

три часа у нас будут гости. Ты должен присутствовать.

Конечно, он собирался рассказать обо всем Александру, как своему доверенному, приближенному лицу, но до этого момента не знал, как это преподнести, пока не понял, что метод «в лоб» всегда являлся самым лучшим. Ошарашивать – так сразу, не размениваясь на сладкую пощадку.

В назначенный час пришла Астрид. Но пришла одна. Оповестив, что тетя придет через час после окончания службы в церкви, она робко, но легким движением сняла с плеч пальто и повесила на руку. Она бы так и стояла как неприкаянная, если бы Роберт не сказал, что она может повесить пальто на вешалку, а сама пройти в гостиную.

В гостиной их встретил ранее дремавший на софе Александр. Он уже проснулся, но на лице остался отпечаток пуговицы его собственной рубашки. Однако комичность образа перечеркивалась галантной манерой поведения и исключительной тактичностью.

– Мистер Эндрюс, познакомьте нас с вашей юной подружкой.

– Александр, это Астрид Стенфилд. Астрид – это Александр, мой помощник. Он будет работать с нами над твоей... особенностью. Пока я предлагаю не обременять себя началом исследования, а попить чаю у нас на кухне. Что скажете?

Все единогласно, кроме скромной Астрид, решили, что это хорошая идея. Они прошли в просторную кухню, где за пять минут до этого как раз закипел чайник, и уселись за

стол, пока Роберт, как и подобает хозяину дома, ухаживал за своими юными товарищами: достал чашки, налил заваренного чая, разбавил кипятком из чайника, поставил на стол на красивых бело-голубых блюдцах из фарфора. Сладости, само собой, стояли в центре стола: печенья и конфеты.

– Итак, что же особенность у Астрид, раз вы утром говорили мне про невозможное?

– Ты невнимательно слушал, Александр, – тоном, каким делают замечания, сказал Роберт.

– Не хотите ли вы сказать, что кожа Астрид подобна той самой цветущей поляне? – Александру было весело, веселье прослеживалось в его голосе, глазах и виде в целом. Это было его характерной чертой, однако когда надо этот юноша мог стать таким серьезным, что иной раз диву даешься, насколько он хмур и сосредоточен.

Астрид вся замерла, как добыча, попавшая на мушку, и даже не успела отхлебнуть чая, к которому уже было потянулась.

– Астрид, будь любезна, покажи Александру.

И она показала.

Как и в прошлый раз, заправив волосы за ухо и открыв висок, Астрид устремила глаза вниз. Это была ее своеобразная защитная реакция на демонстрацию ей того, что ей уже, должно быть, претило.

Улыбка сползла с лица Александра. Он подался вперед и сделал бы это непозволительно стремительно и быстро, если

бы не разделявший их стол. Издав полный впечатления «ах», он сузил глаза, вглядываясь.

– Поразительно! Это то, о чем вы мне говорили? – спустя долгие секунды обратился он к Роберту.

– Да. Часами ранее я дал тебе крайне прозрачную под- сказку.

– Поразительно, – повторил он, решительно вставая с места. – Разрешите мне рассмотреть с более близкого расстоя- ния?

Астрид кивнула.

Наверное, Роберт выглядел точно так же, когда впервые увидел цветки на коже: как и Роберт, Александр действовал осторожно и внимательно, особенно когда пальцами коснул- ся белого цветка на виске.

Он долго созерцал невозможное, но его склонность к на- учному познанию все равно брала верх, и он, не отрываясь от созерцания и изучения, спросил:

– Вы уже брали какие-то анализы?

– Анализ крови ничего не показал. Проверил давление, дыхание, сердце – ничего. Я в смятении.

– Какова конечная цель исследования? Разгадать загадку?

Роберт с Астрид переглянулись, и Роберт уклончиво от- ветил:

– В том числе. Видишь ли, дорогой друг, тетя Астрид уве- ровала, что все это имеет дьявольские корни, от которых необходимо избавиться. Кстати, а вот и она, – он поднял па-

лец вверх, прослушиваясь к дверному звонку.

Астрид заметно напряглась, пожимая сложенными на коленях кулаками.

Минутами позже Аманда Стенфилд уверенно вошла в дом. Ее тупые каблучки застучали по коридору, умудряясь создавать гулкое эхо, словно Аманда сама по себе являлась всеобъемлющей, непререкаемой фигурой.

Роберт проводил ее до кухни.

– Желаете чаю?

– Вы начали работу над этой проказой? – она не стала размениваться на любезности и даже проигнорировала хотевшего что-то сказать Александра – вероятно, тот желал поздороваться и представиться.

– Начали. Результаты пока что не сообщили мне ничего важного.

– Я хочу увидеть, как вы работаете. Покажите вашу лабораторию. Мистер Эндрюс, – тактично добавила она, как бы сдержанно спохватившись из-за своих жесткости и безапелляционности.

– Само собой. Прошу всех в лабораторию.

Непосредственно в самой лаборатории Роберт приступил к делу.

– Александр, пробирку, – сказал он, не глядя вытягивая руку и в следующую секунду сжимая ладонь на переданной ему колбочке. Понимая, что от него ждут комментариев, он начал пояснять: – Раз биологические анализы внутреннего,

скажем так, характера не принесли результатов, то будет логичнее изучить внешние факторы, а именно сами цветки. Астрид, сейчас тебе придется пожертвовать мне несколько лепестков.

Примерившись к ее предплечью продезинфицированным пинцетом, Роберт аккуратно оторвал один белый лепесток от едва видимой невооруженному глазу сердцевины. Проба оказалась в пробирке.

– Мне необходимо понаблюдать за изменениями лепестка в обыкновенной воздушной среде. Следующий я помещу в воду. А третий я начну изучать прямо сейчас. Думаю, будет целесообразней сорвать весь бутон, – с этими словами Роберт, не предупреждая, поместил пинцет у самого корня, там, где цветок уходил под кожу, и едва осуществил свое намерение, когда пинцет вдруг выскочил из, казалось бы, крепких пальцев и упал на пол, звонко отскочив.

Малодушно Роберт порадовался тому, что вместо пинцета у кожи Астрид не оказались его фаланги, поскольку за мгновение прорвавший эпидермис темно-коричневый шип мог стать причиной мизерной, но все же кровопотери.

Астрид отскочила назад, сделавшись бледной-бледной, Александр замер с большими глазами, Роберт удивленно приподнял брови. И только Аманда оставалась спокойной и, даже можно сказать, крайне недовольной. Инстинктивно она сжала свои ладони, и этот жест не укрылся от Роберта.

– Господи, простите! – воскликнула Астрид, приложив

руки ко рту. – Я не хотела, не хотела...

Роберт взял паузу на то, чтобы сделать глубокий вдох и шумный выдох.

– Все в порядке. Что это было?

– Эти шипы... – она рассеянно и раздосадованно забормотала. – Они вылезают, когда мне больно или неприятно.

«Понятно, – подумал Роберт, – защитная реакция».

Ситуация еще больше усложнила изучение феномена. Тут впору было бы растерянно почесать макушку, но Роберт не из тех, кто просто так сдается.

– Извини, но цветок мне так или иначе нужен. Шип – тоже. Придется потерпеть.

Ее глаза застлали слезы. Астрид упрямо сжимала губы и неосознанно покачивала головой.

– Астрид, – Аманда с нажимом произнесла ее имя. – Делай как тебе велят.

И без того субтильное тело Астрид сделалось напряженным, наострившимся костлявыми плечами и напряженными пальцами. Она явно предпочла бы этого не делать, автоматически ответила, мгновенно став безэмоциональной и равнодушной:

– Да, тетушка.

Мучить бедняжку у Роберта не было совершенно никакого желания. С хладнокровием, которое обычно спасало его от чрезмерных переживаний, он, взяв со стола другой пинцет, примерился и резко дернул его на себя. После шип,

оставшийся после первого раза отпал, и рядом вырос новый, который Роберт в итоге и взял в качестве образца. Теперь у него имелся лепесток, бутон и шип. Сорвав все это великолепиие с кожи таким варварским способом, Роберт ощутил себя ужасным человеком, но еще ужаснее было то, с каким видом смотрела Аманда на Астрид.

Аманда сжимала ладони в кулаках – совсем как и ее нежная, робкая и безропотная племянница.

Глава третья

Астрид приходила в лабораторию несколько раз в неделю. Иногда с тетей, иногда – без. Честно говоря, Роберту было спокойнее, когда этой властной женщины не было рядом, иначе в противном случае он бы обзавелся седыми волосами, находясь под гнетом ее пристального, жесткого взгляда.

Подобные ей женщины просто не знали любви. Очерствелость, душевная заскорузлость не могут появиться у представителей прекрасного пола просто так, на все нужна причина. И тем не менее будучи истовым знатоком женщин, Роберт до сих пор не мог разгадать загадку Клаудии, своей бывшей жены. Стервозность очень легко перепутать с жестокостью, потому что у этих двух качеств имелась одна схожая черта – эгоизм. И надо понимать, что в первом случае эгоизм здоровый, обусловленный умением говорить «нет» и прочими факторами, присущими настоящим львицам, а во втором – основан на доставляющем удовольствие моральном садизме. И вот Клаудия как раз была где-то между. Вернее, была то между, то впадала в крайности, поэтому Роберт запомнил ее как очень «пограничного», сложного человека.

Когда они познакомились, Клаудия зацепила его своей бойкостью, стойкостью, склонностью к свободному, независимому поведению. К тому же, на тот момент они были очень

молоды, а глаза на своего партнера, как правило, открываются только спустя какое-то время. Роберту понадобились годы, чтобы понять одно – ее амбиции вкупе с проявлениями этой «пограничности» способны погубить даже самые светлые чувства, которые Роберт был способен когда-либо испытывать. Как итог – его нагло оклеветали в воровстве научных наработок. Чего не хватало Клаудии? Любви, которую Роберт ей давал с избытком? Денег, которых у них было крайне много? Хороших отношений с родителями, которые воспитали ее в поддержке и заботе? Непонятно. Клаудия – первый феномен, с которым Роберт когда-то столкнулся. И все же он больше верил в правила, чем в исключения, а потому мог с уверенностью заявить, что жестокие женщины – плод каких-то негативных событий. Ему неинтересно было, почему Аманда вела себя подобным образом, его больше волновало ее непосредственное участие в исследовании. Она хотела избавиться от цветов на теле Астрид, Роберт же хотел сделать из этого если не общественное достояние с весомой пометкой своего имени, то хотя бы запечатлеть свои труды во благо будущих поколений. Да, иногда в нем говорил Фауст. Не тот Фауст, бывший в самом начале настоящим мотом, расточительством вавшим человечность в себе, а тем слепым стариком из самой концовки, сумевшим прозреть, только находясь в буквальной темноте. И как Фауст, Роберт сказал бы заветное «остановись, мгновенье, ты прекрасно!» в тот миг, когда осознал бы, что его труд и труд всех прекрасных лю-

дей, порождающих свободу – вот настоящая мета достойной
будущности человечества.

К Астрид Роберт относился осторожно. Она казалась та-
кой зажатой и робкой. Это можно было перепутать с хрупко-
стью, но внимательный наблюдатель и знаток человеческих
душ скажет наверняка, что все не так просто. Астрид, может,
и была робкой, но в ней угадывалась стойкость, которую она
проявляла по отношению к трудностям, а уж что-что – почти
каждодневный поход в лабораторию к Роберту было нелег-
ким делом, как морально, так и физически. Астрид подвер-
галась всем «прелестям» текущего исследования: выполня-
ла физические нагрузки, бесконечно сдавала анализы, даже
вынуждена была выдавить пару слез на предметное стекло.
Делала она это без желания, плакать по-настоящему ей было
не о чем. Или она просто была крепким оловянным солда-
тиком.

Результаты повторного забора крови ничего не дали.
Единственным прогрессом стало интересное наблюдение:
в воде сорванные с кожи лепестки становились больше, а за-
тем меняли цвет с исходного непременно в белый – цвет спо-
койствия Астрид. Если цветок просто долгое время находил-
ся в пустой пробирке, то он, конечно умирал, увядал, как са-
мый обычный цветок. Шипы же на протяжении долгого вре-
мени оставались шипами – ни цвета, ни формы они не ме-
няли.

Когда Роберт раз за разом не без аккуратности срывал

цветки с ее кожного покрова, Астрид сжимала свои тонкие розовые губы и на мгновение зажмуривала большие глаза с бледными, слегка голубоватыми веками. У Астрид была совсем непримечательная внешность. И тем не менее, что-то в ней было, что-то неуловимое для среднестатистического человека и заметное – для человека, привыкшего подмечать детали, ведь в деталях обычно кроется самое прелестное. У Астрид на правой щеке были две крохотные родинки. На подбородке красовалась небольшая, почти незаметная ямочка. Еще Астрид любила поводить плечами, когда ей становилось неуютно, и часто, пожалуй, очень часто прихватывала зубами верхнюю губу. Все это Роберт заметил еще во второй день ее визита. Астрид нужно было растрясти, заставить ее почувствовать себя легио, непринужденно, «в своей тарелке».

Шел пятый день, и Роберт решил устроить небольшое, уютное чаепитие с конфетами, печеньем, шоколадом и мороженым. Подростки вроде это любят. Поставленную перед собой задачу Роберт ознаменовал как попытку подружиться, стать с Астрид накоротке, вывести ее из этого извечно-го зажатого состояния. На нее было больно смотреть, и речь не только о тощей фигурке, изредка видевшей сладкое, а внутренних последствиях, нажитых годами, проведенными в компании набожной чопорной тетки.

Когда Роберт пригласил Астрид в кухню, та обмерла, увидев количество разных яств на столе, но оказалась настолько излишне воспитанной, что и предположить не могла о своем

участии в маленьком сладком пире.

– Почему мы не в лаборатории? – спросила она.

– Видишь ли, Астрид, – Роберт обошел со спины и, понукающим жестом взяв чуть повыше локтя, мягко подтолкнул ее к столу, – сегодня мы обойдемся без рутинных исследований, а просто посидим, попьем чаю – или кофе? – и поговорим.

Астрид напряглась.

– Поговорим?

– Не поверишь, я умею разговаривать вне научного контекста. Присаживайся. Ты будешь кофе или чай?

Роберт ждал ответа секунд тридцать.

– Чай. Зеленый, – скромно уточнила Астрид.

Разлив чай по чашкам, Роберт присел на соседний стул.

– Угощайся. Дома тетушка наверняка не позволяет такой роскоши, правда?

Глаза у Астрид, вопреки мрачному внешнему виду, горели. Ее взгляд перебегал от одной тарелки к другой: от горки пестрых конфет до завитушкой выложенных на фарфоре курабье.

Ее сжатые в кулаках руки дернулись, но Астрид моментально себя одернула, предпочтя витиевато ответить:

– Я давно не ела ничего сладкого. Очень.

– Так вперед, – приободрил ее Роберт. – Пусть это будет нашим маленьким секретом.

Астрид очень постаралась, чтобы ее протянутая до тарел-

ки с печеньем рука не обнажила ладони.

– Так о чем вы хотели поговорить?

– Да о чем пожелаешь. Мне очень интересно узнать тебя, как личность. А ты личность хотя бы потому, что благополучно прошла социализацию и... – заметив, как Астрид улыбнулась краешками губ, Роберт осекся. – Я что, опять все свожу к научным понятиям?

Астрид активно закивала. Само присутствие печенья в руках явно взбодрило ее.

– Прости. И так, чем ты увлекаешься?

Вопрос был банальным, но фундамент благополучного разговора строится именно таких участливых вопросах.

Момент, когда Астрид надкусила печенье и крошка прилипла к ее губам, можно было назвать трогательным. Неопишуемое удовольствие выразилось на ее ровном, бледном как полотно лице.

– Я люблю балет, – прожевав и всем своим видом поблагодарив, ответила она. – Это так красиво, так... тонко.

– Значит, любишь балет, – зачем-то повторил Роберт задумчиво. – Танцуешь или смотришь?

– Смотрю.

– Отчего же не танцуешь?

– Искусство развращает, – выпалила Астрид так, словно эта фраза была записана у нее на подкорке. – Так тетя говорит...

– Чушь собачья, – без какого-либо пиетета по отношению

к Аманде высказался Роберт. – Запомни, искусство – единственное, что созвучно с сердцем, а оно говорит именно на языке искусства. Что еще ты любишь? Помимо того, что тайком, видимо, смотришь балет.

– Я люблю философию... Только не говорите тетушке!

– Потому что это инакомыслие? – Роберт изогнул бровь.

– Нет иной первопричины, кроме Бога, – слегка покривившись, произнесла Астрид. Очередная цитата ее тетки.

– Вам определенно стоит поговорить с Александром. Он философию просто обожает. И какая же, по-твоему, первопричина всего сущего?

– Конечно, воля, – твердо ответила Астрид, смело посмотрев в его глаза. Потом она поспешила объяснить. – Всеобъемлющая воля, познающая саму себя. Но она не осознанна.

– Шопенгауэр, – угадал Роберт, удовлетворительно кивнув. – Почему же не осознанна? Мы не можем этого знать наверняка.

– Тогда это уже Гегель, – робко парировала Астрид. – «Мир – это абсолютный разум, пытающийся познать самого себя».

– Что абсолютный разум, что всеобъемлющая воля – все это говорит только об одном: мир это нечто, что осознанно или неосознанно познает свои пределы. Но парадокс в том, что эти пределы бесконечны.

Астрид заметно оживилась. Ей нравилось говорить об этом с кем-то, учитывая, что до этого беседы на эту тему она

вела исключительно сама с собой.

– Иногда я думаю о парадоксах, – тихо произнесла она. – Самый интересный парадокс заключается в том, что, узнавая все больше, мы понимаем, что ничего не знаем.

– Такова сущность самой философии. Парадоксальная наука. А наука ли?

Роберт знал ответ на свой вопрос, но ему хотелось послушать, что думает юная душа на сей счет.

– Она царица наук, – осмелев, Астрид отправила в рот уже второе печенье. – Она объединила под собой математику, химию, физику, астрономию, литературу, историю... Я обожаю ее.

– Это видно, Астрид. И очень похвально. Послушай, – начал Роберт издали. – Я хочу быть твоим другом. Если у тебя есть какие-то проблемы, то ты всегда можешь рассказать о них мне. Любые проблемы, – его взгляд красноречиво скользнул вниз к девчачьим сжатым ладоням, и Астрид сделала вид, что не заметила этого.

– Я не против быть вашим другом.

Роберт склонил голову набок, пуская в ход самый нечестный способ быть дружелюбным – смотрел на Астрид вот так, как сейчас. И правда, это нечестный и хитрый маневр, потому что едва Астрид расслабилась, Роберт аккуратно, но твердо перехватил ее запястья, разворачивая руки ладонями вверх.

– Она бьет тебя?

Роберт решил не быть иносказательным, а спросить прямо.

Он внимательно изучил волнами схлестнувшиеся давнишние бледные и новые красные шрамы на узких ладонях, и почувствовал, как на собственном лбу посередине выступила вена от непроизвольно сжавшейся челюсти и напрягшихся скул.

В ужасе Астрид мягко отняла руки.

– Я сама виновата, – почти прошептала она.

Роберт не поверил ей.

– Ты не могла сделать ничего дурного, чтобы заслужить такое.

– Вы не можете знать... Вы ничего не знаете.

– Вот что, – выдохнул Роберт. – На сегодня все. Лучше встретимся завтра и продолжим наше исследование.

В глазах Астрид мелькнуло искренне непонимание, несмотря на проявленную ею дерзость пару секунд назад.

– Все в порядке, Астрид. Просто иди домой.

Все и правда было в порядке. Просто Роберт не хотел в продолжение целого дня молчаливо наблюдать за последствиями чужой жестокости без возможности задавать вопросы. Вопросы задавать хотелось, но Роберт не мог, учитывая, насколько Астрид сделалась замкнутой из-за обличения им ее тетки.

Им обоим нужно время, чтобы поговорить об этом.

Астрид ушла.

Роберт позвонил Александру и сказал ему не приходите сегодня и сам лег спать через пару часов. Ранняя осенняя темнота всегда действовала на него убаюкивающе.

Ему снова снилась Астрид.

Узнав несколько фактов, Роберт отложил их в сознании, которое, в свою очередь, откликнулось ему во сне очень эфемерной, легкой, но детальной картиной.

Астрид танцевала. На ее ногах были нежно-розовые пуанты, а тело украшала пачка. Сон был коротким, но достаточно волнительным, чтобы когда Роберт проснулся, ощутил странное ощущение в груди. Оно, точно раскаленная лава, расплывалось, растекалось внутри него, обжигая легкие, сердце и живот. Совершенно мальчишеское, неуместное чувство, хоть названия ему Роберт не дал. Будучи ученым и зная названия чего угодно, он предпочитал открешиваться от ярлыков в собственной жизни. В конце концов, что страшного в охватившем его после сна чувстве? Да ничего. Просто реакция ума и тела на нечто прекрасное, а оно действительно было прекрасным. В течение оставшегося вечера Роберт то и дело возвращался мыслями к увиденной во сне картине и словно втихомолку любовался ею, прикрывая глаза. Астрид являлась необычной девушкой. Должно быть, в другом случае Роберт прошел бы мимо нее, но ситуация складывалась так, что именно она была обладательницей совершенно, казалось бы, невозможной особенности. Эта особенность и Астрид неотделимы. Разве есть смысл представ-

лять «а что если бы...»? Особенность делала Астрид собой и наоборот – особенность была столь нежной и аутентичной благодаря Астрид. Неразрывное сочетание.

Роберт понял, что думает об Астрид слишком часто и как бы мимолетно напомнил себе, что этой юной душе всего семнадцать лет. Это заставило его охладиться, хотя и не было никакого серьезного «воспламенения».

Воспламенение.

Как давно он этого не ощущал. С самой своей юности. Тридцать четыре – уже явно не тот возраст, когда чувства бегут вперед разума, очертя голову. В этом плане Роберт давно очерствел, он мог найти себе кого-то для приятного времяпровождения, но не более того. Словом, ему было это неинтересно, да и обстоятельства как-то не складывались.

Через день к нему с Александром пришли Астрид и Аманда. День был важный, потому что именно тогда они собирались приступить к следующему этапу исследования – электромиографии. Роберт неосознанно откладывал этот момент, потому что чувствовал – электромиография покажет то, чего они раньше не видели. И не ошибся.

На снимках просвечивалась отличная от нормальной человеческой нервная система.

В нервные клетки корнями уходили микроскопические стебельки.

Пока Аманда и Астрид в полном гнетущем молчании ждали в гостиной, Роберт показал результаты Александру.

– Как такое может быть... – пробормотал Александр тихо и пораженно.

– Это мы и пытаемся выяснить.

– Этот синтез... – после недолгого молчания Александр наконец подобрал слово. – Этот синтез очень естественен в ее организме. Но как может быть естественно то, что неестественно? Ответ один – чудо, мистер Эндрюс.

– Я не верю в чудеса.

– Цветы в организме Астрид – как нечто само собой разумеющееся. Они наравне с прочими физиологическими процессами. Значит... значит, она была задумана такой высшими силами. Не могу подобрать иного объяснения.

Роберт хотел было возразить привычным пространственным рассуждениям своего протеже, но вдруг понял, что ему, в общем-то, крыть нечем. Александр прав. Пока что.

Настало время сказать о результатах самим Стенфилдам. Роберт не привык подбирать слова, поэтому заявил прямо и четко, глядя в глаза сначала Аманды, а потом Астрид.

– Из нервных клеток вашей племянницы произрастают стебли цветов. Они почти микроскопические и вплетены в нервную систему, опутывая собой все каналы.

– И как от этого избавиться? – спросила Аманда нетерпеливо.

– Пока сложно сказать, – вступил в разговор Александр. – Почти невозможно изменить саму природу человека, если она такова.

Аманда поджала губы и сухо произнесла:

– Уж постарайтесь.

Астрид все это время молчала. После позавчерашнего разговора с Робертом она в принципе еле шла на контакт, хотя очень старалась показать, что все в порядке. Прорывающиеся сквозь кожу бирюзовые цветки выдавали ее волнение. Для Роберта она была как открытая книга, но это не означало тривиальность. Наоборот, ее хотелось читать и перечитывать. Глянец и природа ее новизны побуждали открывать страницу за страницей и внимать робким строкам, которым на самом деле было что сказать.

В солнечном сплетении Роберта снова начинало неизбежно печь.

Весь оставшийся день он изучал результаты электромиографии. Точнее, просто смотрел на них и пытался понять – как так? Не уж-то и правда высшие силы постарались столь изощренно? Он бы даже сказал – креативно. Если это правда, то, получается, перед собой они могли наблюдать Нового Человека? Именно так, с большой буквы, поскольку если предположение верно, то это большой эволюционный скачок. Роберту было интересно, передаются ли это по наследству, ведь он ничего не слышал про родителей Астрид; было интересно, будут ли уже ее дети такими же и способна ли она вообще выносить ребенка. Если подойти к теме философски, то можно проследить интересную мысль – если исключить теорию эволюции, Астрид была задумана кем-то та-

кой, какая она есть; означало ли это, что абсолютный разум просто забавлялся или что Бог – такой же сам? Всеми этими вопросами Роберт ломал голову весь вечер и всю ночь.

Встреча с Астрид должна была состояться через день, но что-то подстегивало Роберта перенести ее на сегодня. Желание обуславливалось в том числе и тем, что он знал – в этот день Аманда точно не сможет присутствовать, а потому в голове Роберта созрел умный, но вполне бесхитростный план.

Он позвонил в дом Стенфилдов и сказал Аманде, что Астрид необходимо явиться через пару часов для новых анализов. И Астрид пришла.

Зайдя в дом Роберта, она явно не ожидала увидеть его и Александра одетыми. Своего помощника Роберт, конечно, посвятил в свои дальнейшие действия.

– Не раздевайся, Астрид, – сказал он. – Мы идем на ярмарку.

Увидев замешательство, Александр с присущей ему широкой улыбкой пояснил:

– Будем есть мороженое. Много мороженого. И плевать, что сейчас осень.

Их с Робертом целью было изучить Астрид со всех сторон, попасть с ней во всевозможные ситуации, выстроить доверие, наконец. Последний пункт был весьма альтруистическим, не относящимся к исследованию. Роберт рассказал Александру, что злостная тетка бьет ни в чем неповинное дитя по рукам, и тот воспринял эту информацию крайне

негативно. Еще бы – помимо обычной истины о пагубности насилия, Александр придерживался мягких взглядов, потому что сам был родом из воспитанной, интеллигентной и даже рафинированной семьи, где насилие считалось верхом невежества, ведь по-настоящему умный человек никогда не ударит ребенка, и неважно, провинился он в чем-то или нет.

Тем временем Астрид неловко потопталась на месте и растерянно проронила:

– Как скажете, но, боюсь, моей тетушке это не понравится.

– А мы ей не скажем, – оптимистично произнес Роберт и легонько развернул Астрид к двери, взяв ее за плечи. – Считай это частью нашего исследования.

На мгновение плечи Астрид напряглись, стоило к ним только прикоснуться, однако чем дольше этого касание становилось, тем быстрее она расслаблялась. Прошло четыре секунды, а под пальцами Роберта уже не плечи, объятые легким пальто, а податливый воск – мни сколько хочешь.

Роберт тут же одернул себя, осознавая в себе зарождение чего-то темного, мрачного и непослушного.

На тот момент он едва ли догадывался, к чему это может привести, но знал наверняка: теперь эта девочка – его идея-фикс, и она манила так, как не манил никто другой в его серой, допотопной и скучной жизни.

Теперь он понял.

Глава четвертая

Вся отвратительность осени заключалась в слякоти и сырости. Роберт не любил осень, хоть и родился именно в это время года. Но осень невероятно шла Астрид к лицу.

Шагая рядом с ней по улице, усыпанной опавшими листьями, он наблюдал, как она вертела головой, словно никогда не видела белого света, как смешно морщила нос, когда капли падали на ее лицо с еще мокрых после недавнего дождя деревьев, и как ее черные волосы отливали белыми бликами, когда редкое солнце вдруг выглядывало из-за туч.

Роберт пристально смотрел на Астрид все это время и удивлялся, как этого еще не заметил Александр – он всегда был наблюдательным молодым человеком.

Они шли втроем не спеша и слухом смакуя звук плещущихся под ногами маленьких луж.

– Расскажи про своих родителей, Астрид, – завел разговор Роберт, не изменяя своей цели узнать о ее родословной. – Твоя тетушка не особо любит говорить о них.

– А вы пытались? – совершенно беззлобно поинтересовалась Астрид, то и дело оправляя волосы, чтобы те как можно лучше скрывали вечно растущий на одном месте цветок. Должно быть, это привычное для нее действие.

– Пытался. Однажды. Твоя тетя сказала, что о них совсем

нечего вспоминать, кроме их постоянного желания ездить на моря, – сказав это, Роберт запоздало прикусил язык. – Прости, не хотел тебя задеть.

Астрид нашла разумным помолчать, хотя Роберт был бы совсем не прочь хоть раз увидеть ее недовольной или даже злой.

– Я никогда не была на море, – вдруг сказала она, с совершенно детской тоской вздохнув, но тут же поправилась. – Может, это и к лучшему. Боюсь разочароваться в том, что мои родители так горячо любили.

– Так ты помнишь их? Родителей.

– Мне было пять лет, когда их самолет разбился.

Тут подал голос заинтересованный Александр.

– Возможно, ты помнишь о них по рассказам тети?

– Она и вправду не любит о них говорить. Особенно о моей маме.

– Отчего же? – спросил Роберт.

– Не знаю.

– У одного из твоих родителей были такие же особенности как у тебя? Это очень важно.

– Вы думаете, это передается генетически, – догадалась Астрид, вовремя извернув свои ноги, чтобы ловко, полупрыжком, избежать грязевой каши на дороге. – У мамы или папы такого не было. А если и было, то мы никогда не узнаем. Но даже если да, – продолжала рассуждать она, – то у них это тоже должно было почему-то появиться... Бесконечные

изыскания.

Роберту нравилось, насколько разговорчивой становилась Астрид, когда Аманды не было рядом.

– Ты права, – ответил он, немного погодя. – Будем работать с тем, что имеем.

– О, а вот и ярмарка, – Александр указал рукой в сторону открывающегося им вида бесчисленных палаток за углом массивного здания из красного кирпича.

Площадка для проведения ярмарки была выбрана большая, просторная: в два уходящих вдаль ряда стояли обитые красной тканью палатки, у которых толпились люди, а чуть поодаль расположилось огромное колесо обозрения – настоящая редкость для их городка. Мамочки с детьми занимали очередь в сувенирные и гастрономические ларьки, чтобы урвать себе горячего безалкогольного пунша и фигурных конфет ручной работы. Вся атмосфера звучала на одной веселой ноте, и доносящаяся откуда-то живая музыка мажорным лейтмотивом призывала к буйству этого веселья.

Астрид смотрела на все это широко открытыми глазами.

– Ну что? Лично я и правда очень хочу мороженое, – сказал Роберт, когда они подошли к одной из палаток.

– Я буду кофе, – выбрал Александр. – А ты, Астрид?

Та неловко повела плечами.

– Ничего... У меня нет с собой денег.

– Они тебе не нужны, – отмахнулся Роберт, доставая из кармана свой бумажник, и обратился к продавцу за прилав-

ком. – Будьте добры ванильное мороженое, черный кофе и сладкую вату.

Астрид мороженое он не предлагал. Заболеет еще – будет его вина, да и тетка что-то заподозрит.

Тем временем Астрид благодарно потупилась, опустив глаза.

Когда все было готово, каждый взял свое лакомство. Они не торопясь пошли в сторону колеса обозрения – там было более широкое пространство, и люди не теснились, как между прилавками.

Небо над ярмаркой сгушалось синими тучами. Облачные цепи смыкались меж собой витиеватыми узорами. Начал накрапывать легкий дождик, но это не мешало всеобщему празднеству.

– Куда мы идем? – поинтересовалась Астрид, скромно прихватывая губами кусочек сладкой ваты.

– Мы можем прокатиться на колесе, – предложил Александр. – Сто лет этого не делал.

– В самом деле? – Роберт изогнул бровь. – Ты только недавно перестал быть подростком. Хочешь сказать, что в то время не предавался ребячеству?

– На самом деле мне никогда не было это интересно. Я больше любил проводить время за рабочим столом, изучая анатомию, физику, биологию...

– Мистер Эндрюс сказал, что вы любите философию, – вспомнила Астрид и следом извинилась. – Простите, не хо-

тела прерывать вас.

– Все в порядке, – Александр улыбнулся. – Я и правда люблю философию. Она предваряет все остальные науки. Многим этого не понять, но чудесно, что мы втроем это понимаем.

Почувствовав себя в этом маленьком привилегированном кругу, Астрид смущенно заулыбалась.

Роберт знал одно – есть люди, которые остаются забытыми даже в своем кругу, но есть и те, которые в своем кругу наоборот раскрываются, расцветают, подобно ранневесеннему бутону. Астрид относилась ко вторым. Общество Аманды сдерживало в ней ее природную харизму, тягу к знаниям, к прекрасному...

Аманда – кощунственный человек.

В маленькой будке Роберт купил на троих билеты. Когда к земле спустилась пустая кабина, они шагнули в нее и заняли свои места. Роберт сел напротив Астрид и Александра.

– Никогда не каталась на колесе обозрения, – восторженно выдохнула Астрид, смотря в сторону раскинувшегося по правую сторону леса, пока кабина неспешно набирала высоту.

– Не боишься высоты? – спросил Роберт.

– По-моему, нет ничего романтичнее, чем разбиться птицей в полете, – хмыкнул Александр, устраивая руки на бортах кабины.

Астрид подумала, прежде чем ответить.

– Не боюсь. Но вы правы, – обратилась она к Александру. – Если умирать, то только так.

– И часто ты думаешь о смерти, Астрид?

– Нечасто, мистер Эндрюс. Но иногда, когда я размышляю о истоках, приходится задумываться и о их конце. Они связаны между собой.

– Не факт, что за этим концом нет продолжения, – весело заметил Александр. – Либо ты попадаешь в ловушку колеса Сансары, либо рвешь этот круг и уходишь в Нирвану.

– Или в Рай, – пожал плечами Роберт.

– Все это очень похоже. Просто называется по-разному, – Астрид на мгновение перевела взгляд от пейзажа на своих собеседников. – Я верю в перерождение. После смерти энергия души должна куда-то деться.

– Это уже не столько метафизические, сколько квантовые категории, – Роберт подумал, сколько ума кроется в этой юной девушке. Надо только произвести его огранку, направить в нужное русло, и получится настоящий алмаз. – Ладно, давайте просто насладимся потрясающим видом из нашей кабины. Созерцание лучше, чем слова.

Они становились все ближе к грядам грозových облаков. Роберт любил непогоду в самом символическом ее понимании. Непогода – напоминание о том, что плохие полосы в жизни – тоже норма. У Роберта была плохая полоса, но он старался не унывать, что его изгнали из научного сообщества и лишили всех заслуженных наград из-за грязной, несправедли-

вой клеветы. Главное иметь план, и у Роберта он был. Теперь был. Он вновь взойдет на пьедестал славы, и в этом ему поможет прекрасная Астрид.

О, она и правда была прекрасна. Немного несурзная внешность приковывала внимание: гнездо черных волос, серые глаза, тонкие губы, в разрез всем писанным красавицам современности... Ее цветки. Все это вкуче составляло божественную картину.

Сейчас он смотрел на то, как замороженно она наблюдала полет кажущихся ей такими близкими птиц и как при этом она совершенно забывалась и расслабляла сжатые в кулаках ладони, случайно демонстрируя им с Александром уже успевшие порозоветь и побледнеть линии ударов. Следы не были ни на что похожи: ни на ремень, ни на провод. Это было что-то острое, либо зазубренное, металлическое.

У Роберта самого сжимались кулаки, стоило ему только подумать, каким унижению и жестокости подвергается Астрид, живя рядом с этим чудовищем.

Но та словно не вспоминала об Аманде в этот момент. Она была поглощена густыми и вместе с тем безжизненными, тишайшими облаками, соприродными ее тишайшей душе.

Постепенно кабина начала опускаться вниз, плавно поскрипывая сцеплениями.

Им втроем предстояло покинуть ярмарку, чтобы не вызвать подозрений дотошной тетки.

Но Роберт не жалел о столь ничтожном количестве време-

ни, проведенном в такой хорошей компании, поскольку был убежден, что удовольствием не должно пресыща

Скольжение пальцев Роберта по клавишам было ласкательным, чутким. Инструмент любил его. Эта любовь была взаимной.

Клавишные ближе всего были Роберту, потому что у каждого музыкального инструмента своя душа, а у пианино она вмиг делалась сентиментально-говорливой, стоило только кончикам пальцев сыграть какой-нибудь незатейливый менуэт.

В один день, сидя за пианино, Роберт услышал дверной звонок. Нисколько не сбившись и лишь наградив входную дверь мимолетным взглядом, он громко сказал:

– Открыто.

Тем временем руки порхали над клавишами, импровизированно наигрывая что-то между «Собачьим вальсом»² и «К Элизе»³.

Позади него встала Астрид. Роберт не видел ее, а, скорее, почувствовал.

– Здравствуйте, мистер Эндрюс.

– Здравствуйте, Астрид. Я закончу через несколько минут.

² Музыкальное произведение композитора Фердинанда Ло

³ Музыкальное произведение композитора Людвиг ван Бетховена

Пока можешь сходить на кухню и налить себе чаю.

Однако Астрид никуда не пошла. Ну, разумеется.

– В пианино мне нравится одна особенность, – сказал он, делая плавный переход к басовому ключу и совершенно точно зная, что Астрид его внимательно слушает. – Широта диапазона. Ты можешь зажать «соль» на самой верхней октаве, а можешь и на самой нижней. Как мажор и минор. Как свет и тьма. Как жизнь и смерть. Понимаешь, о чем я?

Позади раздались приглушенные шаги. Астрид стояла у него за плечом.

– У вас хороший ассоциативный ряд. Когда-то так зарождались великие литературные произведения модернизма⁴.

Роберт вовлеченно кивнул, одновременно с этим думая, как лучше всего ему закончить свою импровизацию, не превратив ее в безвкусный наигрыш. Еще несколько секунд он продолжал играть. По-хорошему, надо было просто прекратить, но Роберт всегда упрямо шел до конца. Одно огорчало – этот конец всегда был минорный.

Сделав быстрый перебор пальцами, он, наконец, зажал несколько клавиш на одной из самых низких октав, заставив инструмент грозно провибрировать, и задержал ладони в воздухе, обозначая завершение игры.

Роберт обернулся.

– Хочешь попробовать?

⁴ Модернистские произведения отличаются полетом мысли, основанном на субъективном мировосприятии каждого человека

Астрид непроизвольно сжала свои ладони, тем самым невольно давая ответ.

– Не думаю, что у меня получится.

– Отчего же? – Роберт не желал, чтобы она лишала себя прекрасного только потому, что хотела скрыть уродство на своих руках. – Все очень просто. Я скажу тебе на что нажимать, чтобы сыграть начало «Лунной сонаты».

Они оба знали, что ходили вокруг до около той темы, которой касаться нужно с особой деликатностью, и оба умели быть деликатными, но что-то их останавливало в данный момент.

Астрид привыкла слушаться и она присела на банкетку рядом с Робертом.

– Что я должна делать?

Роберт беззвучно рассмеялся.

– Прежде всего, ты ничего никому не должна, – сказал он с улыбкой. – На инструментах играют ради собственного удовольствия. Давай, попробуй, – он взял ее правую руку, отметив, какой напряженной она была, и занес ее над клавишами. – Большим пальцем зажми вот эту клавишу. Именно большим. И расслабь руку.

«Ля» издала низкий звук под пальцем Астрид.

– Теперь «ре». Вот эта. Нет, давай я лучше тебе покажу. Смотри внимательно.

Большим, средним пальцем и мизинцем Роберт по очереди зажал «ля», «ре» и «фа», рождая пока что незамыслова-

тую мелодию.

– Повтори.

Астрид прикусила губу и повторила за своим учителем точь в точь.

– Левую руку пока давать тебе не буду. Нужно освоить правую. Попробуй еще раз. Только... мягче.

Астрид глубоко вздохнула.

Извлекаемые ею из пианино звуки были похожими на «Лунную сонату», но все какими-то не такими. Они были твердыми, жесткими.

– Сыграй еще мягче. Так, как будто ты порхаешь бабочкой над поляной.

– Хорошо, мистер Эндрюс.

И она снова повторила. Уже лучше, но не идеально.

– Нет же, – произнес Роберт и, вопреки мягкости голоса, совсем неосторожно перехватил ее руку, чтобы продемонстрировать.

И Астрид вскрикнула.

Сиротливым жестом она вдруг прижала к себе руку, сжимая ладонь в кулаке, и отвела взгляд. Несколько секунд они молчали: Роберт в замешательстве, Астрид – словно извиняясь за испорченный миг волшебного искусства. На деле ей не за что было извиняться. Извиниться должен был Роберт, а если смотреть в корень проблемы, то извиняться должна была Аманда – часами, долго, бесконечно.

– Покажи мне.

Астрид покачала головой.

– Астрид, – с нажимом повторил Роберт.

Та сдалась. Аккуратно, словно боясь выпустить пташку, она разомкнула руку.

Новые, свежие красные раны исполосовали нежнейшую бледную ладонь. Какое-то зверство.

– Чем она бьет тебя? – спросил Роберт громко и четко. В такие моменты он всегда был безапелляционным, чтобы ни у кого не было путей отступления, чтобы никто даже помыслить не мог о побеге.

Серые глаза Астрид застлала влажная поволока.

– Это... это пряжка.

– От ремня? – изогнул он бровь, стараясь сохранять хладнокровие.

Астрид кивнула.

– Как давно она делает это? И за что? В прошлый раз ты так и не ответила.

– Когда умерли мои родители, тетя взяла меня к себе. Она не знала, что через год на мне расцветут лепестки, а когда увидела, сильно испугалась. Мне было семь, – видимо, в горле Астрид неприятно пересохло, и она сглотнула. – Она думает, что во мне живет Дьявол, которого можно укротить лишь силой. Когда она ударила меня в первый раз, то увидела в этом освобождение для нас двоих.

Роберт шумно выдохнул, но молчал, желая дать ей возможность выговориться.

– Она стала бить меня чаще, когда я подросла. Находила разные поводы и выставляла их неоспоримым доказательством того, что я ужасное порождение Сатаны. Обычно она била меня рукой, но мои шипы... Несколько раз телефонным проводом – в каких-то особенных для нее случаях. Но пряжкой... Помню, впервые это случилось, когда я играла со старыми вещами в кладовке и случайно нашла коробку с фотографиями. На них она была со своим бывшим мужем. В коробке лежал его кожаный ремень с железной пряжкой. Она взяла его и... – Астрид закрывала и открывала глаза, чтобы прогнать кристально четкие воспоминания. – Полагаю, она не хотела, чтобы я находила эти фотографии.

Роберт все же вздрогнул. В отличие от Астрид, говорившей холодным и словно отстраненным тоном, он не мог переносить подобные откровения спокойно. Только не тогда, когда о зверстве говорят, как о чем-то обыденном.

– Я никогда не спрашивала у нее, за что, и, честно говоря, до сих пор не спросила. Это ничего не изменит. Я просто выставляю перед собой руки. Жду, пока все не закончится. Я всегда была трусихой, чтобы воспротивиться ее воле.

– Послушай меня, – Роберт осторожно накрыл ее раненую руку своей, поглаживая лихорадочными частыми мазками пальцев по коже. – Единственная причина, по которой она еще не за решеткой, – это то, что тебе пока что семнадцать. Как твой официальный представитель, она имеет больше привилегий на тебя. Но ты, – пальцы с силой давили

на ее костяшки, словно Роберт пытался физически передать ей запас моральных сил, – но ты можешь бороться с этим. То, что ты рассказала мне сейчас, и то, что ты осознаешь несправедливость ее действий – уже достижение. Тебе повезло, что она не сломала тебя окончательно. Ты сильная. И какой бы отпор ты ни захотела ей дать однажды, я буду с тобой в этом решении.

Астрид доверчиво смотрела в его глаза.

– Все по-настоящему великие люди, прежде чем создать что-то прекрасное, в самом начале шли незавидным путем. Они выстрадали это. Выстрадали свое счастье, потому что боль – движущая сила для создания прекрасных вещей. Когда-нибудь ты тоже создашь нечто прекрасное.

– Вы верите в это? – Астрид нахмурилась.

– Конечно, – уверенно ответил Роберт. – Преврати боль в свою движущую силу. Потому что ты, моя девочка, красива в этой боли, как никто другой.

Те благодарность и обожание, что отразились в глубине ее глаз, не получилось бы скрыть даже самым умелым притворством.

У Роберта не было цели добиться такого эффекта, он лишь хотел успокоить, подбодрить, но, кажется, слегка перестарался, поскольку далеко не факт, что Астрид вообще сможет творить нечто прекрасное, находясь под гнетом своей тиранической тетки. Такие, как Аманда, живут долго. Роберт не знал, почему так, но скверные люди обычно являлись

долгожителями. Если, конечно, их случайно не сбивала машина. От этой мысли Роберт, признаться, мысленно ухмыльнулся, но не стал и дальше отправлять фантазию в полет до этой несбыточной мечты.

– Ладно, Астрид, – он встал с банкетки. – Давай пройдем в лабораторию. Взглянем на твои цветы.

Глава пятая

Не было никакой пошлой, грязной коннотации в том, как Роберт посмотрел на Астрид, когда она, словно забывшись, где находится, почесала ногу, немного сместив наверх краешек юбки. Роберт просто кинул на нее продолжительный взгляд и понял, насколько он на самом деле очарован ей. Разлитое по нутру вино еще сильнее раскрывало и усиливало это чувство.

Сидящий по другую сторону софы Александр, конечно, это заметил. Он многое замечал, но ни разу не заикнулся об этом в личном разговоре со своим наставником, считая это делом деликатным и требующим, так сказать, политики невмешательства. Роберт был крайне благодарен Александру за все: за его помощь, за понимание, за умение говорить там, где нужно, и смолчать там, где нужно; правда Роберт очень редко выражал свою благодарность, предпочитая казаться строгим и сдержанным. Нет, на самом деле был один момент, который Роберт помнил так хорошо, словно это произошло вчера. Тогда, три года назад, они с Александром только познакомились. Когда Клаудия во всеуслышание оклеветала Роберта в воровстве ее наработок, именно Александр стал той поддержкой и опорой, которая не позволила Роберту скатиться на дно. В один день Роберт безбож-

но напился, и когда Александр отвел его поспать, тот вдруг обнял его и сказал «спасибо тебе». Александр понял, что его благодарят не за то, что он помог снять верхнюю одежду и даже обувь, и вовсе не за то, что днями ранее он защищал его в суде, а буквально за все. Это «спасибо тебе» оба хранили в своем сердце, как нечто, что больше никогда не повторится, и оттого ценнее эта фраза казалась теперь.

Помогая Роберту в новом исследовании, Александр замечал многое, и в этот раз, как и в прошлые разы, не говорил ни слова.

– Ко сколько тебе нужно быть дома? – поинтересовался Роберт у сидящей между ними Астрид.

– Тетя сегодня допоздна задерживается в церкви, – только и ответила она, смутившись своему действию, которое сделала ранее со своей зудящей под колготками ногой.

– И ты отказываешься от вина? – удивился Александр. – Кошунство какое!

– Я попробовала алкоголь лишь однажды, и мне не понравилось, – Астрид повела плечами. – Мне было пять лет. Лизнула доньшко рюмки кончиком языка. Мама разрешила.

– И ты никогда не хотела попробовать, будучи взрослой? – бровь Роберта изогнулась.

– Неважно, хотела я или нет. Даже если и хотела, в любом случае алкоголь – это плохо и...

Она остановилась, потому что Роберт и Александр с явной усмешкой переглянулись.

– Я сказала что-то не то?..

– Ты сказала все верно. Извини. Просто это очаровательно – объяснять свою позицию, руководствуясь обыкновенными «хорошо» и «плохо».

– Это и есть мораль, разве нет? – пробормотала Астрид.

– Конечно. Только слишком безапелляционная. Не рассматривающая нечто между. Я не говорю, что тебе обязательно нужно попробовать алкоголь, речь вообще не об этом. Дело в простоте твоих суждений. Думаю, мир избежал бы кучи проблем, если бы на весах лежали только «плохо» и «хорошо» без учета промежуточных вариантов.

Астрид смекнула.

– Вы считаете меня идеалисткой.

– Но именно это мне и прекрасно в тебе. Грязь этого мира еще не касалась тебя в полной мере. В конце концов, быть идеалистом совсем не плохо. Только... – Роберт помедлил, – немного больно.

Астрид, чего Роберт и Александр никак не ожидали, уверенно потянулась к журнальному столику и, взяв пустой бокал, протянула его Александру, который наполнял свой.

– Налейте.

Казалось, Астрид ничуть не смутилась собственной просьбе. Александр вопросительно посмотрела на Роберта.

– Ты уверена?

– Уверена.

Когда бокал был наполнен до половины, Астрид обхвати-

ла его, собираясь сделать глоток. Сначала она вдохнула запах, словно чуткий гурман. Затем немного отпила. Роберт помнил эти первые ощущения из своего подросткового возраста: на вкус вино казалось терпким и сладким и оседало на языке ненавязчивой пряностью. Его первое вино готовили из зрелого красного винограда, бархат которого тек вниз по горлу, щекоча связки. Восхитительные воспоминания.

Астрид сделала два больших глотка и неловко вытерла подбородок, потому что пара капель сорвалась с края бокала.

– Оно немного... – она прислушался к ощущениям еще раз, – суховато.

– А сам вкус? – спросил Александр.

– Еще не поняла, но это было приятно.

– Вот видишь, придерживаться аскетичных взглядов действительно кощунственно, правда? – риторически спросил Роберт, отпивая из своего бокала. – Но налегать все-таки не советую. Нам нужно вернуть тебя трезвой. Кстати, задери рукав. Хочу посмотреть, как реагируют цветы на что-то новое.

Астрид задрала рукав водолазки. На руке, возле кубитальной вены, вырос голубой цветок. Роберт присмотрелся.

– Что ты сейчас испытываешь?

– Не знаю, мистер Эндрюс. Не могу разобрать. Разве что... это больно, когда они прорастают. Это вы и так знаете.

– Такой цвет у тебя в первый раз?

– Да, – голос ее дрогнул.

Роберт пожевал губу.

– Что ж, будем наблюдать. Главное обращай внимание на свои эмоции. Я думаю, это ключ.

– Ключ к выздоровлению? – с надеждой Астрид посмотрела на него.

– Это не болезнь, чтобы искать лекарство. Неужели ты солидарна со своей любимейшей тетушкой?

– У нас разные причины это ненавидеть, но они есть – с твердостью произнесла она. – Я не могу быть нормальным человеком: не могу ходить в школу, не могу подставляться солнцу, боясь, что прохожие заметят на мне это... Я вынуждена носить закрытую одежду и обречена общаться только с тишиной. В конце концов, мне больно испытывать сильные эмоции, а я хочу их испытывать. Очень хочу, мистер Эндрюс.

Удачно утешив ее однажды, Роберт не знал, чем утешить ее теперь. У них были диаметрально противоположные взгляды касательно этого вопроса. Он считал, что ее особенность – настоящий подарок судьбы. Всегда есть что-то, что должно быть выше твоих «хочу» или «не хочу», «удобно» или «не удобно» – это высшая миссия, миссия, которой предначертано изменить жизнь всего человечества. Вот именно ради этого всегда стоит терпеть.

Астрид смотрела на него выжидающе и осторожно.

– Мистер Эндрюс, вы обещаете?..

Даже сидящий рядом Александр напрягся.

– Пообещайте, что вы излечите меня.

Уголки губ Роберта дрогнули в улыбке.

– Обещаю, Астрид. Конечно обещаю.

Пока что исследование зашло в тупик, но Роберт не признавался в этом ни Астрид, ни самому себе. Он просто избегал данного факта. У него имелось несколько результатов, но что с ними делать и куда они ведут – одному Богу известно. Каждую встречу они работали над анализами и срывали новые цветки, но на этом все. Для Аманды в его лаборатории шла трудоемкая работа, когда на самом деле они сидели втроем в гостиной и попивали вино. Это только сегодня. Позавчера же они устраивали совместные чтения, а несколько дней назад молча слушали «Адажио» Альбиниони. Роберт готов был поклясться, что обладай Астрид певчим голосом, то эта оперная песня была бы назначена именно ее устам. Она бы исполняла ее с неопишным горем на лице, и извивы ее стройного по звучанию и разноцветного голоса рождали бы в слушателях гибельную, но необходимую тягу к трауру, которая так нужна эмпатичной душе. Эмпатичная душа не может не страдать. Такова ее природа, ее предназначение.

У Астрид тоже было предназначение – изменить мир. Она – тот инструмент, который в руках Роберта обретет свое «я», свою самооценку и ценность для других. Она перевернет все.

Ближе к восьми часам они проводили Астрид до выхода, предварительно договорившись встретиться через пару

дней.

Удивительно, но эти пару дней оказались мучительными в своем ожидании. Роберту хотелось снова увидеть ее, услышать голос, проследить за плавной походкой, выраженной в ворожащих ум и глаза шагах. О, Астрид не знала, насколько пленительной она была – юная, сформировавшаяся во многих моральных и физических аспектах и совершенно не подозревающая, какую власть она могла иметь над очарованной ею душой. Юность – она такая: свежая, яркая, привлекательная, соблазнительная. Нет, Роберт ни в кое случае не имел тяги к молоденьким девочкам в общем понимании, его, как здорового человека, не привлекли бы совсем уж маленькие представительницы противоположного пола – это была бы болезнь, проклятие, клеймо. Его привлекла именно Астрид, такая, какая она есть, и иначе быть не могло.

Он вспоминал о ней, когда сидел в своем кабинете и записывал в тетрадь свои наблюдения, касающиеся исследования, которое назвал просто «Философия эволюции». Если цветы Астрид как нечто само собой разумеющееся и естественное, то их первоначально ссылалось на божественные причины и вмешательства. С этой мыслью Роберт почти заснул, как вдруг в кабинет вошел Александр.

– Я только что был на научной конференции, – сразу начал рассказывать он. – О вас вспоминали. Причем, недобрым словом.

Роберт моментально взбодрился.

– Что, там была Клаудия, полагаю?

– Была, – подтвердил Александр. – К сожалению. От этой женщины исходит яд. Удивляюсь, как вы еще не придумали способ заткнуть ее за пояс раз и навсегда, отвоевать свое почетное место, встать на пьедестал, вернуть себе честное имя и...

– С чего ты взял?

Вопрос был задан так спокойно, что сомнений не оставалось – план уже придуман.

– Что вы хотите осуществить?

– Ты знаешь, что.

Александр, хотевший было потянуться к виски на тумбочке, замер.

– Не говорите мне, что собираетесь сделать из девочки подопытную зверушку.

– Не драматизируй, – Роберт отмахнулся. – Никто не станет подопытной зверушкой, как ты выразился. Просто к нам будет больше внимания, и все. Я доведу исследование до конца, задокументирую, и больше никто не станет таскать ее по лабораториям.

– А как же обещание найти антидот?

– Это утешительная байка для Аманды, чтобы она позволила нам продолжать изучать Астрид для своих целей.

– И какова конечная цель? Лишить ее покоя?

– Ты снова драматизируешь.

– В конце концов, эти цветки причиняют ей много боли.

Вы хотите, чтобы она мучилась всю оставшуюся жизнь?

– Давай поступим так, – Роберт мягко хлопнул ладонью по столу, подытоживая краткий разговор. – Я подумаю над всем этим. Дай мне месяц. А пока мы будем просто наблюдать.

– Ну... хорошо, – помедлил Александр. – Я верю вам.

Роберт не стал говорить, что он уже принял решение, иначе это вызвало бы со стороны Александра бурю негативных эмоций, а уж если Александр расходился, приводя при этом кучу весомых аргументов, остановить его было почти невозможно, поэтому Роберт соврал во избежание головной боли. Он не видел в себе совсем уж явного фарисейства, потому что существовало такое понятие, как «ложь во благо», которое объясняло все его мотивы – он откроет миру Астрид, во что бы то ни стало.

Роберт не понял, в какой момент, но встречи начали проходить с некой напряженностью. Напряженность росла по мере времени, пройденного от момента их откровенного разговора с Астрид касательно зверского тиранического отношения к ней Аманды. Александр тоже знал, но не был в тот момент, когда состоялся сам чудный миг разговора. Чудный, потому что открытость и умение быть откровенным действительно ценны для любого собеседника. В конце концов, Астрид в этой откровенности казалась Роберту ангелом во плоти, принужденным говорить то, что хотела бы скрыть из жалости к своей тетке, а Астрид действительно было ее жаль. Жаль как человека, у которого нет ничего радостного в

жизни, и как человека, на которого могут завести уголовное дело. Астрид вся являла собой эту сердобольную, сострадательную интенцию ко всему вокруг.

Словом, Астрид была очень напряженной из-за минуты откровения с Робертом. Но при этом что-то изменилось между ними: Астрид смотрела на него так, словно все чего-то ожидала, но одновременно боялась ожидать – это было видно по ее растерянности и скованности, выражавшейся в редких движениях будто немеющих рук и пальцев и заторможенных кивках головы при разговоре. С каждым днем ее лицо все больше оттенял сумрак смущения. Все же, возможно, Роберту не стоило давить на нее тогда. Теперь тот разговор стал если не пропастью, то большим расстоянием между ними, которое, казалось, только-только начало сокращаться.

Роберт ожидал Астрид с минуты на минуту. Но раздался звонок телефона.

– Слушаю, – сказал он, поудобнее натягивая провод.

Собеседника он сразу же узнал по колюще-режущей интонации.

– Мистер Эндрюс, – подала голос Аманда Стенфилд. – Астрид сегодня не придет. Она плохо себя чувствует.

– Что случилось?

– Простуда, – кратко оповестила она.

– Ну, что ж, – он не мог скрыть явного разочарования и беспокойства в голосе. – Передайте ей от меня пожелания выздоровления.

Ни банального «конечно», ни сухого «передам» в ответ не прозвучало. Связь просто оборвали. Роберт еще долго стоял, приложив трубку к уху.

Он волновался.

Новость о болезни Астрид казалась слишком неожиданной. И звонок Аманды выглядел как попытка преступника отвести от себя подозрение. Что она сделала с бедной Астрид? Как сильно ее руки сейчас кровоточили? Какую боль она сейчас испытывала? Какие цветы прорывались сквозь ее кожу?

Роберт отменил все свои дела с намерением навеститься в дом Стенфилдов. Это намерение было неоспоримо, неподвергаемо сомнению. Через час он уже шел по заснеженной улице по направлению к обветшалому дому на окраине города. Он еще не придумал, что скажет. А может, и говорить ничего не надо? Он просто оповестит о том, что пришел справиться о самочувствии больной, тем более во время болезни ее особенность могла проявиться совсем по-другому, а такой шанс нельзя упускать. Аманда пойдет на все, чтобы избавить племянницу от «проказ Дьявола».

Волнение одолело его настолько, что он ускорил шаг, и уже через пятнадцать минут стоял на пороге дома Стенфилдов. Палец уверенно нажал на дверной замок, предсмертная и хриплая трель которого была слышна даже снаружи.

Гости, очевидно, были редким явлением для этого дома, поэтому Роберт нажал на звонок еще раз, более настойчи-

во. Прошло несколько минут, прежде чем Аманда открыла дверь.

Она посмотрела на него так продолжительно, что человеку робкому явно стало бы не по себе.

– Что вам угодно, мистер Эндрюс?

– Я пришел к Астрид, чтобы проверить ее самочувствие и немного понаблюдать за поведением ее организма. Это необходимо для исследования.

Несколько долгих секунд Аманда просто смотрела на него в упор. Просто поразительно, насколько живо двигались шестеренки в ее голове, при этом никак не влияя на эмоциональную палитру.

– Конечно. Пройдемте.

С прошлого визита Роберта в самом доме ничего не изменилось. Они прошли через старенькую гостиную к лестнице и поднялись по ней.

– Вторая дверь справа, – даже указательный взмах ее руки казался резким, механизированным. – Сейчас я занята, поэтому не смогу к вам присоединиться, но, надеюсь, вы быстро проведете эти ваши наблюдения.

Роберт уважительно поклонился.

Он не раздумывая постучал и приоткрыл дверь. Через проем на кровати показалась Астрид. Она была обмотана в шерстяной шарф и одета в свитер.

– Мистер Эндрюс? – она оказалась удивлена, и глаза ее, похожие на два маленьких блюдца, еще сильнее расшири-

лись.

Роберт вошел и закрыл за собой дверь.

– Астрид, – только и мог сказать он, вздыхая от облегчения. Он сразу обратил внимание на ее руки, и на них не наблюдалось следов насилия, они спокойно лежали на ее коленях, почти безмятежно.

– Что вы здесь делаете?

Роберт подошел к кровати и сел на ее край, чтобы протянуть руку и коснуться ладонью лба Астрид.

– Ты очень бледная. Бледнее обычного. И у тебя температура.

– Знаю... Иногда она поднимается и держится очень долго. Ее сложно сбить.

– Как ты себя чувствуешь сейчас? – с серьезным беспокойством спросил Роберт.

– Неважно, мистер Эндрюс.

– Может, есть что-то, что я могу сделать для тебя?

Астрид не пришлось долго думать.

– Выключите верхний свет. Пожалуйста, – она, видимо, едва не забыла о вежливости из-за плохого самочувствия, а еще не преминула совсем несвойственно ей, но очаровательно пожаловаться: – Глаза очень болят. И еще свитер очень колется. Все чешется, просто ужасно.

– Когда твоя тетя позвонила... – начал было Роберт, но помедлил, охваченный чувствами.

Лежащая на покрывале расслабленная рука Астрид дер-

нулась в его сторону, будто бы произвольно ища более близкого контакта, чем обыкновенный разговор. Если можно было стать бледнее снега, то именно такой Астрид и стала в этот момент, потому что Роберт заметил этот не вполне осознанный ею самый порыв. Он взял Астрид за руку, сжав безвольные ослабевшие пальцы, и поднес ее к своим губам, жарко выдохнув.

– Я волновался, – признался он, на этот раз с бóльшим пылом. – Думал, что все может быть куда хуже, чем «болезнь». Ты знаешь, о чем я.

Теперь, с этим решительным действием, все словно встало на свои места: Роберт обнажил свои эмоции, и это ощущалось как глоток свежего воздуха.

Астрид почти невпопад кивнула и следом шумно втянула в себя воздух – Роберт перевернул ее руку с твердым намерением поцеловать середину ладони. Его губы, сухие и теплые, ненавязчиво прижимались к бледным полосам старых шрамов, изучая, насколько чувствительно то, что уже не должно болеть. Но, пожалуй, оно все же болело, потому что Астрид сильно сжала свои беспокойные губы.

– Она увидит, – пугливо она попыталась высвободить руку, и хотя Роберт не сжимал ее сильно, все равно не смогла.

– Не увидит, – сказал он, словно мог обещать. – Она спустилась вниз и, кажется, чем-то занимается. И раз уже я здесь, – он сжался над ней и выпустил ее, – покажи свои цветы. Совместим приятное с полезным.

Астрид задрала рукав свитера. Цветки были обыкновенными, белыми.

– Никаких изменений в последнее время не было?

– Все как обычно.

– Ты так привыкла подавлять в себе эмоции, – покачал Роберт головой. – Знаю, тебе больно, когда растут цветы, но лучше пускай они растут, чем ты тебя заполнит пустота.

Астрид не успела смутиться. Стук каблуков Аманды был слышен с лестницы.

– Извините, мистер Эндрюс, – холодно и учтиво произнесла она, зайдя в комнату. – Астрид пора принимать лекарства. Вы провели наблюдения, как и хотели?

– Да, все сделано. Спасибо вам обоим за уделенное время. Теперь я пойду.

– Я провожу вас, – кажется, Аманда впервые улыбнулась – так ей не терпелось выпроводить чужака из своей обители.

Уже у себя дома Роберт более-менее расслабился. С Астрид было все в порядке, просто простуда.

На досуге он размышлял о словах Александра касательно конференции, где его поминали недобрым словом из-за присутствия Клаудии. Он должен, нет – обязан восстать. Его имя еще прогремит и будет на устах каждого, и он не собирался закапывать свои амбиции, чтобы со временем бесславно пополнить ряды могил на кладбище. Кто-то очень мудрый сказал, что кладбище – самое богатое место на свете, потому что именно там кладезь нереализованных идей, мечтаний,

целей и проектов. Это точно не про Роберта, никогда не было про него и уж тем более не будет теперь, когда у него в руках теплится чудо из чудес. В Астрид он видел не только реализацию своих амбициозных планов, но и альтруистических намерений. Он хотел показать девочке свет, открыть для нее новую сторону жизни, когда ей больше не придется стесняться себя и бояться, когда боль – моральная и физическая – станет для нее чем-то давно забытым. Роберт был уверен, что с обнародованием сенсации Аманда потеряет все права на Астрид, не только в связи с приближающимся совершеннолетием, но и в связи с неприкосновенностью, которая будет при Астрид, точно при строго охраняемом объекте. О, Роберт предвкушал такое будущее.

Около десяти вечера он начал готовиться ко сну и даже почти успел погасить свет во всем доме, как внезапно раздался стук в дверь. Роберту никогда не наносили столь поздних визитов, поэтому он достал из запертого ящика в гостиной некогда подаренный ему Александром револьвер и предусмотрительно сунул его в задний карман брюк.

Стало быть, наступила его очередь удивляться, поскольку в ответ на грозное «кто там?» раздалось негромкое, подрагивающее «это я, мистер Эндрюс».

На пороге стояла легко одетая Астрид и, озябши, переминалась с ноги на ногу.

– Астрид, что ты здесь делаешь?

– Я сбежала, – тихо и пораженно проговорила она, словно

сама не могла поверить в содеянное.

– Заходи, ты совсем замерзла. Сразу снимай плащ, я дам тебе теплый плед.

На ногах у нее были лишь туфли-лодочки. И это в осеннюю, граничащую с зимней, погоду! Насколько должно быть невыносимо в ее доме, раз она прибежала в таком виде?

– Простите, я не хотела вас беспокоить, просто после того как вы ушли, мне стало так... так одиноко.

– Что твоя тетя?

– Она приняла свою дозу снотворного и легла спать.

– Ох, Астрид, – Роберт покачал головой, но не потому что был не рад или что-то вроде того, а потому что ему было жалко это несчастное дитя. – Мне все равно придется вернуть тебя домой. Во сколько обычно просыпается тетя?

– Около семи утра.

– Не знаю, на что ты надеялась, придя сюда, но здесь тебя ожидает то же самое, что и дома – постельный режим.

Астрид послушно повиновалась.

– Хорошо, мистер Эндрюс.

В эту ночь ему предстояло забыть о сне. Он провел Астрид в гостевую комнату, уложил и накрыл одеялом и обещанным пледом, а сам пошел готовить чай с медом.

На кухне Роберт методично отмерил несколько грамм травяного листового чая, залил кипятком из только-только подошедшего чайника и добавил немного меда. Его от силы не было в комнате восемь минут, а когда он пришел, то за-

стал удивительную, но щемящую сердце картину.

Астрид плакала.

Тихо-тихо. Она лежала на боку в успевшей пропитаться атмосферой вязкой немощи кровати, и ее лицо было влажным от плавно ползущих вниз слез.

Роберт сел на край кровати и сказал шепотом, сочувственно-протяжно:

– Что же ты, Астрид?

Его ладонь нерешительно впелась в ее волосы. Астрид словно настолько глубоко пребывала в понятной ей одной муке, что ей было все равно, кто рядом, что и зачем. Ровно до того момента, пока губы не скривились еще сильнее, а плач, наконец, пунктирный и надрывный, не вырвался наружу. Грудью она кинулась Роберту на колени – кинулась, вцепилась, задрожала.

Роберт растерянно погладил ее вяло содрогающиеся лопатки.

Ну конечно, понял он, эта непривычная и обескураживающая естественность – самое нормальное, что когда-либо происходило с Астрид. Роберт вспоминал себя в раннем возрасте при болезни и следом вспоминал одну простую истину: каждый ребенок хочет, чтобы родители были рядом, чтобы позволили положить голову на колени, чтобы приносили невкусные чаи и гладили по голове. Состояние, когда тебе плохо, искренно плохо, срывало все маски, и человек оставался с тем, чего на самом деле по-настоящему хотел. У Аст-

рид просто-напросто никогда не было возможности побыть этим маленьким больным ребенком, беззастенчиво и бескорыстно наслаждающимся присутствием близкого для него человека. А Роберт вдруг почувствовал себя просто отвратительным, аморальным человеком, потому что сейчас Астрид прижималась к нему и во всем ее виде звучало только это жалующееся, слезное, детское «пожалейте меня», но Роберт не был ей отцом.

– Мне так плохо, – просипела она еле слышно. Она все еще продолжала рыдать, но осознание окружающего мира уже постепенно просачивалось в ее разум.

– Знаю, Астрид. Я знаю.

Они просидели так еще долгие минуты. В полной тишине, почти неге. Когда глаза Астрид уже начали слипаться, она попросила:

– Не уходите. Пожалуйста.

Это был самый бесхитростный и светлейший эгоизм, который Роберт когда-либо встречал. И он остался – пересел в кресло и погасил ночник, став ожидать, когда Астрид заснет.

Об остывшем чае никто так и не вспомнил даже наутро.

Около половины шестого Роберт поймал для Астрид такси возле дома. На прощание он мельком посмотрел на ее губы и с мрачным удовлетворением и стыдом подумал, что мог бы их беззастенчиво, крепко поцеловать.

Глава шестая

Роберт не видел Астрид еще несколько дней. Ему более не приходило в голову ее беспокоить, поэтому он спокойно занимался своими делами, включая поход на выставку, на которую давно обещал сходить вместе с Александром. «Формалин» была не новой выставкой, Роберт видел ее уже раза три за всю свою жизнь, но обещание есть обещание, хотя помимо мертвых тел и органов животных они там больше ничего интересного не отыщут. Вообще тела бальзамировали, но называть выставку именем самого процесса было бы не так эстетично, как назвать ее непосредственно в честь ключевого компонента⁵.

Им попался бездарный экскурсовод, поэтому Роберт с Александром постепенно обособились от небольшой толпы слушателей и принялись самостоятельно прохаживаться по галерее. Роберт не мог сказать, что зря потратил время, но вернувшись домой и посмотрев на цветок Астрид, стоящий в специальном растворе, пожалел, что ему нельзя придать вечную жизнь, поскольку бальзамирование применялось по отношению к анатомическим экспонатам. Все, что он мог – это высушить его и заложить между страницами какой-ни-

⁵ При бальзамировании используют формалин

будь книги на память.

И тем не менее, Роберт попробовал. Ради интереса. Достал формалин и прочие необходимые для бальзамирования вещества и подверг цветок процессу сохранения гипотетически-вечной жизни. Он знал, что пройдет день-два – и цветок завянет, умрет, но любопытство брало свое, поэтому Роберт поставил результат своих скромных трудов в ящик и принялся заниматься остальными делами.

Астрид явилась на шестой день разлуки. Она, волоокая и покрасневшая от ударившего морозца, выглядела непривычно радостной и живой. С момента, когда она уверенно перешагнула порог дома Роберта, Роберт признался себе, что никогда ее еще такой не видел.

– Мистер Эндрюс, у вас есть видеомэгнитофон?

Вопрос был задан с такой надеждой, что Роберт сто раз подумал и начал вспоминать, чтобы в случае чего не обнадежить.

– Кажется, есть. Да.

Астрид полезла в свою тряпочную сумочку и достала оттуда две кассеты, продемонстрировав.

– Давайте посмотрим?

– Астрид, у тебя все хорошо? – с сомнением спросил Роберт.

– Все прекрасно!

– Ну, ладно, – выдохнул Роберт. – Но сперва давай посмотрим на твои...

– Нет! – воскликнула Астрид внезапно. Поняв, насколько это было странно, она пояснила: – Я хотела сказать... Сегодня такой прекрасный зимний день, и я хотела бы провести его более... уютно. Понимаете?..

Роберт ничего не понимал. Ему оставалось только разводить руками.

– Хорошо. Тогда я приготовлю нам какао, и мы сядем смотреть фильм. К слову, что там у тебя?

Это оказались две комедии с Одри Хепберн⁶. Роберта такой выбор вполне устраивал. Прежде чем приготовить какао, он достал запылывшийся видеомагнитофон и подключил его к телевизору. Через десять минут, когда все было готово, он вернулся в гостиную и передал в руки Астрид горячую чашку. Она благодарно кивнула.

– Вы часто смотрите фильмы?

Роберт подумал.

– Нечасто, пожалуй. А ты?

– Это первый фильм за несколько лет. Кассеты я нашла на чердаке, когда-то они принадлежали мистеру Стенфилду.

Роберта радовало и одновременно пугало, что в последнее время Астрид так стремительно поддавалась плодам своего инакомыслия и шла поперек слова своей тетки – это могло повлечь за собой последствия, узнай та об этом. Вероятно, Роберт показал Астрид жизнь, которой должны жить все

⁶ Британская актриса, известная по фильмам «Завтрак у Тиффани», «Как украсть миллион» и другим кинокартинам

нормальные свободные подростки, и эта жизнь так понравилась ей, что теперь она рисковала столь бездумно.

Сейчас она сидела рядом с Робертом на софе и нетерпеливо стучала пальцами по своему колену в предвкушении завязки фильма. Казалось, она не думала ни о тетке, ни о побоях, ни о своей печальной жизни. Она просто смотрела фильм, постепенно погружаясь в сюжет с той самозабвенностью, с какой мог смотреть только увлеченный ребенок, впервые увидевший движущуюся картинку.

Комедия оказалась легкой и ненапряженной. Они с Робертом даже смеялись на некоторых моментах. При очередном приступе смеха Астрид резко откинулась на спинку софы. И вскрикнула.

Она стиснула зубы, сдерживая рвущийся следом всхлип.

Роберт взгляделся в ее лицо, сохранившее в чертах кратковременную муку.

– Что случилось?

– Мистер Эндрюс, ничего. Ничего, просто неудачно... – залепетала она, побледнев почти мгновенно. – Знаете, я, наверное, пойду. Не очень хорошо себя чувствую, а фильм... фильм досмотрим потом, хорошо?

Астрид встала, разгладила свою плотную юбку и, кротко улыбнувшись, собралась было к коридору.

Роберт понял.

– Покажи мне.

С его стороны это прозвучало совсем не так, будто есть

выбор. Астрид остановилась. Она, повернутая к нему спиной, вдруг мотнула головой.

– Сними водолазку, Астрид.

– Это лишнее, – сдавленное ужасом горло мешало ей говорить громко.

– Дай мне увидеть.

Очевидно, придавленная ситуацией и больше не способная здесь находиться, Астрид направилась к коридору, судорожностью своих действий выдавая мысль о побеге.

Роберт рванул за ней. Его руки сомкнулись поперек ее живота, едва она сделала пару шагов. Выражение «не сдаваться без боя» вдруг стало как нельзя правдивым. Начался хаос, состоящий из звуков сопротивления, беспорядочных размахиваний руками и оторвавшимися от пола ногами. Роберт тащил Астрид к столу, не размыкая кольца жестких объятий и снося лежащиеся на руки удары кулаков, которые были слишком слабыми, чтобы на самом деле сделать больно.

Для заведомо проигравшего человека Астрид барахталась с завидным упорством, пока Роберт, сопя от усердия, не припер ее животом к столу.

Он надавил на ее поясницу. Так выверенно и ловко, затронув какую-то точку и вызвав болевой укол, что Астрид ахнула, превратившись в безвольное существо. Плечи ее смиренно расслабились, как у сдавшегося, побежденного бойца, тело обмякло, сотрясаемое мелкой дрожью. Она дернулась в остатках сопротивления, беспомощно всхлипывая. И тогда

Роберт задрал на ней водолазку. Конечно, он увидел то, что ожидал увидеть. На изогнутой в неудобной позе спине осталось безошибочное свидетельство опекунской ласки, подписанное ремнем вместо чернил и словно наспех перетянутое свежими бинтами. Роберт сдвинул их в сторону. В первые секунды было только молчание. Выразительное и многоглаголющее молчание, как единственно верная реакция на безобразие воспаленных ран.

– Чокнутая сука.

Роберт хотел обеспечить Аманде вечные муки. Астрид же, вероятно, хотела, чтобы ей милосердно пустили пулю в висок, настолько неловкой и болезненной была ситуация. Астрид начала сползать на пол, вцепившись в край стола и упустив момент, когда Роберт перестал удерживать ее.

Долгую минуту оба ничего не говорили. Но заговорить было необходимо.

– Что вы теперь сделаете?.. – голос Астрид дрожал.

– Она знает, что ты здесь? – спросил он, сжимая кулаки.

– Мистер Эндрюс...

– Она знает? – четче повторил Роберт. По молчанию он понял, что, конечно же, нет. Аманда не пустила бы Астрид с такими побоями куда-либо, иначе это скомпрометировало бы ее.

– Прошу, не говорите полиции, пожалуйста!..

– Я не скажу полиции. Нам ни к чему, чтобы они осматривали тебя. Но ей я скажу. О, я ей многое скажу.

– Не надо, пожалуйста. Вы не понимаете, она не успокоится, она будет продолжать еще чаще...

– Я не позволю, чтобы ее рука еще хоть раз коснулась тебя.

– Вы не сможете узнать. Если даже я сбегу к вам, она придумает любые поводы, чтобы обвинить вас в грязном интересе к моей личности. Она поглотит вашу жизнь так же, как поглотила и мою... Эта женщина... она способна на все.

– Как и я, – глаза Роберта опасно блеснули.

– Если действительно хотите помочь мне, то оставьте все как есть.

– Нет.

– Тогда я сбегу! – решительно заявила она. – Я сбегу и никто не сможет меня найти. И тогда закончится ваше исследование, закончится все.

– Это угроза, Астрид?

– Это констатация факта, мистер Эндрюс. А теперь, – успокоившись, она взяла себя в руки и перестала дрожать, – я развернусь и уйду домой. И вы не будете меня останавливать. Не будете, потому что я уже все сказала.

Роберт впервые видел ее такой – встающей наперекор. В ней была решимость. Скажи она Роберту сейчас «убейте мою драгоценную тетушку, мистер Эндрюс», Роберт так бы и поступил. Такая, она внушала трепет. Завораживающее зрелище.

Едва он одернул себя от этих мыслей, спина Астрид уже мелькнула в коридоре.

– Астрид, – позвал он ее, поняв, что поставленный ею ультиматум непререкаем. – За что в этот раз?

На мгновение Астрид остановилась в дверях.

– За побег, мистер Эндрюс.

Сердце Роберта рухнуло вниз. Сегодня Астрид дала Аманде еще один повод для зверств, сбежав во второй раз. Роберт не знал, молилась ли Астрид, чтобы Аманда не узнала, но Роберт...

Роберт полагал, что стоило.

У него никогда не было дурной привычки нервически кусать губы или вгрызаться в ногти. В последние несколько дней все изменилось. Роберт находил себя нервничающим и беспокойным, его мысли крутились только вокруг Астрид и того, что сейчас с ней творилось. А творилось ли? Скорее всего – да. Если такие люди как Аманда войдут в свой гневливый раж, его осадки легко будет всколыхнуть даже самым незначительным шевелением или дуновением, а Астрид в последнее время давала повод за поводом.

Роберт рассказал о случившемся Александру.

– И что вы намерены сделать? – спросил Александр, спокойно выслушав. – Вы сами говорите, что нельзя привлекать полицию, а на убийство вы не способны, так что...

Роберт решил не комментировать последнюю фразу.

– Но убийство мы рассматриваем как мрачную шутку, естественно, – поправился Александр, ведомый потоком своих мыслей. – Поговорить вы с ней не сможете, бедная девочка и так не знает покоя. Остается только ждать ее восемнадцатилетия.

Патовая ситуация, думалось Роберту, крайне патовая. Он долго сидел в кресле, цедя виски, пока не решил.

– Я пойду к Стенфилдам. Разведаю обстановку. Спрошу, все ли в порядке, почему Астрид не появляется у меня. Это единственное, что я могу сделать сейчас.

Роберт шел к их дому с твердым намерением увидеть живую и невредимую Астрид хотя бы одним глазком. Но дверь в итоге так никто и не открыл. Он звонил, несколько раз стучал, но все безрезультатно. Должно быть, Аманда притаилась где-то там, в глубине своей конуры, и под страхом смерти запретила высовываться и племяннице.

Рано или поздно они обе должны были объявиться. Просто должны были. Опять же, Аманда едва ли планировала себя скомпрометировать на почве веских подозрений.

И вот, вечером, около одиннадцати часов, в дверь постучали. Роберт открыл ее, даже спрашивая, кто там, и увидел Астрид. Она вновь стояла на пороге, только на сей раз менее солнечная и лучистая, но тем не менее она была здесь.

Роберт успокоил внутреннее волнение и прикинулся равнодушным.

– Дай угадаю, она крепко спит под воздействием своего

снотворного?

– Я расскажу вам, если разрешите мне войти, – довольно скромно ответила Астрид, поежившись на холоде.

Конечно, Роберт ее пропустил, посторонившись. Снимая шарф и шапку и вешая пальто на вешалку, Астрид несколько волнующимся голосом начала объяснять.

– Тетя и правда не проснется до самого утра. Пока она была в ванной, я добавила еще немного снотворного порошка в ее стакан...

– Ты действительно это сделала? – Роберт сильно удивился. – И как давно ты практикуешь подобное?

– С недавних пор, – ответила она. – Не обвиняйте меня, мистер Эндрюс. Я просто хочу дышать.

На кухне, где Астрид отогрелась, будучи укутавшейся в плед, они просидели около двух часов. Сперва, из-за всех происходящих событий, им приходилось подолгу молчать и подбирать слова, быть осторожными в общении друг с другом, ведь никто не хотел никого задеть лишним напоминанием о скорбном положении дел. Но потом Роберт понял, что избегать проблему – не значит решить ее, и потому заговорил откровенно.

– Значит, в тот раз, когда ты сбежала ко мне посреди ночи с температурой, Аманда все же прознала об этом и... побила тебя?

Астрид кивнула, опустив взгляд в пол.

– Давно она перешла с рук на тело?

– В первый раз она побила меня так сильно два года назад.

Теперь это повторилось, и я... Я так устала, мистер Эндрюс.

– Ты обрабатывала раны? Ответь честно.

– Частично. Мне было не очень удобно физически.

– Вот что, – решил Роберт, поднимаясь со стула. – Снимай водолазку. Посмотрим еще раз, что у тебя там.

Астрид выглядела печальной, но она была послушной и потому в ту же минуту, немного поколебавшись, развернулась к Роберту спиной и неспеша сняла водолазку. Неспеша, потому что этот процесс доставлял ей много боли – перетянутая марлевыми бинтами спина выглядела ужасно: рощерки пряжки покрылись багровой кровяной коркой, вокруг некоторых ран виднелись уже начавшие желтеть синяки, а сам бинт пропитался высохшей кровью и почти сполз вниз к почти нетронутой пояснице.

Астрид прижимала водолазку к своей груди.

– Нам нужны перекись и новые бинты, – сказал Роберт, стараясь звучать твердо.

Он полез в шкафчик и достал все необходимое. Астрид как стояла в этой сгорбленной сиротливой позе, так и осталась в ней стоять.

– Что это? – заметил Роберт, подойдя поближе снова. На спине Астрид недалеко от ран выросли голубые цветки. – Снова они. Что ты чувствуешь сейчас?

– Совсем ничего, мистер Эндрюс. Все как обычно.

– Ты уверена?

– Уверена.

– Что ж, – вздохнул он. – Вернемся к тому, с чего мы начали. Сейчас я буду снимать бинт, и тебе придется немного потерпеть.

– Я готова.

Роберт бы удивился, скажи она «я не готова». Астрид всегда готова, даже тогда, когда какие-то перспективы ей совсем не нравятся.

Первый виток бинта снялся с легкостью: рука Роберта немного приобняла Астрид вслед за бинтом, и Астрид пришлось отстранить от себя водолазку. Маленькие груди на мгновение показались из-за черной ткани.

Второй виток дался труднее, и Роберт вынужден был крайне медленно и осторожно отрывать прилипший бинт от ран. А цветки все росли и росли, покрывая здоровые участки спины своей голубой россыпью. Роберт пообещал себе вернуться к этому позже и продолжил разматывать порозовевшую от крови марлю.

Когда все было закончено, а бинт выброшен в мусорку, он взялся за перекись и вату. Астрид тем временем стоически претерпевала все неприятные манипуляции.

– Возможно, будет щипать.

От предупреждения, вероятно, Астрид легче не стало. Она поежилась, и ее кожа покрылась мурашками. С первым прикосновением смоченной в перекиси ваты Астрид вздрогнула. Скорее, сказался эффект неожиданности и контраста

горячего тела с холодным инородным предметом. От раны вниз потекла розовая капля.

Весь процесс обрабатывания и обеззараживания занял около пятнадцати минут. Роберт старательно прижимал обильно пропитанную вату к ранам и надеялся, что за все эти дни Астрид не успела занести туда какую-нибудь заразу. Когда все было конечно, Роберт бережно обмотал Астрид новым марлевым бинтом и сказал, что теперь можно одеться.

– Спасибо, – произнесла она и посмотрела на Роберта с благодарностью, почти граничащей с обожанием. Почти. Она была слишком скромна, чтобы выражать свои эмоции, и это не беря в расчет остальные причины.

Вот сейчас, в этот момент, Роберт мог бы ее поцеловать. Но ей нужен был отец, а не озверевшее от похоти существо, способное эгоистично подавить голос разума и вопреки всему предаться своему любовному безумию. Роберт знал, что если сейчас поцелует ее, то уже не остановится, поэтому вовремя поймал себя на одном лишь намерении, чтобы тут же задавить его в зародыше. Нет, нельзя.

– Я приду к вам снова, – пообещала Астрид, вставая со стула. – Если вы, конечно, хотите.

– Хочу, Астрид, но...

– Она не узнает, клянусь вам. Я хочу, чтобы вы мне верили.

– Я верю тебе, – заявил Роберт с твердостью. – И тем не менее я слишком обеспокоен тем, что может случиться,

узнай она обо всем.

– Она будет думать, что сегодня я всю ночь проспала у себя в комнате. Просто... просто не лишайте меня этого глотка воздуха, потому что он прекрасен, мистер Эндриус.

Оставалось только согласиться с этой неугомонной начинающей авантюристкой, только-только учившейся делать свои первые шаги непослушания.

Роберт проводил Астрид до дома. Ночь стояла глубокая, морозная. Они шли по настилу скрипящего снега и иногда переглядывались. Их вдруг охватила какая-то непонятная уму веселость. То ли она исходила от уставших душ и походила скорее на нервный срыв, то ли брала свое начало в тайне, которую они оба делили. А может, им просто захотелось посмеяться без причины, только лишь из того, что они идут по нерасчищенным дорожкам посреди ночи и просто молчат. Но молчание это казалось естественным. Для Роберта молчание было еще одним способом разговора, только более глубоким, интимным, требующим подхода душ, а не языков.

Когда они дошли до дома Стенфилдов, Астрид улыбнулась.

– Я приду завтра, обязательно приду, – уверила она Роберта. – До встречи!

– До встречи, Астрид.

Развернувшись, он услышал, как проворачивается в старом замке заржавевший ключ, и со спокойной душой пошел прочь. Хотелось спать, но еще сильнее хотелось отогреться,

поэтому Роберт прибавил скорости. Он уже почти дошел до центра города, когда позади раздались быстрые шаги и его рукав настойчиво дернули.

Роберт обернулся. Перед ним стояла запыхавшаяся, красная Астрид, одетая в наспех натянутое наизнанку пальто и развивающийся по ветру шарф.

Вокруг не было ни души.

– Те... тетья, – глотая гласные, просипела Астрид. – Она не дышит.

В глубине душевной комнаты пахло плотной тяжестью воздуха и прелыми цветами, стоявшими на подоконнике, кажется, еще с палеозоя. Ничто в этом сумраке не выдавало дыхания жизни. Ничто. Только шторы колыхала декабрьская метель, сквозившая через шелку в приоткрытом окне, да и эта картина выглядела безжизненной, загробной. Именно таким был дом Стенфилдов. Именно такой была комната Аманды.

Роберт, затаив дыхание, сделал пару шагов к стоящей у стены кровати и лежащей на ней фигуре. Лик смерти иногда виден издалека, не обязательно смотреть в глаза человека, чтобы понять, что он больше не здесь. И все же Роберт проверил. Сделал еще несколько шагов и остановился прямо напротив Аманды. Та лежала на боку, откинув одну руку назад. Эта поза наверняка была бы для нее неудобной, но

понятие неудобства знакомо только живым.

Роберт взял лежащее на тумбе ручное зеркало и поднес его к губам Аманды.

Ничего. Ни единого признака дыхания.

Тогда он взял ее за запястье и пощупал пульс. Некогда гулкие живые импульсы теперь смолкли.

Астрид стояла где-то позади.

Дела плохи. Здесь притаились признаки самого настоящего убийства, которое сразу распознают эксперты. Роберт это понимал, в отличие от Астрид, которая, когда он повернулся, уже вся содрогалась и глотала слезы, пребывая в бесконтрольной панике.

– Это я ее убила, – прошептала она в ужасе. – Я убила ее.

Роберт взял ее за плечи.

– Послушай меня, – четко сказал он. – Сейчас ты должна делать все то, что я скажу. Ты поняла?

Астрид не мыслила трезво.

– Я спросил – ты поняла меня? – Роберту пришлось ее встряхнуть, и та заторможенно кивнула. – Где ее стакан и порошок для сна?

– Я не хотела, не хотела... – зачатила Астрид, кривя лицо в натуге слез.

– Астрид! Ответь мне! Где стакан и снотворное?

– Н-на кухне. На кухне...

Роберт отправился напрямик туда, потащив Астрид за руку. Идеальная педантическая чистота мешала увидеть дета-

ли, и Роберт нетерпеливо спросил:

– Где?

Астрид указала рукой в сторону шкафчика над раковиной.

– Т-там.

Внутри шкафчика на верхней полке Роберт отыскал нужный порошок. Это оказалась маленькая безобидная на вид баночка с наполнением, по структуре похожим на искусственный снег.

Разум работал на опережение, и в следующую секунду Роберт уже вытирал полотенцем отпечатки пальцев Астрид с этой злосчастной баночки, с силой приходясь по крышке и этикетке.

– Сколько ты добавила? Ответь.

– Чуть больше... чуть больше, чем обычно, но я не думала... Мистер Эндрюс, – слезливо просипела она. – Что теперь будет?

Роберт не знал, что ответить. Он знал только то, что сейчас собирался вернуться в комнату Аманды, зажать баночку в ее безвольной руке и выдать общую картину за удавшуюся попытку суицида.

«Старая-старая несчастная женщина», – именно так он скажет полиции, и пускай Бог его не простит.

Дьявол окажет ему более теплый прием.

Глава седьмая

Стук-стук. Стук-стук-стук-стук. Методичность отстукивающих время настенных часов была зубодробительный, учитывая тишину, в которой они все находились.

Прошло несколько минут с тех пор, как представитель органов опеки покинул дом. Эту встречу нельзя было назвать приятной, но долгожданной она была. Целых две недели длились разбирательства, касающиеся самоубийства Аманды Стенфилд, и еще одна ушла на рассмотрение комиссией заявки Роберта на опеку.

Тишина начинала давить. Она была везде, даже в самых глубоких фибрах их тел.

Наконец, после всеобщего молчания, потраченного на осознание ситуации, губы Александра разъехались в широкой счастливой улыбке.

– Понимаю, праздновать сейчас – не самая хорошая затея, но вы можете хотя бы обняться. Это лучше, чем сидеть друг напротив друга и молчать, согласны?

Роберт вскинул на него мятежный взгляд. Он все еще думал о том, как отвратительно, должно быть, чувствовала себя Астрид после случившегося с тетей. На протяжении недели Роберт видел только ее спину и затылок, поскольку Астрид не желала поворачиваться к кому-либо лицом, когда лежала

на кровати, а она только и делала, что лежала на кровати. Вина раздирала ее на кусочки.

Роберт благодарил директора детского дома и председателя опекунского совета за то, что они держали свои карманы широко, чтобы в них упала баснословная сумма, предназначенная определить дальнейшую судьбу Астрид. Именно благодаря этому ее не забрали в детский дом, где она могла раскрыть себя, а разрешили сразу остаться у «давнего друга семьи» – дяди Роберта. Астрид принуждена была называть его при посторонних только так – дядя Роберт, – чтобы дать всем понять, что он близкий ей человек. «Мистер Эндрюс» показалось бы всем слишком неуверенным и демонстрирующим некоторое ощущение отчуждения между ними, несмотря на то, что на самом деле они общались довольно тесно. На публику Астрид играла филигранно, но стоило ей только оказаться дома, она впадала в глубочайшее уныние и горе. Она была истерзана чувством вины до такой степени, что не плакала вовсе, а просто смотрела в стену перед собой. Сейчас она тоже смотрела в стену и, кажется, не слышала, о чем сказал Александр.

– Астрид, – произнес Роберт как можно мягче, – что нам сделать, чтобы ты почувствовала себя... лучше?

Собственный вопрос казался Роберту ужасно глупым, ведь он знал, чего она хотела – повернуть время вспять, но еще глупее он почувствовал бы себя, попытайся он вложить в ее голову мысль о том, что без Аманды даже лучше. Да,

она была просто отвратительным опекуном с прогрессирующими садистскими наклонностями, но не стоило вводить Астрид в еще большие раздумья, иначе ее прекрасный, четко выверенный моральный компас даст трещину и начнет указывать на неверные ориентиры.

Астрид ничего не отвечала. Только ее лицо слабо искривлялось, когда прорастали нежеланные цветки, недвусмысленно обозначающие ее настроение в данный момент. Она была бледна и неразговорчива, и этого хватало, чтобы в итоге Роберт и Александр оставили ее в покое. Она поднялась к себе наверх, а они разошлись каждый по своим делам.

Иногда, раз в день, Астрид выглядывала из комнаты, чтобы сходить в уборную, или чтобы забрать из холодильника ломоть сыра и хлеба, словно рядом на соседней полке не стояло изобилие по-настоящему вкусной еды. Астрид винила и терзала себя, наказывала. Роберт думал, что пускай какое-то время она пробудет в таком состоянии, ей надо переболеть основную часть ее «недомогания», а дальше будет легче.

Но легче не становилось.

Если первые две недели после смерти Аманды она еще подавала какие-то признаки жизни, то теперь, все осознав, углубилась в себя. Можно даже сказать, добровольно замуровала себя на дне своей души, где песчаными всполохами томились самобичевание, стыд, вина, отчаяние и прочие траурные ощущения, отображающиеся на ее лице и теле фантомным отзвуком вечно минорной ми бемоль.

Астрид перестала менять одежду. На ней постоянно была черная водолазка и шерстяные колготки с такой же черной юбкой. Они сидели на ней мешковато из-за сильного сброса веса и придавали ей вид какого-то оборванного недомальчика-недодевочки, напялившего на себя первое, что нашлось в мусорном баке. Лицо Астрид осунулось – это была стандартный отклик организма на собственное истощение: темные круги под глазами, впалые щеки, бледные сухие губы. А на голове... Роберт искренне не хотел смотреть, что творилось у нее на голове. Это был какой-то хаос из спутавшихся, невымытых волос, которые, с учетом черного цвета, только излишне подчеркивали аномальную худобу.

В один день Роберту посчастливилось увидеть Астрид, пытавшуюся без лишнего шума подняться к себе наверх. Они шли по большой гостиной навстречу друг другу и прежде, чем Астрид тенью миновала бы его, он резко перехватил ее за руку, заставив остановиться.

Он собирался сказать ей все, как есть.

– Астрид, – ласково, но суховато, как того и добивался, произнес Роберт, дождавшись, пока та вынужденно не встанет напротив него. – Пора заканчивать свой траур. Он не делает добра – ни твоей почившей тетке, ни тем более тебе. Ты ни в чем не виновата, все это глупое стечение обстоятельств, поняла меня?

Рука Астрид безвольно повисла в его хватке, и Роберту пришлось немного повесить голос:

– Астрид, *ты поняла меня?*

– Да, мистер Эндрюс.

– Вот и хорошо. А теперь иди и приведи себя в порядок, ты на саму себя не похожа. И да, Астрид, – проронил он, когда та уже поспешила удалиться. – Никаких водолазок и свитеров. В моем доме ты больше не будешь скрываться.

Вечером к ужину Астрид спустилась в майке и шортах.

Во-первых, надо было порадоваться, что она вообще спустилась, чтобы цивилизованно поужинать, а во-вторых, смелость ее привычного закрытого наряда на что-то более во всех смыслах свободное родило в Роберте приятные ощущения общей маленькой победы. Именно общей, поскольку его задачей было направить Астрид, а ее задачей – внять его доводам и просьбам. Да, Роберт был несколько резок с ней в последнее время, но это лишь очередная мера – эмоционально нестабильного человека всегда стоит держать в узде, в рамках, не давать расслабляться и поддаваться велениям помутненного горем рассудка.

– Рад видеть тебя настоящую, – приободрительно сказал Роберт, имея в виду отсутствие сковывающей ее природу одежды.

Астрид села на стул за противоположным концом стола. Их разделяли два метра.

Роберт оценил ее смелость, побудившую ее прийти, но еще больше он оценил уверенный жест, с которым она потянулась к тарелке с картошкой, чтобы отложить себе пор-

цию. Сам Роберт уже давно ел и теперь только наблюдал за стоическими попытками Астрид казаться железной и непробиваемой. Это уже можно было назвать похожим на волю к жизни, ведь первое, что делает тонущий человек – это начинает барахтаться.

Картошка на тарелке Астрид исходила паром, поднимающимся вверх к потолку. Астрид взяла вилку, ковырнула картошку и уставилась на нее так продолжительно, словно это и не картошка вовсе, а что-то метафизическое и уносящее сознание. Словом, она была не здесь.

– Не надо, – сказал Роберт, заметив ее состояние.

Та отреагировала через две секунды и наконец подняла на него глаза.

– Не надо?... – переспросила она тихо.

– Не надо думать об этом.

Астрид нахмурилась, но промолчала.

– Твои родители были верующими? – спросил Роберт, почти заканчивая с трапезой.

– Да, но... Не такими, как тетя.

– Тогда прими кое-что на веру: твои родители хотели бы, чтобы ты прожила свою жизнь как можно счастливее. Иной вариант они расценили бы как неуважение к Богу, ведь он дал тебе эту жизнь. Если тебе станет легче, то прими еще и тот факт, что беспокоиться о своем положении ты будешь на Великом Суде, а сейчас беспокоиться не о чем, это бессмысленно.

– Не нужен никакой Великий Суд, когда есть жизнь, – ответила Астрид, и голосок ее надломился. – Она – самое страшное наказание.

– Так, – Роберт отложил свои столовые приборы и сцепил пальцы, подавшись вперед. – Я запрещаю тебе предаваться этим мыслям. Я запрещаю тебе безвылазно сидеть в комнате и созерцать чертову стену. Я запрещаю тебе тенью проходить мимо меня и Александра с таким видом, будто в мире не осталось ничего хорошего. И, наконец, я запрещаю тебе пренебрегать собой. Ты запустила себя. Внешность – отражение внутреннего состояния и наоборот, и если оно у тебя оставляет желать лучшего, то этот замкнутый круг можно разорвать, только начав с любой из точек: А или Б – выбирай сама, но главное, чтобы к концу недели ты привела себя в порядок и была той самой Астрид, которую я когда-то знал. Ты меня услышала?

Астрид выглядела еще более подавленной, чем до того, как Роберт произнес свою тираду: влажные глаза были опущены, губы поджаты, грудь еле вздымалась, а на коже проступили многочисленные фиолетовые цветки.

И тут Роберт осознал свою ошибку.

– Ох, Астрид, иди сюда.

Она словно только этого и ждала: чего-то ласкового, обескураживающего в своей нежности. Астрид подорвалась с места и уже через две секунды лила слезы на рубашку Роберта, вовремя поднявшегося со стула, иначе Астрид того и гляди

упала бы на пол к его коленям, настолько она была вымотана своим несчастьем.

Роберт гладил ее по спине, прямо как тогда, когда она пришла к нему больная посреди ночи. И ровно как тогда, он был полностью обезоружен ее такими искренними, чистыми слезами.

– Астрид, все хорошо, – только и мог приговаривать он. – Поверь, ты не злодейка и не убийца. Злодеи и убийцы действуют с умыслом, вот и вся разница.

Наконец-то у него нашлись нужные слова. Они подействовали лучше, чем все прочие: Астрид отстранилась и подняла на него мутный взгляд.

– Вы клянетесь?

– Конечно клянусь, – он поцеловал ее в лоб и улыбнулся. – Но все это не отменяет моих прошлых слов. Ты должна продолжать заботиться о себе.

– Буду, – пообещала Астрид. – Буду.

Она дышала в его руках тихонечко, словно своим дыханием могла вспугнуть сокровенный момент взаимопонимания, но этот миг в глазах Роберта все равно не потерял бы свою ценность. Это как всматриваться в океан и потом сказать, что он не прекрасен.

Роберт погладил Астрид по голове, случайно задев пальцем цветок на виске. Он рос там постоянно, только сейчас он был загадочного голубого цвета, который Роберт не мог никак разгадать, однако теперь, когда Астрид по его настойчи-

вой рекомендации отказалась от скрывающей тело одежды, было проще отслеживать какие-либо изменения. Да, Роберт предавался этому мигу уединения, но никогда не забывал о работе. Она занимала все его мысли.

Следующее, что Роберт сделал после обеда, – пошел в лабораторию. Немного загодя он позвонил Александру и попросил его прийти, чтобы помочь законспектировать все то, что им удалось разузнать за все время наблюдений за Астрид. На это у них ушло три с лишком часа: они сидели, попутно пили кофе и сопоставляли наброски о наблюдениях, которые были написаны на самых разных листах. Когда картина была целиком собрана, Роберт и Александр критично перечитали десять страниц исписанного чистового блокнота. Дело было сделано.

– Не находите, что мы изучили природу этого феномена, но так и не добрались до сути? – сказал Александр.

– Что ты имеешь в виду?

– Мы узнали, что цветы на теле Астрид – все же производное ее организма, но так и не поняли, где здесь первопричина.

– Да, – Роберт нехотя согласился. – Такой случай первый в истории, и было бы проще, будь у нас на руках опыт предыдущих исследований, но его нет.

– Я все же настаиваю на божественных промыслах.

– Ты опять за свое?

– Почему нет? – Александр пожал плечами. – Мир до сих

пор не знает, почему человек получился именно таким, какой он есть, и этот вопрос уходит корнями во вмешательство божественных или – если хотите – вселенских сил.

– То есть, ты намекаешь на то, что мы никогда не разгадаем загадку Астрид?

– Боюсь, я говорю об этом напрямую. Но не стоит отчаиваться – научные теории тоже высоко ценятся в нашем обществе.

У Роберта было более-менее сносное настроение, поэтому он не стал злиться.

– Какой же ты все-таки философ.

Александр хмыкнул, согласившись:

– До мозга костей.

Астрид тем временем стала чаще появляться у них на глазах. Было видно как она, согласно своему обещанию, старалась отпустить горе и находить приятное в мелочах: на днях она заварила несколько сортов чая, предварительно смешав травы так, чтобы они не повторялись и давали отличный от предыдущего вкус. Для этого ей потребовалось покопаться в книге и вылить в раковину около одного литра напитка, получившегося слишком горьким, но в итоге вкусовой баланс был найден.

Роберт застал ее на кухне за этим затейливым делом и даже посоветовал несколько вариантов смешения чабреца с другими травами.

– Спасибо, мистер Эндрюс.

Астрид и правда старалась вернуть былую жизнерадостность, но глубоко в душе она была все еще убита.

Дождавшись, пока Астрид заварит травы кипятком, Роберт протянул ей блистер.

– Держи, Астрид. Принимай каждое утро после завтрака, и тебе станет легче.

– Что это?

– Антидепрессанты.

– Мистер Эндрюс...

– Не воспринимай это на свой счет. С тобой все хорошо, но небольшая медикаментозная поддержка все же не повредит.

Губы Астрид поджались, но в итоге она взяла таблетки и благодарно кивнула.

С каждым днем – а особенно сейчас – Роберт все больше начал замечать, насколько естественно Астрид выглядела в майке и шортах. Ничто не скрывало ее тела и цветков на нем. На ключицах появилась новая россыпь – если раньше она была похожа на непропорциональный знак бесконечности, то сейчас стала напоминать знак вопроса. Все эти ассоциации были навеяны фантазией Роберта, но он не мог прекратить их выдумывать. Помимо прочего, он пребывал в некотором волнении от вида такой Астрид: она казалась ему свежей, весенней, кристальной. Коснись он ее – и этот ее образ словно потеряет свою чистоту и первозданность, но Роберту невероятно хотелось коснуться. Начать с запястья, провести

пальцами выше к хрупкому локтю, обхватить его, немного притянув к себе, положить вторую руку на усеянное цветками плечо, завести ее за спину, провести по острым лопаткам и окончательно прижать всю Астрид к себе.

Роберт одергивал себя всякий раз, когда эти мысли пускай даже мельком проносились в его голове. И дело не в том, что Астрид еще юна и житейски неопытна, а в том, что Роберт не хотел пользоваться своим положением, как самого старшего и имеющего авторитет человека.

Что будет, если он позволит себе хотя бы поцеловать ее? Ничего хорошего не будет точно: он потеряет доверие в ее глазах, потеряет ее веру в чистоту его помыслов, ведь она наверняка видела в нем отца или дядю и явно не ждала ничего подобного, а все эти поцелуи в лоб и ласковые пожимания рук – лишь проявления околотцовского чувства.

– Мистер Эндрюс, все хорошо?..

Роберт очнулся от наваждения и нашел себя задумчивым и стоящим к Астрид слишком близко. Должно быть, мысли окончательно овладели им и теперь непроизвольно подталкивали к желаемому. Сейчас у него был редкий шанс заполучить свое, шанс коснуться губами ее губ, оценить кончиком языка сухость кромки, вечно обветренной и искусанной...

Астрид стояла напротив него не в силах пошевелиться.

Роберт наконец отмер.

– Все в порядке, Астрид. Можешь идти.

Когда Астрид ушла, Роберт облегченно выдохнул – оче-

редная тахикардия, вызванная сердечными чаяниями, прошла мимо.

Для декабрьского вечера было слишком светло. Или так казалось потому, что лежащий белой накипью снег, создавал эту видимость – видимость ослепляющего морозного утра. На улице действительно стоял морозец: не такой, чтобы прятать носы за слоями шарфов, но определенно щиплющий за щеки.

Роберт, Александр и Астрид сидели в гостиной, наполненной теплом растопленного камина, и пили эгг-ног. Они вполуха слушали играющее на фоне радио, но в основном текущая их деятельность состояла только в том, что они дули на слишком горячий напиток и изредка перебрасывались короткими фразами. Говорить ни о чем не хотелось. Вечер был слишком хорош для разговоров.

– Пойду попытаюсь заснуть, – только предупредила Астрид, поднимаясь с кресла-качалки. – Уже поздно.

– Если не получится, то мы здесь, – отсалютовал ей кружкой Александр.

Астрид поднялась к себе. Роберт порадовался отсутствию характерного звука хлопка – это означало, что Астрид чувствовала себя как дома, никого и ничего не боясь. Поначалу она запиралась, а потом, недели через две, перестала это

делать.

– Кстати, мистер Эндриус, – вдруг вспомнил Александр. – По поводу того матча...

Договорить он не успел. Раздался звонок в дверь, показавшийся оглушительным на фоне той тишины, которой они блаженно предавались.

Роберт замер. Александр вопросительно посмотрел на него.

– Понятия не имею, – проворчал он, вставая.

Разумеется, с осторожностью, но Роберт все же открыл дверь.

Сначала он подумал, что ему померещилось – слишком неестественно падал свет фонарного столба на знакомое лицо, превращая его в нечто иррациональное в своей красивой безобразности. Прошла секунда, и Роберт понял, что застывшая перед ним фигура так и не исчезла.

Фигура улыбнулась и легко, но безапелляционно пихнула его в плечо, протискиваясь внутрь.

– Я смотрю, ты тут обжился.

Роберту потребовалось время, чтобы приостановить в голове поток нецензурных выражений.

– Клаудия, – сухо произнес он. – Что ты здесь делаешь?

– Как что? Пришла тебя проведать, конечно же. Всегда интересно как живут мужчины после развода.

– Проведала? – изогнул он бровь. – Дверь там.

– Как ты груб со своей бывшей женой! – притворно Кла-

удия цокнула языком. – Но хорошо, я признаюсь – я пришла сюда не просто так. Мне стало очень любопытно, что же переклинило у тебя в твоём чудесном мозгу, раз ты решил обзавестись приемной дочерью. Слухами земля полнится, сам знаешь.

Роберт указал пальцем на дверь.

– Клаудия, уходи. Я не видел тебя очень долго и предпочел бы не видеть еще столько же.

Та его слышала, но не слушала: вместо того, чтобы оставить его в покое, она прошла в гостиную, внимательно озираясь по сторонам.

Увидев ее, Александр чуть не пролил на себя эгг-ног и вскочил с кресла, словно его ужалили.

– А, Александр, – елеино улыбнулась она. – Еще не надоело быть на побегушках?

– Клаудия, чего бы ты ни хотела – давай в следующий раз, – встревожено сказал Роберт, чувствуя себя некомфортно от вторжения в свое личное пространство людей мало-приятных.

– Боюсь, я настаиваю на теплом приеме. У тебя же есть чай? – сказав это, Клаудия плавно перешла в кухню, где принялась открывать дверцы шкафчиков в поисках листового чая.

Роберта не беспокоили эти наглость и бесцеремонность. Больше всего в тот момент его волновало то, что с ее приходом привычный мир пошатнулся, накренился и грозил вот-

вот перевернуться с ног на голову с весьма болезненными последствиями.

Роберт зажал пальцами переносицу, стараясь держать себя в руках.

– Клаудия, почему бы тебе не пойти к че...

– Мистер Эндрюс, я так и не смогла заснуть.

Астрид вышла к ним, потирая глаза. Оклемавшись и осознав присутствие чужака, она мгновенно побледнела. Одежда в майку и шорты тело напряглось, плечи наострились, а пальцы на ногах поджались.

– Так-так-так, – Клаудия оставила свои поиски и внимательно посмотрела на Астрид. – А вот и прелестное дитя. Как тебя зовут?

Все разом потеряли дар речи. Казалось, Клаудии только это было и нужно. Она пригляделась и сделала несколько осторожных шагов вперед.

– Бог ты мой, а это у нас что?..

– Астрид, иди в комнату. Живо, – велел Роберт, тоже побелевший лицом.

– Нет, Астрид, не иди в комнату, – Клаудия включила очень похожий повелительный тон, и Астрид еще больше напряглась. – А вот это уже интересно... Только не говорите, что это грим.

Александр сделал самое верное, что могло прийти на ум – загородил собой Астрид от цепких посторонних глаз. Это было смело с его стороны, но Клаудия уже успела увидеть

все самое необходимое. Она триумфально улыбнулась.

– Не расскажете, что здесь происходит?

– Убирайся к черту, – процедил сквозь зубы Роберт, сжимая кулаки. – Дважды повторять не стану.

Воцарилось молчание.

Теперь, когда тайна была обнаружена, сложно было сделать нечто предотвращающее, но, должно быть, таилось во взгляде Роберта что-то, что заставило Клаудию тотчас же капитулировать.

С чувством оскорбленного самолюбия она приподняла подбородок, расправила плечи и направилась к коридору.

– Можете не провожать.

Роберт все же убедился, что она ушла, проверив коридор. Вернулся он в гостиную в крайне взвинченном состоянии.

Астрид стояла ни жива, ни мертва и силилась что-то сказать.

– Мистер Эндрюс, я не... Не...

– Все в порядке, Астрид. Просто в следующий раз прислушивайся, что происходит внизу.

На этом Роберт закончил и, раздраженный, ушел в свою комнату.

Он лег на кровать и долго смотрел в потолок. Его одолевала злость, подогреваемая взбудораженными нервами. Почему Клаудии понадобилось зайти именно сейчас? Зачем она вообще пришла? Что теперь делать? Она вполне могла кому-нибудь рассказать – совесть ее никогда не останавлива-

ла – и начать шантажировать. Впрочем, она могла обойтись и без шантажа и рассказать кому-нибудь просто так, вторя своей подлой натуре.

Роберт нервно рассмеялся – ничего, ничего, в крайнем случае у него имелся ответ на все варианты развития событий. Этот ответ лежал у него в укромном ящике в гостиной, обернутый в платок с позолоченными по краям нитями, и всегда ждал, когда будет взведен его маленький, но смертоносный курок.

Глава восьмая

Все чаще и чаще в дома раздавались чарующие звуки пианино. Поначалу это были неумелые попытки соединить две играющие руки, но потом, после дней усердной работы, инструмент гордо зазвучал под беглыми пальцами.

Астрид оказалась талантливой ученицей. Она терпеливо внимала урокам и рвалась повторять за Робертом почти сразу же, что выдавало в ней раскрывающуюся в ней с каждым днем все сильнее пруть.

Не менее талантливо она составляла партию Роберту, когда нужно было играть в четыре руки. Пианино пленило ее. Но больше, чем играть, она любила просто слушать. Когда Роберт играл ей непременно минорную композицию, на ее лице выражалось удовольствие, сопровождаемое появлением цветков на нежной коже. В такие моменты Астрид была прекраснее обычного. В такие моменты Роберт жаждал сделать ее своей.

Иногда к ним присоединялся Александр. Он не умел играть на пианино, но был хорошим благодарным слушателем. Они втроем часто проводили вечера подобным образом.

В один день, когда они договорились собраться снова, Астрид почему-то не спустилась вниз. Возможно, она просто задерживалась, так как в последнее время возымела при-

вычку прихорашиваться, но это «возможно» стало вовсе не актуальным, когда прошло более одного часа.

Роберт поднялся в ее спальню, чтобы убедиться, что все в порядке. Но то, что он увидел, заставило его вздрогнуть.

Астрид, обхватив себя руками, металась по кровати и скулила. Роберт предпочел бы знать, что она скулила просто так, а не потому, что почти все ее тело было покрыто острыми шипами.

– Астрид? – Роберт подошел к кровати.

– Мне больно, мистер Эндрюс, – провыла она не своим голосом.

– Покажи мне.

Просьба заставила Астрид уткнуться пылающим лицом в подушку. Вероятно, ей было настолько больно, что стыд и смущение ушли на второй план. Она скинула с себя одеяло. Под ней по простыне расплзлась лужа крови.

Роберт сел на край, даже не поморщившись.

– Как часто ты испытываешь боль при этом процессе?

Дыхание Астрид было пунктирным, рваным. Она отвечала с трудом.

– Редко. Но сейчас... – ее лицо скривилось в рыдании. – Это так больно. Я больше не могу...

Роберт погладил ее по голове.

– Я помогу тебе встать. Тебе нужно в ванную. Астрид, ты слышишь?

Едва она свесила ногу с кровати, очередная мучительная

вспышка боли пронзила ее тело.

И тогда Роберт решил взять ее на руки.

Он ни капли не брезговал, его профессия накладывала отпечаток хладнокровия в подобных ситуациях.

Роберт поставил ее на ноги, помог забраться в ванную и дал маленькие полотенца, чтобы кровотечение снова не запачкало ее ноги. Такая деликатная проблема требовала уединения, и Роберт оставил Астрид в ванной, чтобы сходить в лабораторию за обезболивающим.

Он знал, что у многих женщин кровотечения порой проходят болезненно, но никто не говорил ему, что делать, если в ответ на эту боль тело покрывается шипами, принося еще больше страданий.

Обезболивающее лежало у него в столе вместе с антидепрессантами. Они с Астрид договаривались пройти целый медикаментозный курс, и Роберт прихватил их тоже. К тому моменту, как он вернулся в ванную, Астрид уже закончила. Она стояла в одних мокрых, свежестиранных трусах и в бюстгальтере и нервными движениями пыталась отстирать домашнее платье под сильным напором воды. Она все еще плакала.

– Астрид, выпей, – Роберт протянул ей две таблетки и стакан воды.

Неприятные ощущения зверски измотали ее, поэтому без лишних слов она проглотила две таблетки и запила водой. Астрид не стеснялась своей худобы и наготы, и это пугало.

Пугало, потому что она была наивной и думала, что никто в этом мире не причинит ей вреда. Особенно «мистер Эндрюс». Нет, Роберт не собирался делать ничего того, о чем можно подумать, но у него не имелось железных нервов. Он хотел урвать хотя бы поцелуй. Но нет. Нельзя. Мир этого невинного дитя разобьется, если оно узнает, что вызывает в ком-то из взрослых такие неправильные чувства.

– Боль должна пройти через пятнадцать минут, – оповестил ее Роберт. – Иди приляг и постарайся найти комфортное положение тела. В итоге боль уйдет.

– А если она не уйдет?

– Уйдет, – пообещал Роберт.

Пообещал и краем глаза заметил, как на тонкой шее выросли голубые лепестки.

Улучшения в состоянии Астрид были все же не такими скоропостижными, как ожидалось. Два дня она провалялась в кровати, едва соображающая от боли и шепотом проклиная свое существование. Такое протекание цикла было явно ненормальным, потому что таблетки совсем не помогали. Роберту казалось, что он чего-то не понимал, но вместе с тем не прекращал поиски хорошего, более сильного лекарства. Те, что были под рукой, давно уже кончились. Роберт пошел в аптеку и купил самые дорогие таблетки, а придя до-

мой, сразу же навестил Астрид.

Это был уже третий день.

– Астрид, – когда Роберт вошел в комнату, ему пришлось открыть глаза пошире. Астрид все еще лежала, свернувшись калачиком, словно испытывала несовместимые с жизнью мучения, но на ее теле больше не было ни единого шипа или цветка.

Роберт сел на край кровати и принялся осматривать ее кожу.

– Тебе уже лучше?

– Мне так плохо, – всхлипнула она. – Ничего... ничего не помогает.

– Шипы. Где они?

Астрид не ответила.

На мгновение Роберта охватила паника: где цветки? что случилось пока его не было? какие медикаменты поспособствовали такому эффекту? мог ли этот эффект иметь бессрочный характер? Он уже не пытался унять свое эгоистичное беспокойство, сейчас творилось что-то совершенно необъяснимое, никак не входящее в его планы и представления.

Происходящее срочно нужно было внести в журнал наблюдений. Уже сидя у себя в лаборатории, записывал Роберт быстро, лихорадочно. Теория шла за теорией, но то были лишь собственные бесплодные догадки. Причин пропажи шипов и цветков было много: либо тело Астрид устало отзы-

ваться болью на боль, либо выпитое количество обезболивающих повлияло на процессы в ее организме, либо случилось что-то совершенно необъяснимое.

Роберт проводывал Астрид на протяжении еще одного дня. Утром он сказал ей:

– Сегодня постараемся обойтись без таблеток. Они так или иначе не помогают.

– Пообещайте, что все это не зря, – умоляла она его. – Поклянитесь, что вы ищете лекарство, ведь они... они могут вернуться.

– Ищу, – сказал Роберт. – Конечно же, ищу.

Это было отчасти правдой, а отчасти – ложью. Изучая пропажу цветков и шипов, он вполне мог обнаружить антидот, но это не было его стремлением. Что он скажет ей, если найдет лекарство? И скажет ли ей вообще? Эгоизм и альтруизм разрывали его пополам.

День без каких-либо вообще таблеток Астрид пережила. Любовь Роберта заставляла навещать ее каждый сорок минут – подсознательная попытка извиниться перед ней за страдания, которые он мог прекратить, но не хотел. В противном случае, он ничего не выявит, не обнаружит.

Хотя вечером четвертого дня он все же кое-что обнаружил – распустившийся белый цветок на плече Астрид. Озарение было где-то совсем близко. Таблетки. Все дело в таблетках. Только в каких именно?

– Мне уже немного лучше, мистер Эндриус, – сообщила

ему Астрид.

– Ты выглядишь опечаленной.

– Вы сами видите, мои цветки... они снова вернулись.

Роберт не хотел давать ей пустых обещаний, но и промолчать не мог.

– Я что-нибудь придумаю.

– Я верю вам.

Это беспрекословное, наивное «я верю вам» вскрывало в Роберте замурованные резервы ненависти и презрения к самому себе. Подобные эмоции периодически просыпались в нем, но не надолго. Натура ученых редко подвергается самокритике, поскольку именно эта натура и эти амбиции заставляли Роберта вставать по утрам. Наука – мерило всей его жизни.

С течением нескольких дней все тело Астрид вновь покрылось цветками. Было похоже, что ее организм словно отходил от стороннего воздействия. Оставалось понять, какие именно таблетки повлияли на него.

Всю следующую ночь Роберт не спал. Он ворочался в кровати и заснул только ранним утром. Ему приснился пространный, но очень занимательный сон. В нем Астрид была красивым розовым бутонем, и почему-то Роберт знал, смотря на него – перед ним не просто Астрид, перед ним печаль. Именно так она должна была выглядеть, это самая верная ее ипостась. А затем все резко поменялось.

В сознании Роберта бутон начал становиться обычным бу-

тоном – он больше не был ни грустью, ни печалью. Потеряв свой смысл, он начал медленно увядать. Это была именно та аллегория, из-за которой Роберт проснулся. Он проснулся и резко встал с кровати.

Никогда раньше Роберт не бежал в лабораторию так стремительно. Его вело, подгоняло что-то свыше. В голове билась только та самая мысль, посетившая его после сна, и он должен был записать ее и проверить на практике.

Вывалив необходимые ингредиенты на лабораторный стол, Роберт стал записывать недавно рожденную формулу в тетради. Да, она грешила отсутствием блестящей точности и, возможно, требовала доработки, но в самих компонентах Роберт не сомневался – он был на пороге открытия.

В колбе схлестнулись действующее вещество обезболивающего и антидепрессанта. Первое обеспечивало продолжительность эффекта, второе же являлось самим эффектом. Если Роберт понял все правильно, то сейчас перед ним на столе стояло лекарство. То самое – долгожданное и лелеемое Астрид в ее мечтах.

Как же он не догадался об этом раньше? Как он мог упустить тот факт, что именно эмоции способствовали появлению цветков и что подавление этих эмоций – ключ к antidote?

Открытие состоялось. Открытие, о котором никто никогда не узнает.

Сколько бы Роберт не смотрел на Астрид, ему было мало. Она едва ли подозревала о его влечении, иначе не стала бы столь смелой в своих действиях и суждениях. Она, смущенная, старалась бы избегать его и не встречаться взглядами. Но все было с точностью да наоборот. Астрид продолжительно и благодарно смотрела на его лицо и нередко выдавала умные фразы, предназначавшиеся для дальнейшего развития диалога. Они разговаривали обо всем. Еще более бурно беседа протекала в том случае, если рядом присутствовал Александр. Они втроем составляли маленькую импровизированную семью, и Астрид ощущала себя в ней комфортно.

Лишь однажды Роберт и Александр оставили ее одну. Это был день научного съезда, который они не могли себе позволить пропустить, так сказать, по долгу службы.

Там, во время выступления скучнейшего профессора, между ними завязался разговор.

– Почему вы не хотите поведать о том, что случилось с Астрид во время цикла? Уж дело явно не в деликатности вопроса. Мы ученые.

– У нее возникли некоторые осложнения. Ничего интересного.

– И вы говорили не приезжать потому, что не было «ничего интересного»?

Александр умел ставить собеседника в тупик.

Роберт вздохнул и негромко заговорил:

– Во время первых трех дней цикла на теле Астрид появились шипы. Как мы знаем, это защитная реакция ее организма. Но на четвертый день все пропало: и шипы, и цветки. Тело было чисто, как у самого обыкновенного человека.

– Как так получилось?

– Не знаю... – Роберт солгал, но совесть, все же присутствовавшая в нем, скреблась о грудную клетку. – Послушай – если бы я сказал, что разобрался во всем, если бы сказал, что нашел лекарство... Как бы ты отреагировал?

– Само собой, я поздравил бы вас с открытием. А потом передал бы лекарство Астрид. Но я знаю, что вы окажетесь со мной не согласны.

– Конечно, – уж перед Александром он мог не скрывать своих мотивов. – Астрид уникальна. Ее природа уникальна. Я не позволю этому феномену кануть в лету.

– Вы поступили бы неправильно. Прежде всего мы люди, а не ученые. В нас должно быть сострадание.

– В этом случае сострадание будет равно глупости.

– Мы никогда не сойдемся с вами во мнении. Так к чему весь этот разговор?

«Мы никогда не сойдемся с вами во мнении».

Неужели Александр только что подтвердил риск потенциальной ссоры, после которой их пути разойдутся? Пока что это имело лишь предположительный характер, ведь Роберт добавил условное «бы» в контекст задаваемого вопроса, но

с другой стороны лекарство в самом деле уже было найдено и ждало своего часа в столе. Ирония в том, что оно так и не дожидается. Роберт не позволит, даже если Александр отвернется от него, даже если весь мир пойдет ему наперекор. Значит, так тому и быть. Очень часто успех пожинается в одиночестве и победитель празднует один.

Вечером, когда съезд завершился, Роберт подвез Александра до нужного ему места, а сам поехал домой. Астрид наверняка очень скучала и не знала, чем себя занять. В какой-то момент она пресытилась транслируемым по телевизору балетом и книгами и частенько либо валялась на кровати, либо наблюдала за тем, как Роберт работает в лаборатории.

Когда Роберт открывал дверь, то явно не ожидал услышать с кухни голоса. При чем это были знакомые ему голоса, неожиданно переплетенные в общую симфонию произносимых фраз.

Астрид сидела за столом напротив Клаудии. Они, словно самые лучшие подружки, улыбались и хихикали чему-то своему, девчачьему. Только вот Роберт не разделял всеобщее веселье. Он прервал их разговор, появившись словно из ниоткуда, и одним своим взглядом заставил всех побледнеть.

– Какого черта ты тут забыла? – первым делом он обратился к Клаудии.

Та быстро взяла себя в руки и улыбнулась.

– Я решила поведать вас, и Астрид любезно открыла мне

дверь.

– Астрид, я выражался на неизвестном тебе языке, когда говорил не смей открывать кому-либо дверь?

Это был уже второй раз, когда Астрид становилась причиной его гнева. Она болезненно поморщилась, словно морально не могла выносить такой тон.

– Мистер Эндрюс, простите... Но вы зря так – Клаудия замечательная, она просто пришла в гости.

– Когда змея решает прийти в гости, стоит ждать беды, – выплюнул Роберт.

– Роберт, я действительно пришла без какого-либо умысла. Я просто хотела поговорить. С вами обоими.

– Ты знаешь, где дверь.

Клаудия умела оскорбляться так, что потом за ней бегали все мужчины, принося свои извинения, но Роберт слишком хорошо знал этот трюк, поэтому не сказал ни слова, когда та взяла свою сумочку со стола и проследовала к коридору.

Взгляд Астрид увлажнился неподдельной пеленой печали. В отличие от Клаудии, она не умела притворяться, и в этот момент Роберт посчитал себя настоящей сволочью.

– Клаудия, – подумав о том, что он еще об этом пожалеет, Роберт окликнул свою бывшую жену. – Стой.

Благо, он не видел сквозь затылок, иначе бы скривился от ее победоносной улыбочки, которую она поспешила убрать, развернувшись.

Астрид наблюдала, задержав дыхание.

– Хорошо, – Роберт продолжил. – Можешь остаться. Ненадолго.

Он предполагал, зачем он пришла – явно не от великодушного намерения проведать их. Поэтому, когда Клаудия села обратно за стол, он решил разъяснить все сразу.

– Что конкретно тебя интересует?

К слову, если бы она узнала достаточно, то давно бы ушла. Значит, Астрид не распространялась относительно своей особенности, и все те хихиканья – лишь попытка Клаудии прощупать почву.

– Все, – ответила она уверенно. – Меня интересует все. Я уже достаточно увидела, поэтому нет смысла скрывать детали.

– Не знаю, огорчу тебя или нет, но природа данного феномена неизвестна.

– Стандартные анализы? – предположила она.

– Были. Мы тлишь знаем, что цветки прорастают из нервных клеток.

Для Астрид подлинная натура Клаудии оказалась раскрыта в тот момент, когда та перестала обращать на нее внимания и начала говорить о ней, как будто ее здесь не было.

– Полагаю, я могу не надеяться на то, что ты покажешь мне журнал наблюдений?

– Правильно полагаешь.

– Что же твоя правая рука? – Клаудия словно не заметила язвительного ответа и уточнила: – Я имею в виду Алек-

сандра.

– Мы с Александром склонны считать, что раз эти цветки – производное организма, то это не цветки вовсе. Это нечто похожее на них.

– Но он, конечно же, не обошелся и без божественной теории.

– Не обошелся, – согласился Роберт, оперевшись руками о стол. Он не собирался присаживаться по той простой причине, что скоро все равно придется спроваживать Клаудию из дома.

– Могу я надеяться, что вам нужен еще один помощник в этом исследовании?

Губы Роберта тронула усмешка.

– Этому не бывать, Клаудия.

– Что ж, – она разочарованно нахмурилась. – За этим я и приходила. Если передумаешь, дай знать.

Карман ее пиджака странно топорщился, когда она вставала из-за стола.

Как и полагалось джентльмену, Роберт проводил ее до двери.

– До свидания, Роберт, – она промурлыкала, хватаясь за ручку двери и намереваясь открыть ее с той излишне осторожной медлительностью, которая выдавала торопливость.

Тут Клаудия вздрогнула. Рука Роберта, крепко схватившая ее руку, сомкнула пальцы до боли.

Второй рукой Роберт вытащил из ее кармана включенный

диктофон. Он склонился к ее уху и прошептал четко, почти чеканя:

– Я убью тебя.

Должно быть, что-то в его голосе заставило ее понять – он не шутит. Самоуверенная, пробивная Клаудия за пару мгновений превратилась в обычную испуганную девчонку, трясущуюся за свою маленькую жизнь. И это правильно, потому что Роберт намеревался сдержать свое обещание. Теперь у Клаудии не было диктофона, но если она изобретет еще какой-нибудь способ пролезть в их жизнь с целью обнародовать увиденное... Роберт не верил сам себе, но осознал, что если потребуется, он сделает это, он убьет любого. Исследование не должно предаться огласке, только не сейчас.

После того как Клаудия, крайне обеспокоенная своим будущим, ушла, Роберт не ощутил облегчения. Казалось, он потерял покой с той самой секунды, как впервые увидел Астрид. Она, являясь благословением и проклятием, сама того не зная, пленила его: все, о чем он думал, все, что делал, все, вокруг чего крутился его бесплодный в своей любви мир – все было ради Астрид и для нее. Все преклонят перед ними колени. Роберт будет стоять подле нее вечным стражником, защитником, пока зеваки будут тянуть к ней руки, жаждающая коснуться хоть кончиком пальца...

Время. Этому всему нужно время.

Пока перед Робертом стояли другие задачи. Сидя в лаборатории, он чудом вспомнил о том, какой завтра день. Обыч-

но Роберт был собран и помнил то, о чем многие могли забыть, но в последнее время он был отчего-то рассеян, особенно после визита Клаудии.

Тем же вечером он продумал идеальный план и поспешил поделиться им с Александром, который на момент звонка, конечно же, спал.

Утром, сделав все необходимые к сегодняшнему дню дела, Роберт зашел в комнату Астрид и как можно более холодным (для дальнейшего контраста) голосом разбудил ее.

– Собирайся, Астрид. Нам нужно сходить в одно место.

Она, сама собой, не перечила, и уже через сорок минут спустилась вниз, одетая в закрытую, специально для выхода в люди, одежду.

– Я решил, – сказал Роберт, когда они усаживались в машину, – что мы давно не выходили на прогулки. Что еще печальнее – никогда не сидели в каком-нибудь приличном месте. Все из-за моей занятости. Извини, Астрид.

Все еще не отошедшая от послесонного морозца, Астрид поежилась, но на ее лице заиграла искренняя улыбка.

– Я бы никогда не посмела упрекнуть вас в этом. У вас очень важная работа.

– Не важнее тебя.

– Спасибо, мистер Эндрюс, – ответила она. – Александр присоединится к нам?

– Он будет ждать нас в ресторане.

– В ресторане?

Занятый дорогой, Роберт очень хотел посмотреть на ее удивленное лицо, но довольствовался только фантазией, в которой в изумлении округлились ее красивые губы, а ухоженные брови поползли одна выше другой. Это выглядело бы забавно и очаровательно.

Роберту пришлось сдержанно ответить, чтобы не выдать настроение, которое воспламеняло его своей веселостью все сильнее.

– Да, в ресторан. Под приличными заведениями подразумеваются рестораны.

Смятенная представлениями о ценах, Астрид замолчала.

По прибытии Роберт вышел из машины первым и галантно открыл дверь для Астрид, помогая ей выбраться.

Увидев, куда они приехали, она побледнела, покраснела и снова побледнела. Перед ними была шикарно выполненная в стиле рококо входная группа одного из самых престижных ресторанов города. Мраморная белая лепнина украшала арку над светлыми дубовыми дверьми, извивистые ручки которой были залиты позолотой, если не самим золотом. Оттуда выходили богато одетые люди: дамы в платьях, мужчины в классических костюмах. Астрид, чье одеяние было не так роскошно, заметно смутилась.

– Не переживай, – шепнул ей Роберт. – Им важны наши деньги, а не то, как ты одета. Но если тебе станет от этого легче, мы обязательно купим тебе что-нибудь подходящее. Но закрытое, разумеется.

Астрид ничего не ответила, потому что они уже входили внутрь.

Их встретил молодой официант. Роберт предвосхитил его вопрос.

– Я Роберт Эндрюс. Бронь на десять часов.

– А, мистер Эндрюс! – молодой человек поднял свой указательный палец, вспоминая. – Конечно, проходите. Вас уже ждут за вашим столиком.

Помпезность обстановки, выраженная в богатых хрустальных люстрах, красных коврах на полу и белыми стенами, а также лебезящий персонал – все это сильно подействовало на Астрид. Она была крайне взволнована, благо, напряжение поутихло, когда она увидела знакомое лицо.

Александр сидел за столиком и улыбался.

– Опоздали на... – он сверился с наручными часами, – шесть минут. Почти пунктуально.

Роберт даже не стал закатывать глаза. Он отодвинул стул для Астрид.

– Присаживайся.

– Я очень рада, что мы собрались в таком месте, но что...

Александр взмахнул рукой, и оказалось непонятно, направлен ли был этот жест на Астрид, либо куда-то в сторону.

– Астрид, – он встал, поглядывая ей за спину. – Сегодня очень важный день. Создается впечатление, что ты забыла о нем, но мы с мистером Эндрюсом здесь, чтобы напомнить.

В это мгновение из-за спины Астрид вышли два офици-

анта. Они, одетые в свои красные костюмчики, шли достойно, но осторожно, потому что на их руках разместился трехэтажный, фигуристый торт, который они поспешили аккуратно поставить в центр столика.

Белый и черный шоколад все еще медленно, по каплям сползали по округлому и выгнутому, как дека гитары, корпусу, что несомненно говорило о том, что торт приготовили недавно, возможно, где-то около семи часов утра. Подумать только, Астрид всю спала, пока кондитеры-профессионалы ваяли это чудо гастрономической инженерии. На самом верху торт был украшен крупными шоколадными бусинами, переливающимися в свете играющего бликами хрусталя на люстрах.

– С днем рождения, Астрид, – Роберт нежно тронул ее плечо, не зная, насколько уместно было бы поцеловать ее в щеку.

Александр подхватил:

– С твоим восемнадцатилетием!

Тем временем еще два официанта принесли два ведерка со льдом, в которых стояло по бутылке шампанского вина, и бокалы на подносе. Торжество обещало быть пышным.

Роберт ожидал, что Астрид удариться в слезы. Так оно и произошло. Они начали стекать по ее щекам. Только через пару минут Астрид смогла прорваться сквозь ощущение обескураживающего счастья и кинуться Роберту в объятия.

Она прижималась к нему, чуть вздрагивая от рыданий.

– Спасибо вам. Спасибо, спасибо...

Астрид не была бы собой, если бы забыла про Александра, Обняв его следующим, она сказала благодарно:

– Я никогда не праздновала день рождения... Спасибо вам эту возможность.

Почти все умиленные официанты удалились, кроме одного, который остался нарезать торт и вскрывать бутылку шампанского. Все наконец сели за стол.

Астрид с улыбкой на лице вытирала остатки слез.

– Я в сказке, – прошептала она.

Наполненные шампанским бокалы заискрились, и Александр взял свой, побудив сделать остальных то же самое.

– Я буду краток, – он поднял бокал выше. – За тебя, Астрид!

– За Астрид, – подтвердил Роберт, и они втроем весело, громко чокнулись.

День удался на славу.

Роберт уговаривал Астрид поесть что-то еще кроме торта, но она упрямо отказывалась делать заказ. Она считала, что для нее и так много сделали. В этом ее никто никогда не переломит, даже Роберт.

Они втроем говорили о всяком, но вплоть до последнего момента избегали завести разговор о насущном. Однако Роберт решился.

– Итак, Астрид, – он сделал последний глоток, потому что ему было уже достаточно. – Теперь тебе восемнадцать. Ты

уже достаточно взрослая, чтобы пить алкоголь, принимать самостоятельные решения... И чтобы покинуть гнездо. Я говорю об этом потому, что ты вольна жить где угодно и с кем угодно, но... не в ближайшее время. Исследование еще не окончено, однако как только мы достигнем успехов, я куплю тебе дом, в котором ты сможешь спокойно жить: без наставления и контроля. Нужно лишь немного потерпеть.

Выслушав хорошо обоснованную позицию, Астрид поспешила успокоить.

– Я не думала о том, чтобы жить самостоятельно. Если честно, – она стыдливо опустила взгляд, – я бы хотела остаться с вами. Совсем.

Роберт и Александр переглянулись, каждый неся этим взглядом свой посыл.

В глубине души Александр ратовал за то, чтобы дать Астрид полную свободу как можно скорее. Роберта же высказывание Астрид более чем устроило.

– Я рад это слышать, – не стал лукавить он. – Мой дом – твой дом.

Празднество закончилось около трех часов дня. Предложение продолжить в привычной домашней обстановке было принято тепло. Дома они расселись у камина с горячим чаем.

Астрид, для которой день оказался перенасыщен, устало и сонно моргала.

– Если хочешь, можешь идти в комнату, – заметил Роберт ее состояние, когда Александр отлучился в уборную. – Мы

не будем в обиде.

– Но мне так хорошо с вами. Я хотела бы насладиться этим моментом еще немного.

– Боюсь, Александр слишком много выпил, чтобы про-
длить с нами этот момент, – пошутил Роберт. – Похоже, он
там заснул.

Астрид хихикнула.

– И мы не станем его будить?

– Конечно нет. Потому что это забавно. А вот тебе все же
надо устроить небольшую сиесту. Ступай к себе, выпишься от
души.

– Вы правы, мистер Эндрюс. Я пойду. Сегодня все было
замечательно.

Устраивая Астрид праздник, Роберт рассчитывал сделать
ее счастливой, и ему это почти удалось. Только там, внутри,
она все еще была несчастна. Жизнь с Амандой наложила на
нее несводимый отпечаток, а смерть Аманды повергла ее в
пучины самобичевания, и Астрид тонула в них до сих пор, не
позволяя себе выбраться. Она послушна и легко внушаема,
но приказать ей забыть о тетке было невозможно.

Роберт отправился в лабораторию, чтобы перечитать за-
метки и попытаться снова их сопоставить. Он все еще верил,
что сможет отгадать загадку Астрид, сможет объяснить ее.

Дойдя до лаборатории, Роберт понял, что его опередили.

На столе стояло лекарство, которое он точно прятал в
ящик, а возле был Александр. Он держал в руках журнал, от-

крытый именно на той странице, которую Роберт не планировал кому-либо показывать. Его охватило неприятное ощущение в области пропускаящего удары сердца.

– Ты не должен был рыться в моем журнале, и уж тем более – в моем столе.

Александр, отдавшись колышущемуся беспокойству, запальчиво спросил:

– И как давно вы создали лекарство? Как давно вы вводите нас с Астрид в заблуждение?

– Александр, ты правда не должен был это видеть, – Роберт устало потер глаза ладонями.

– Это не ответ, – его пальцы, сжимаемые журнал, раздражали.

Роберт не планировал подобного развития событий. Вообще. Доказывать что-то Александру – гиблое дело, но он попытался:

– Ты не понимаешь. Оно может уничтожить все, над чем мы так трудились. Я и ты. Ты этого хочешь?

– Я самого начала обозначил свою позицию – мы должны избавиться от этого явления, чтобы Астрид смогла нормально жить. Вы хотите навсегда сделать ее затворницей?

– У меня все под контролем, – Роберт начинал раздражаться. – У меня есть план, я уже посвятил тебя в него.

– Запатентовать исследование и переждать период, когда все сообщество утихнет и перестанет ее дергать? Я вас разочарую, мистер Эндрюс, – не перестанет.

– Великие вещи требуют великих жертв.

Александр остервенело кинул журнал на стол.

– Вы постоянно оправдываете свои действия этой фразой.

В вас не осталось ничего человеческого. Вы видите только свою цель, но поверьте – амбиции ослепляют, и они ослепили и вас.

Спорить дальше было бесполезно.

– Теперь, когда ты знаешь, что ты сделаешь? Перестанешь работать со мной? – с усмешкой предположил Роберт.

– Нет, – мелькнувшая в глазах Александра сталь заставила его заволноваться. – Я преподнесу это лекарство в качестве подарка на ее день рождения.

Философия «правильно» или «не правильно» давно уже не интересовала Роберта. Александр прав – он видел только свою цель, она была для него всем и она, как бы избито это ни звучало, оправдывает средства.

Александр взял лекарство со стола и уверенно направился к двери.

– Александр, стой. Ты совершаешь ошибку, – занервничав, Роберт попытался его остановить логическими доводами, однако не преуспел – тот не собирался продолжать разговор.

Его ладонь почти была на ручке двери. Почти. Перед глазами Роберта промелькнула вся собственная жизнь, все, ради чего он старался и ради чего дышал. Выбор был слишком очевидный и при этом слишком подстегнутый страхом, а все

вместе это родило скоропалительное, необдуманное решение. Он взял с полки мраморную статуэтку и настиг Александра.

Роберт не хотел этого. Правда не хотел. Но раздавшийся приглушенный стук стал роковым, и Александр упал словно замертво. Лекарство лужей растеклось по полу среди осколков колбы. Роберт вообще не должен был его создавать, но создал, повинувшись дурацкому научному вызову. Теперь из-за него была принята категоричная мера и затылок Александра обильно кровоточил.

Роберт не верил, что сделал это. Дрожа от шока, он наклонился над телом Александра и протянул руку к шее, чтобы пощупать пульс. Его не было. Ни единого признака жизни.

Запоздалое сожаление могло бы свести Роберта с ума. Могло бы, однако Роберт слишком сильно утвердился в своей цели, чтобы оплакивать попутные неизбежные жертвы. Вся его любовь к Александру, созданная годами работы вместе, навсегда останется в нем. Но Астрид он любил сильнее.

Разгладившееся в покое лицо протеже напомнило Роберту фразу, которая решила весь исход задолго до этого момента.

«Мы никогда не сойдемся с вами во мнении. Так к чему весь этот разговор?».

Глава девятая

День казался каким-то не таким. Никто не ронял предметы по своей внезапной рассеянности, никто не свалился под заразой болезни, никто не поддавался унынию. Просто все было иначе. Это ощущение расплзлось по дому как ядовитый газ. Отдающая непонятной тяжестью атмосфера давила на череп, порождая головную боль.

В это время обычно были слышны глубоко патетические речи Александра о прекрасном и то, с каким очарованием позвякивала направляемая его пальцами чайная ложечка в чашке чая.

Эту привычку неосознанно взяла себе и Астрид, и теперь она сидела за столом, издавая постукивание столового прибора о фарфор.

– Прошла целая неделя. Вы звонили ему?

К тому времени Роберт, уже переставший дергаться от упоминания Александра, ответил спокойно:

– Новая работа занимает все его время. Позвоню ему позже.

Слишком сильно Астрид не расстраивалась, но все равно немного грустила, словно навсегда рассталась с родным братом. Александр и впрямь был незаменимым помощником и хорошим собеседником. Был. Роберт не умел воскре-

шать людей.

Он не привык сожалеть о прошедшем, что случилось – то случилось. К чему все страдания, если ничего нельзя исправить? Тем вечером, когда Александр был убит, Роберт, конечно, паниковал, но, задавшись вопросом, куда деть тело, взял себя в руки. Глубокой ночью, когда Астрид все еще спала, Роберт убедился в том, что на улице никого нет, и сгрузил тело в машину.

Дорога до леса была долгой – много миль на запад и никакого дорожно-транспортного патруля на пути. Это, скорее, не везение, а четко продуманный план. Роберт слишком хорошо знал, где и во сколько обычно дежурили правоохранительные органы.

Заехав в самую глубь леса, Роберт принялся копать. Лопата, которую он прихватил, была мощной, но сам процесс отнял много сил. Бросать было нельзя, поэтому Роберт выкопал-таки двухметровую яму за два с половиной часа и скинул в нее тело Александра. Оно глухо ударилось о сырую землю и застыло в жутком неестественном положении. Роберт не был кощунственным извергом и на пару минут забрался в яму, чтобы расположить Александра более классическим способом, так, чтобы «похороны» можно было считать достойными его некогда замечательной личности.

Вокруг не было ни души, ни намека на внезапное появление кого-либо еще, и Роберт провел несколько минут, разглядывая успевшее остыть тело.

Безмятежность пролегла в чертах лица Александра. Более он ни о чем не беспокоился, вся прожитая жизнь стала песком, просочившимся сквозь пальцы – ни чувств, ни рефлексии. Он был добрым, и эти добрые, праведные порывы сгубили его. Роберт, безусловно, был виноват перед ним, но не потому, что убил, а потому, что когда-то заронил в Александра надежду, что ему, Роберту, можно всецело доверять. В этом они с Астрид были похожи. Разница в том, что Астрид он подводить не собирался.

– Получается, остались только мы с вами? – в последнее время Астрид обзавелась очаровательной неугомонностью.

– Ну, Александр не будет задействован в новом проекте вечно, – соврал Роберт беспечно. – Но на ближайшее время да – остались только мы с тобой.

Сделав глоток любимого зеленого чая, непременно горячего-горячего, Астрид смущенно уточнила:

– Вы почти никогда не посвящали меня в процесс исследования. И я бы хотела... хотела знать больше о своей природе с точки зрения науки. Если вы согласитесь, конечно!..

Роберт подумал для проформы.

– Думаю, ты будешь отличной протеже, Астрид.

Появившееся недавно умение восторгаться превращало Астрид в самое красивое существо на планете: большеглазая от предвкушения, она была похожа на смелую непослушную принцессу, дорвавшуюся до авантюрных мальчишеских игр.

Думал ли Роберт о ее стукнувшем совершеннолетию и о

том, как сильно она расцвела вместе с ним? Он явно не был слепцом. Или он все выдумал? Выдумал ее манеру говорить, когда вместо слов словно лилась карамельная сладость патоки, и делать что-либо, когда ее движения, точно окутанные воздушным шлейфом микрожестов, были столь бесхитростны и этим же вызывающи. Да, Роберт выдумал себе это, потому что в мозгу уже прозвучал губительный звоночек: «уже можно».

Уже можно желать чего-то большего, необходимого. Роберт хотел одарить Астрид такими ласками, каким могли бы позавидовать искусные в любви умельцы. Сначала Астрид застыла бы, оцепенела... Лишь сначала. О, она не представляла, насколько она исключительна и насколько далеко Роберт готов был зайти, чтобы показать ей это, чтобы превратить обычную утеху в обряд чистой, неподдельной любви. Так было в его мечтах.

На деле, если он подойдет к ней, поцелует в губы и прижмет к себе с намеком на немислимое для нее продолжение, это будет похоже на акт непростительной вседозволенности. Роберт не был тем, кто должен был отобрать у нее многоцветие юности. Но он являлся единственным, кто находился рядом и кто знал, как ценна Астрид для него и для этого мира. Как говорил Гамлет – «быть или не быть?».

Вертлявой пчелкой Астрид вилась вокруг него в лаборатории, задавая множество вопросов – по поводу текущего исследования и науки в целом. Роберт вдумчиво отвечал, удо-

влетворяя ее потребность знать, но, конечно, опуская некоторые нежелательные детали.

К слову, лаборатория дышала свежестью и прохладой, словно на ее полу не лежало мертвое тело и не растекалось лужей единственное, что могло даровать Астрид свободу. Той ночью Роберт затирал эту свободу в дощатые полы, стараясь извести следы. Журнал с расписанной по пунктам формулой он спрятал в самые дальние архивные ящики, куда никто не догадался бы залезть.

Теперь они с Астрид находились здесь, и только отсутствие роковой статуэтки молчаливо намекало о произошедшем в этих стенах.

– Мистер Эндрюс, а что такое фотосинтез?

Роберт, склонившийся над предметным стеклом с любопытным образцом, на мгновение прервался.

– Это химический процесс, при котором растения, используя такие неорганические вещества как углекислый газ и воду, преобразовывают их в органические при помощи энергии света, выделяя кислород, – ответил он, подобрав более-менее простые понятия. – Это то, что никогда не может произойти с этим цветком, например.

– Почему? – Астрид тоже склонилась над столом, разглядывая собственный цветок.

– Потому что фотосинтезу подвергаются только зеленые растения. К тому же, этот цветок забальзамирован. Если честно, я сделал это ради эксперимента после того, как мы с

Александром посетили выставку «Формалин». Цветок должен был умереть, но, как мы видим, с ним все в порядке, и это чудо.

– О чем это говорит? – сама того не зная, Астрид подталкивала его к давнишнему выводу, который оказался подтвержден только сейчас, из-за этого забальзамированного образца.

– О том, что твои цветки – не цветки вовсе.

– Это нечто похожее по виду?

– Именно так. Но что бы это ни было, запомни, – он повернул к ней голову, четко втолковывая эти слова, – ты – уникальна. Что бы ни показало это исследование, ты была, есть и будешь чудом.

Чудом, которое не знало, что такое фотосинтез, как не знало еще множество других вещей из-за отсутствия образования. Роберт осознавал, как сильно Астрид хотела бы пойти в школу, как сильно она хотела понять, каково это, но довольствовалась лишь чтением самообразовательной литературы. Не то. Все не то. Но Роберт не мог ничего сделать. Если придерживаться его плана, то Астрид должна будет пройти все мыслимые и немыслимые испытания обществом, что оно приняло ее. Но это будет не так скоро, как хотелось бы.

В ответ на его реплику Астрид просияла солнцем, пробивающимся яркими лучами сквозь облака смущения и растерянности. Она смотрела на него с небесной чистотой в широко раскрытых глазах, и словно взгляни она иначе – и это

будет уже не Астрид, а кто-то другой: чужой, не близкий.

С головой окунувшийся в смятение желаний, Роберт не отрывал от нее выжидающего взгляда: осознавала ли она ничтожность расстояния между ними? могла ли испугаться этих жалких сантиметров, в воображении Роберта растянувшихся до бесконечности? Самый мучительный парадокс, ощущавшийся жгучей, перечной болью – возможность коснуться была близка и одновременно далека.

Астрид не понимала, что вызывала в нем, особенно сейчас, когда она, розоволикая, смежала и размыкала веки с сонной лентой устали.

Роберт аккуратно привлек ее за хрусткое запястье и накрыл ее губы своими.

Этот поцелуй... Как долго он ждал этого!.. Его сердце возликовало в тот же миг, зашедшееся в мешанине ласки и боли, потому что пресыщаться прекрасным всегда означало страдание.

Губы Астрид сомкнулись теплой напряженной линией, соприкоснувшись с его ртом. Не такой реакции он хотел, нет. Он хотел взрыва ответного чувства, буйства эмоций, фейерверка ощущений. Астрид же оставалась безучастна. Оторвавшись от мятной сладости ее губ, Роберт замер, ошалевший.

Астрид замерла тоже. Обожаемый ею образ Роберта в ее голове рассыпался пеплом. Презирала ли она его теперь? Ненавидела ли? Роберт не успел бы спросить, даже если хо-

тел бы – Астрид сорвалась с места и убежала.

Первый порыв догнать ее и объясниться Роберт остудил в себе еще загодя. Астрид нужно было дать время, возможно, много времени, но Роберт не продумал одного – того, как теперь он будет беспрепятственно смотреть ей в глаза без лишней пелены стыда и вины. Он не собирался извиняться, но все же ситуация требовала оправдательной речи или даже, скорее, разъяснительной.

Только Астрид не пожелала спуститься даже к ужину. Роберт не мог поверить, что все так ужасно, но что-то останавливало его стучаться в ее комнату, в обитель, вторгнуться в которую означало бы лишить Астрид чувства безопасности.

Ужинал он один. Он почти закончил, когда в дверь дома позвонили.

Роберт не любил столь поздние визиты кого бы то ни было, но не имел привычки игнорировать их.

Открыв дверь, на пороге он увидел двух полицейских: мужчину и женщину.

– Просим прощения за беспокойство, мистер Эндрюс, – сказала женщина. – Я Бонни Миллер, это мой напарник Джеймс Эббот. Мы ищем Александра Питерсона. Знаете, где он может быть?

Шестеренки в голове Роберта начали отчаянно крутиться.

– Хорошо, что вы пришли, господа. Я и сам на днях хотел обратиться в полицию. Александр не отвечает на мои звонки уже неделю. Дома его тоже нет. Скажите, вы сможете его

найти?

– Прикладываем все возможные усилия, сэр, – ответил Джеймс Эббот. – К нам обратился его коллега по цеху – Дэвид Нортон. Он сказал, что они должны были встретиться для обсуждения каких-то очень срочных рабочих моментов. Вы что-нибудь про это знаете?

– Я знаю Дэвида и знаю, что Александр вел с ним какой-то научный проект в свободное время от нашего с ним проекта. Но об их встрече не слышал.

– Мистер Эндрюс, когда вы в последний раз видели мистера Питерсона?

К этому вопросу Роберт был готов.

– Это было неделю и один день назад. Мы праздновали день рождения моей приемной дочери здесь, у меня дома. Ближе к ночи я предложил Александру подвезти его, но он отказался и решил прогуляться пешком. Он это любит... Могу я попросить вас кое о чем?

– О чем? – спросила Бонни Миллер.

– Дайте знать, если найдете его.

– Все же будем надеяться, что он объявится сам, – она улыбнулась с подобием дежурной надежды.

– Будем, – согласился Роберт. – У вас остались ко мне еще какие-нибудь вопросы?

Мужчина-полицейский покачал головой.

– Нет, сэр. Еще раз простите за беспокойство. Хорошего вечера!

Когда Роберт закрыл входную дверь, его непроизвольно потряхнуло. Мурашки и маленькие электрические кусающиеся заряды укололи его тело.

Он понимал, что когда-то к нему должны были постучаться, и ждал этот день, будучи уверенным в своей эмоциональной непоколебимости, но почему-то сейчас его захлестнул адреналиновый страх. Он начал судорожно вспоминать каждый свой шаг того вечера, но после долгих копаний пришел к выводу, что не мог наследить и по неосторожности оставить улики. Полиция ничего не найдет, тело Александра – тоже. Единственное, чего он не знал, так это того, слышала ли Астрид звонок в дверь и весь последующий разговор с полицией. Это было бы некстати.

В теории, на самый крайний случай Роберт мог придумать байку о том, что Александр планировал нажиться на их исследовании и хотел убрать Роберта, и Роберту пришлось защищаться.

«Это была самозащита», – скажет он обязательно. – «Всего лишь самозащита».

И плевать, что там найдут судмедэксперты. У Роберта достаточно компетенций, чтобы поспорить с ними и навести их на ложные теории.

Да, Астрид будет разбита. Но этот вариант Роберт рассматривал только если его прижмут, что называется, к стене. Но этого никогда не случится.

Они столкнулись с Астрид только на следующий день.

При виде ее нарочито выпрямленной фигуры Роберт понял, что вся заранее подготовленная речь обратилась в бессмыслицу. Вероятно, Астрид хотела забыть о произошедшем в лаборатории, наложить вето на все, что касалось их поцелуя: ни намеков, ни разговоров, ни тем более повторений. Роберт не исключал, что пройдет время – и она перестанет воспринимать его как отца или дядю, предавшего ее веру в чистоту его помыслов, но это лишь ничем не подкрепленная догадка.

Они позавтракали вместе и разошлись по своим делам – Астрид наверняка снова засела за книжки или за свой дневник.

И все же было кое-что, что всерьез беспокоило Роберта. Дэвид Нортон. Роберт знал его лично благодаря познакомившему их Александру и помнил, что Дэвид и Александр работали вместе в свободное время. Однако, какие «срочные рабочие моменты» они хотели обсудить при встрече? Это могло быть что угодно, но в Роберте завозился червь сомнения, подталкивая его к мысли о том, что вышеупомянутый разговор мог касаться его самого.

Днем он набрал записанные в справочной книжке контакты Дэвида и стал ждать ответа.

– Дэвид Нортон, слушаю, – сказал низкий пафосный голос.

– Дэвид, это Роберт Эндрюс.

Тот, услышав, кто ему звонит, сразу переменял тон и зачастил.

– Роберт! Р-рад с-слышать... Честно говоря, я хотел с тобой связаться, но не решился.

– Я звоню по поводу пропажи Александра. Я весьма обеспокоен этим. Скажи, он ничего не говорил тебе перед своим исчезновением, что могло бы навести полицию на правильный след?

– Он не говорил ничего такого. Я рассказал полиции все, что знаю.

– Что за срочный разговор у вас должен был состояться? – Роберт решил спросить прямо в лоб.

– Вот как раз поэтому я и хотел тебе позвонить... Знаю, это дело личное, но твоя бывшая жена так не посчитала и...

– Клаудия? – спросил он, закипая. – Что же она?

– Ты не подумай, – перешел на шепот Дэвид. – Я всегда считал, считаю и буду считать тебя добропорядочным человеком и никогда не поверил бы в эти омерзительные слухи... В общем, на прошлой конференции Клаудия упоминала о твоей приемной дочери и о том, какие неправильные... кхм, отношения тебя с ней связывают.

Роберт вдруг ощутил себя оглушенным, в ушах зашумела кровь.

– Что же... Что же конкретно она сказала? – поинтересовался он, стараясь держать себя в руках.

– Сказала, что самолично видела синяки и побои на твоей приемной дочери и что ты держишь ее затворницей. И еще, – Дэвид окончательно понизил голос, – она сказала, что

ты угрожал ей расправой, если она обратится куда следует.

Грязная, мерзкая стерва. Роберту следовало ожидать от нее чего-то подобного. О, эта женщина всегда умела мстить.

– Тебе не кажется, что если бы это все было правдой, она бы не смела рассказывать это даже вам, коллегам?

– А я про что! – Дэвид запальчиво подтвердил. – Никто не любит Клаудию. С ней поддерживают общение только из-за ее заслуг. Как человек она, конечно, оставляет желать лучшего...

– В итоге как это связано с вашим разговором с Александром?

– Александр хотел рассказать мне кое-что, чтобы нейтрализовать эти мерзкие слухи в моих глазах. Так он мне сказал. Еще сказал, что перед этим он должен поговорить с тобой.

«Но, видимо, не успел», – подумал Роберт мятежно.

– Я не знаю, что у вас там творится, – продолжил Дэвид после непродолжительного молчания, – но я ни за что не поверю, что ты можешь держать девочку в таких условиях.

– Спасибо. Спасибо, Дэвид. Если что, будем на связи.

– Не за что, Роберт. Да, на связи!

Роберт повесил трубку.

Он был невероятно зол. Он был в ярости. Если бы Клаудия сейчас находилась перед ним, то он придушил бы ее голыми руками, он бы сжал ее горло в тиски и наблюдал бы, как жизнь покидает ее с каждой утекающей секундой. Но это был лишь сладостный мираж. Сейчас Роберт был бессилен

что-либо сделать. Самое ненавистное чувство.

Клаудия всегда умела вести только одну игру – уничтожение противника. Но если пытаться понять ее мотивы, то можно было натолкнуться на стену ее иррациональной ненависти и подлости ко всем вокруг. Она умна. Распустив слухи, она защитила себя – в случае ее смерти подозревать будут именно Роберта, и это если не брать в расчет их давний конфликт из-за якобы сворованных наработок. Однако Роберт тоже далеко не глуп. Он умел скрывать следы преступлений. Как минимум он мог все обставить как самоубийство или несчастный случай.

Тем же днем, перед выходом из дома, пряча револьвер в карман барсетки, он все же остановился на варианте самоубийства.

Насколько Роберт помнил, Клаудия жила на другом конце города в дорогом, отдаленном от шумной суеты доме. Жила одна, что еще больше упрощало задачу. Все должно было пойти по плану.

Роберт не стал заводить машину – это скомпрометировало бы его, – а пошел пешком, одетый в непривычную ему одежду – спортивный костюм и кепку. По приходу к месту назначения оказалось легко побудить Клаудию открыть дверь обычным звонком. Она шарахнулась в сторону при виде визитера, и это было на руку – Роберт беспрепятственно шагнул внутрь коридора.

Придать себе невозмутимый вид было легко. Роберт не

без интереса огляделся. Он никогда не был в новом доме своей бывшей жены и понял сейчас, что это даже к лучшему – он вряд ли готов был вынести такой помпезный стиль больше одного часа.

– Что тебе нужно? – взяв себя в руки, Клаудия настороженно попятилась от Роберта.

Убить ее сразу было бы слишком просто. Роберт прошел в гостиную, словно не являлся непрошеным гостем.

– Что мне нужно? – повторил он, осматривая пышные хоромы. – Что нужно тебе – вот в чем вопрос. Обманом попадаешь в мой дом, ведешь тайную запись нашего разговора, распускаешь немыслимые слухи... Тебе есть что сказать по этому поводу?

Иногда злодейки умеют притворяться жертвой, и Клаудия тоже умела это делать, только сейчас не стала.

– Я приходила к тебе с очень хорошим, выгодным предложением. Ты отверг меня. Что еще ты хочешь услышать?

– Ты уже испортила мне жизнь однажды. Второго раза не будет.

С этими словами он достал из барсетки револьвер, взводя курок и направляя дуло в сторону мгновенно побледневшей Клаудии. Дернуться в сторону было бы ошибкой, и она просто замерла в оцепенении.

– Что ты хочешь от меня?.. – осторожность, с которой был задан вопрос, выдавал ее истинную натуру, хитро просчитывающую шаги наперед.

– Уже ничего. С тебя можно взять только одно – твою жизнь.

Ужасающие в своей сути слова рвались из него без особого усилия, словно он все время только и делал, что угрожал людям.

– Не подходи ко мне! – вскричала Клаудия, когда он двинулся к ней ближе. – Прости меня! Прости, ладно? Тебе не нужно этого делать.

– Как жалко и отчаянно ты держишься за свое существование, – Роберт усмехнулся, покачав головой. – Ты в курсе, что все тебя ненавидят? Что каждый лицемерит за твоей спиной? Ты нажила себе одних врагов, Клаудия. Теперь пожинай плоды.

Он давно не видел ее такой напуганной и сожалеющей. Давить на больное место не входило в его планы, но реакция Клаудии была бесценна – ее глаза заслезились, рот скривился в подступающем рыдании. Если дело дойдет до мольбы, Роберт насладится ситуацией сполна.

– Что бы ты сейчас не ответила, я все равно убью тебя. В конце концов, я всегда стараюсь держать свои обещания.

Клаудия наверняка осознавала, что Роберт превосходил ее физически.. Он был сильнее, мощнее, быстрее. Однако Роберт не собирался прибегать к методу силы – это слишком банально и пошло, – поэтому он медленно, наслаждаясь каждым своим шагом, подошел к замершей Клаудии и еще медленнее, с чувством собственного превосходства, приставил

дуло револьвера к ее виску.

Самоконтроль заметно подводил его бывшую жену, она дрожала и этим подтверждала давнишнюю теорему, которая была у всех на слуху в той или иной интерпретации: человек боится не самой смерти, а ее возможной жестокости.

Вероятно, Клаудия когда-то планировала умереть в теплой постели от старости, но то были лишь гипотетические планы.

– Постой!.. Постой... – онемевшими от страха губами выговорила она. – Пастор, пастор Эйкинс...

Запал хладнокровия оказался сбит с верного направления. Роберт мотнул головой.

– Что ты несешь?

Клаудия сбивчиво продолжила:

– Он знает Астрид. Аманда Стенфилд обращалась к нему еще до тебя.

Роберту понадобилось несколько секунд, чтобы переключиться с намерения нажать на курок на намерение внимательно слушать.

– Я знаю про пастора, но откуда это знаешь ты? – он усилил давление на ее висок.

– Г-город... город маленький, Роберт. Это Эйкинс рассказал мне про девочку с цветами. Назвал ее имя и прочую... прочую информацию. Поэтому я пришла к вам в первый раз. Я хотела в-взглянуть.

– Если своими откровениями ты пытаешься вызвать у ме-

ня жалость – не выйдет.

– Эйкинс не смог помочь Астрид, но он заинтересовался этим. В запечатанных архивах церкви он нашел похожий случай. Я клянусь тебе, Роберт, клянусь.

Роберт сгруппировался. Как же он сгруппировался. Вместо того, чтобы давным-давно отыскать пастора, когда-то осматривавшего Астрид, он избрал самый тяжелый путь – путь самостоятельного изыскания, полного недочетов, несостыковок и ошибок.

– Что еще ты знаешь? – Роберт встряхнул Клаудию за плечо.

– Больше ничего. Он не посвящал меня в засекреченные документы.

Роберт шумно вздохнул.

Клаудия не стала бы врать, будучи почти что на смертном одре. Да, попытка спасти свою шкуру казалась жалкой, но Роберт засчитал ее. Засчитал и опустил револьвер.

– Надеюсь, тебе хватит ума больше не переходить мне дорогу.

Клаудия расслабилась только тогда, когда он отошел от нее на несколько шагов, но дрожь все равно продолжала сотрясать ее тело. Роберт не беспокоился о том, что гипотетически она вполне могла напасть на него сзади и просто проследовал в коридор и покинул этот дом.

Когда-то, еще при первой встрече, Аманда упоминала какого-то пастора, к которому она обращалась, но на тот мо-

мент Роберт не вдавался в подробности. Зато подробности знала Клаудия, которая всегда и везде совала свой нос, точно хорошо заплаченная ищeyка. Она была права – город маленький, а слухами земля полнится. Роберт был уверен, что дальше Клаудии этот пастор не распространялся, иначе об Астрид уже узнал бы весь мир. Но задокументированный похожий случай... Про это Роберт слышал впервые. Так и не приблизившись к разгадке первопричины феномена, он был готов принять на веру некогда любимую Александром божественную теорию.

Роберт шел до городской церкви очень быстро. Его разум горел, обжигал мозг в стремлении постичь, наконец, то, ради чего он отдал столько сил. В самой церкви было тихо: все службы уже завершились и прихожане расплзлись по домам. Так было даже лучше.

Не собираясь размениваться на любезности, Роберт подошел к единственному находящемуся здесь пастору, который занимался тем, что зажигал свечи, и сразу спросил:

– Где я могу найти пастора Эйкинса?

Священнослужитель обернулся к нему, прервавшись.

– Пастора Эйкинса? – уточнил он. – В нашей церкви нет такого пастора.

– Может быть, он служил здесь раньше?

Взъерошенный и спешащий, он вряд ли был похож на вменяемого собеседника, но пастор вежливо ответил ему:

– У нас никогда не служил человек по имени Эйкинс.

– Вы уверены? – с нажимом спросил Роберт, едва ли не теряя рассудок от нетерпеливости.

– Я служу здесь уже больше двадцати лет и могу заверить вас, что никакого Эйкинса нет и не было. Возможно, я смогу вам чем-то помочь?

Роберту хотелось истерично рассмеяться.

Дурак.

Клаудия где-то там сыто потирала ладоши.

Как Роберт мог поверить змее? В очередной раз.

Не было никакого пастора Эйкинса. Того пастора, к которому обращалась Аманда, звали как-то иначе, и он не находил никаких документов. Это была хитрая уловка от Клаудии, точно знающей, что Роберт пойдет на что угодно, лишь бы приблизиться к истине.

Оставив священнослужителя недоумевать, он покинул церковь, ощущая себя мальчишкой, обведенным вокруг пальца. Было бессмысленно идти к Клаудии снова – за это время она придумала тысячу и один способ защитить себя. Но теперь она неважна. Важно то, что там, дома, его ждала Астрид. Он обязан быть с ней вместо того, чтобы устраивать расправы и погони. Они должны наконец поговорить и шагнуть в новую для них реальность, в которой Астрид знала о его чувствах.

Но всему было суждено измениться.

Сначала Роберт ничего не понял, что когда увидел возле своего дома две припаркованные полицейские машины. Не

понял ничего даже тогда, когда из них вылезли трое полицейских, наполняя улицу гвалтом, шумом и звуком доставаемых пистолетов.

Они налетели на Роберта, как коршуны – стремительно и неотвратно – и прижали его грудью к капоту машины.

– Вы арестованы за угрозу здоровью и безопасности Астрид Стенфилд и Клаудии Стайн, – сухо проинформировал один из них. – Вы имеете право хранить молчание. Все, что вы скажете, может и будет использовано против вас в суде. Ваш адвокат может присутствовать при допросе. Если вы не можете оплатить услуги адвоката, он будет предоставлен вам государством.

В водовороте событий Роберт не мог собрать мысли воедино, но точно знал одно – он все-таки должен был прикончить Клаудию.

Где-то позади из дома бережно выводили ничего не понимающую Астрид.

Глава десятая

Тусклая одинокая лампа, висевшая над переговорным столом, освещала помещение недостаточно для того, чтобы увидеть канувший во тьму угол, которого словно и не было на стыке двух бетонных стен. Никакого плавного градиента цветов, только резко-белое и резко-черное. Изнутри комната допроса выглядела до банального кинематографично: алюминиевый стол с прикрученными к полу ножками и тонко-бритвенными царапинами, жесткие стулья по обеим его сторонам, скудное освещение и мерзкая сырость. Роберт готов был поклясться, что с потолка упало несколько прелых капель воды ему за шиворот. Он был настолько напряжен, что ему вполне могло это показаться, только в области шеи все равно было какое-то неприятное влажное ощущение.

Роберт находился здесь уже час. Час раздумий и продуываний каждого ответа на каждый потенциальный вопрос. Чем дольше он пребывал один, тем больше ответов он мог придумать. Но даже постоянно анализирующий аппарат в голове сбоил и возвращал к моменту, когда его скрутили по рукам прямо возле дома. Роберт вспоминал едва шагающую за полицейским Астрид и сжимал кулаки. Она была бледной и ничего не понимающей. Роберту даже не дали возможности поговорить с ней, утешить, и сразу усадили в машину.

Все не должно было быть так. Все должно было быть по-другому.

Благо, Астрид была в закрытой одежде, но это лишь вопрос времени, когда ее попросят снять с себя колготки, юбку и свитер, чтобы проверить, действительно ли Роберт наносил ей «побои», как об этом наверняка утверждала Клаудия в своем заявлении. О, она знала, что делала. Знала, что вместо побоев найдут цветки. Она сделала это специально.

В какой-то момент в допросную вошел мужчина, служивый средних лет с усами и козьей бородкой. В руках он держал папку. Роберт представлял, что там могло быть написано.

– Добрый вечер, мистер Эндрюс, – его голос оказался на удивление высоким. – Меня зовут Отто Хопкинс. Я следователь.

Представляться не имело смысла. Такие люди как этот следователь знали все обо всех.

Он сел за переговорный стол, расположив на нем руки в подобии открытого жеста.

– Итак, – сказал Отто. – Предлагаю вам обоюдную помощь в этом деле: я задаю ряд вопросов, а вы честно на них отвечаете. Договорились?

Роберт был слишком умным, чтобы не принять правила игры. Но кто сказал, что внутри какой-то игры нельзя вести свою?

– Договорились.

– Хорошо. Мистер Эндрюс, вы знаете, за что вас задержали?

– Вы имеете в виду весь тот абсурд, который мне вменяют?

– Это вы мне скажите.

– Мне вменяют то, что я якобы несу угрозу жизни моей приемной дочери и бывшей жене.

Отто кивнул.

– Все верно. Опять же – напоминаю – давайте сделаем все максимально возможное, чтобы не затягивать этот процесс. Поэтому предлагаю вам ответить на вопрос. Если все это, по вашим словам, «якобы», тогда что делал револьвер у вас в кармане? Клаудия Стайн утверждает, что вы собирались ее убить.

– Пригрозить, не убить, – поправил его Роберт, оставаясь спокойным.

– Пригрозить? По-моему, взведенный курок – это не про запугивание, а про убийство.

Роберт скептически приподнял бровь.

– Я что, убил ее?

– Нет, но, очевидно, собирались.

– На беспочвенных догадках не строится ни одно дело. Вы точно уверены в своих компетенциях?

– Я заметил, что вы мастер увиливаний, мистер Эндрюс. И тем не менее вы сами назвали то, что вам вменяют.

– Так, все, – намерение покинуть это место вскипало в

Роберте с каждой секундой все сильнее. – Предлагаю выписать мне штраф и отвести меня, наконец, к моей дочери. Она хрупка и ранима. Вы напугали ее всей этой сценой у дома.

– Астрид, верно? – уточнил Отто, заглядывая в папку. – Вы слишком торопите события, мистер Эндрюс. Сначала наши эксперты должны проверить, действительно ли на теле девушки есть следы побоев...

– Это все бред, выдуманный Клаудией! Поэтому я и пришел к ней – запугать ее, чтобы прекратить все эти отвратительные слухи. Один раз Клаудия уже испортила мне жизнь. Я не хотел второго раза.

Отто собирался что-то ответить. Наверняка это было бы что-то стандартное, лишенное разнообразия и очень-очень скучное. Но скучать им двоим не пришлось. В допросную вошел двадцатилетний на вид парень с почти такой же папкой в руках, какая лежала на столе. Он коротко извинился, склонился к уху Отто и начал шептать. По мере донесения информации лицо следователя успело нахмуриться, вытянуться и снова нахмуриться, и самой финальной эмоцией оказалось явное смятение.

Когда парень покинул помещение, оставив вторую папку, Отто спросил Роберта прямо.

– У вас есть предположения, почему сейчас вашу приемную дочь перенаправляют в научно-исследовательский центр?

Это был тот вопрос, который Роберт боялся услышать. Его

мгновенно бросило в жар.

Он хотел решить, замять дело быстро, но просидел в допросной слишком долго, чтобы надеяться на желаемый исход. Значит, Астрид раздели, внушив ей «благую цель» происходящего, увидели на ней чудо, которое Роберт планировал так тщательно скрывать до определенного момента, и решили сделать ее подопытной зверушкой. Все, чего Роберт хотел, оказалось разрушено. Но перед ним все еще сидел Отто Хопкинс – противный следователь, поборник правды и морали, и ему нужно было что-то ответить.

– Зависит от того, что сейчас вам сказали. Я не могу знать, что в головах ваших экспертов.

Отто открыл принесенную ему синюю папку и внимательно всмотрелся в свежие фотографии. На них была полураздетая Астрид: сначала в полный рост, потом туловище, потом более детальные снимки. Закончив, следователь развернул фотографии и придвинул их поближе к Роберту.

– Вы понимаете, что вас могут обвинить еще и в незаконных экспериментах над живым человеком? Как вы объясните вот это? – его узловатый палец ткнулся в запечатленные на фотобумаге ключицы Астрид, на которых виднелись бирюзовые цветки. Цвет волнения и страха.

Сейчас от ответа Роберта ничего не зависело: соври он – и ему не поверят, скажи он правду – все равно не поверят.

– Так что, мистер Эндрюс? – Отто Хопкинс ждал ответа. Все уже разрушено. Все. Мечта о разгадке, мечта о Нобе-

ле, мечта об их с Астрид совместной жизни, которая была бы наполнена светом, глубинным счастьем. Первое и второе, будучи связанные между собой, разрушены потому, что бывалые зеваки из научно-исследовательского центра наверняка захотят запатентовать открытие на свое имя. Третье вытекало из первого и второго и тоже оказалось разрушено – глубинное счастье строится на жизнеутверждающем фундаменте радости, а у них теперь не было совершенно ничего. Роберт был разбит. Оставалось только бороться за свою свободу.

– Послушайте, – пальцами он устало потер веки. – Я расскажу все с самого начала. Это все, что я могу в данной ситуации.

– Прошу вас, – следователь побуждающе взмахнул рукой. Подспудно Роберт готовил себя к длинному монологу, раскрывающему следствию всю суть истории, но до последнего надеялся, что ему не придется прибегать к откровенностям.

– Чуть больше, чем полгода назад ко мне обратилась Аманда Стенфилд – прихожанка местной церкви, – немного подумав, он начал с самых истоков. – Ее племянница Астрид – носитель весьма любопытного феномена. Аманда попросила меня избавиться от него, так как пастор не помог ей. Вы можете верить, а можете не верить, но на теле Астрид растут цветки. Их невозможно вживить под кожу в процессе какого бы то ни было эксперимента, в котором вы хотите меня

обвинить. Они настоящие. Не смотрите на меня так, мистер Хопкинс. Сначала я тоже не поверил.

– Если это способ оправдать себя, то он очень глупый и, извините меня, бредовый, – следователь был хмурым, как бывает хмурым человек, которому пытаются вверить нечто сомнительное.

– Но это правда.

– И что же? Из девушки растут настоящие цветы?

– Цветки, – поправил Роберт. – На самом деле то, что я называю цветками, вплетено в нервную систему Астрид. Это не относится к царству растений в привычном нам понимании, это относится непосредственно к ее организму. В конце концов, вы поверите мне хотя бы потому, что сотрудники научно-исследовательского центра покажут вам результаты изучения феномена.

– Допустим даже если это так и вы не проводили никаких экспериментов над Астрид, то на вас все еще обвинения в угрозе жизни Клаудии Стайн.

– Думаю, мой случай требует нестандартного подхода. Во-первых, я просто хотел припугнуть ее. Во-вторых, она распускала о нас с Астрид грязные слухи и вдобавок обратилась в полицию, чтобы раскрыть явление, которое я так тщательно скрывал. Как итог – сейчас Астрид угрожает опасность. Она не перенесет такого давления со стороны научного сообщества. Только не сейчас.

– Не сейчас? – уточнил Отто, и Роберт подтвердил:

– Да, не сейчас, когда меня нет рядом с ней. Все должно было быть по-другому.

– Я не знаю, врите ли вы мне или говорите правду, но вы правы – результаты обследования все покажут. А пока я вынужден оставить вас здесь до получения нами первой информации из центра.

Робер развел руками.

– Валяйте.

Отто Хопкинс покинул помещение в явном смятении.

Все то время, что Роберт был один, он лихорадочно прокручивал в голове мысли о том, где он мог ошибиться, и получалось так, что ошибся он везде. Он должен был либо принять предложение Клаудии о совместной работе во избежание вот таких последствий, либо убить ее сразу же. Это была бы не первая его кровь и, если надо, не последняя, но загвоздка в том, что это «если надо» теперь потеряло свою необходимость. Роберта почти что прижали к стене: он на мушке, под наблюдением следствия. Не мог же он убить их всех, в конце концов.

А еще Роберт думал об Астрид. Беспрестанно. Какой будет их жизнь теперь? Ему грезилось, что они стоят с Астрид на пьедестале вечной славы, держась за руки; грезилось, как они вдвоем изменяют мир, внесут краски в бытие, полное банальности; грезилось, наконец, как наедине ото всех они предавались ласкам и нежностям. Последнее все еще было возможным, но уже без того вкуса триумфа, который заста-

вил бы их сердца биться чаще и в унисон. Астрид обязательно приняла бы его в новой роли. Обязательно.

Что с ней сейчас? Как много иголок погрузилось в ее вены и как много с нее сорвали этого лепесточного великолепия?

Роберт как раз обдумывал все свои претензии к следствию, когда в допросную снова вошел Отто Хопкинс с новостью.

– Мы отпускаем вас, мистер Эндрюс. Вы должны будете явиться в суд, чтобы вам вынесли вердикт в виде штрафа и поставили запрет на приближение к Клаудии Стайн.

– Что с Астрид? – Роберта волновало только одно.

Следователь вздохнул и сел за стол, сомкнув руки в замок.

– Результаты пришли. Вы оказались правы. Не знаю как, но правы.

– Ее должны немедленно отпустить. Она не лабораторная мышь.

– Боюсь, вам нужно говорить непосредственно с научно-исследовательским центром.

– Что за чушь? Вы, как вершитель чертового правосудия, должны что-нибудь предпринять. Астрид человек, у нее есть права. Никто в здравом уме не хочет находиться там, где находится сейчас она. Или вы ждете, чтобы я подал в суд на вас и на Центр в том числе? На вас – за бездействие, на них – за насильное удерживание человека в стенах лаборатории.

– Понимаете, мистер Эндрюс, пока что мы не знаем, что сейчас делают с Астрид...

– Так узнайте же! – Роберт взорвался, на его лице заиграли желваки. – Если я пойму, что ей причинили вред, я сотру с лица земли вашу полицейскую конторку и тщеславных ублюдков, которые посмели тронуть Астрид своими руками.

– Мне кажется, вам стоит успокоиться и не горячиться.

– Я не успокоюсь, пока Астрид не будет в поле моего зренья.

Должно быть, слова Роберта все же возымели какой-никакой эффект, раз следователь понял, где его ошибка.

– Давайте поступим так: вы поедите туда сами, а в случае несговорчивости персонала из Центра можете рассчитывать на поддержку полиции. А в целом, вы свободны. Главное явитесь в суд. Мы пришлем вам повестку.

Благодарить было особо не за что, поэтому Роберт просто встал из-за стола и покинул допросную.

Никто не собирался подвозить его до дома, и он пошел пешком. Голова начинала медленно, но верно проветриваться, хотя общего разбитого состояния это не отменяло.

Он обязан был явиться в научно-исследовательский центр и отвоевать Астрид. Так он и сделает, когда дома приведет себя в порядок – в таком виде, в каком он пребывал сейчас, он не внушал страха и трепета.

Дома Роберт принял душ, после чего надел брюки, рубашку и пиджак. Он уже знал, что скажет им – его слова будут аргументированы, весомы, и никто не станет спорить с ним, потому что все, что он несет – это правду и справедливость.

Заведя машину, он поехал в научно-исследовательский центр. По-хорошему, ему не следовало садиться за руль в таком взвинченном состоянии, но нетерпеливость подгоняла его: скорее увидеть Астрид означало бы конец его душевным терзаниям. Конечно, он мог поступить иначе. Он мог воспользоваться ситуацией и дать ученым изучить Астрид – вдруг они обнаружат что-то еще? – а потом подать на них в суд – так, на всякий случай, для поддержания репутации в глазах самой Астрид. Но он не был таким человеком. Его бросало в дрожь при мысли, что Астрид пробудет там хотя бы еще один день.

Центр находился в обособленном от цивилизации месте, расположившись на окраине города за высоким забором облагоустроенного вездесущими клумбами участка.

Роберт оставил машину возле ворот, а сам прошел через них, стараясь побороть зуд волнения.

Очевидно, у Центра не имелось недоброжелателей, раз на входе не стояло охраны. Зато она стояла в коридорах, по двум сторонам видневшихся из большого главного холла. Роберт беспрепятственно прошел к стойке информации. За ней сидела кудрявая женщина лет тридцати пяти, на позолоченном бейджике было написано: «Бетта».

Увидев Роберта, она подняла взгляд, отвлекшись от бумаг на ее столе.

– Здравствуйте. По какому вопросу?

– Здесь наблюдается моя дочь, Астрид Стенфилд. Я при-

шел забрать ее.

Умение быть кратким всегда внушает собеседнику уверенность твоих намерений. Только оно почему-то не повиляло на Бетту.

– Вы Роберт Эндрюс? – уточнила она равнодушно.

Роберт кивнул.

– Да.

– Извините, но я ничем не могу вам помочь.

Более банального ответа Роберт никогда не слышал и тем не менее задал банальный вопрос:

– Что это значит?

– Это значит, что я могу позвать профессора и он вам все объяснит. Остальное – вне моих компетенций.

Роберт растерялся, поскольку не ожидал, что ему упростят задачу.

– Да, позовите, – ответил он.

Ждать пришлось прилично – около двадцати минут, которые Роберт провел, сидя на скамейке возле входа. Развернуться и уйти означало бы сдаться, поэтому он оставался на месте, рассматривая многочисленные плакаты с достижениями Центра, висевшие на оранжевых стенах.

Когда Роберт был уже вне себя от нетерпения, в холл, наконец, вышел одетый в медицинский костюм и халат пожилой мужчина с расчерченным глубокими морщинами лицом и направился в сторону Роберта. Тот встал со скамейки, готовый к конструктивному диалогу. Он надеялся, что к кон-

структивному.

Поравнявшись, они посмотрели друг на друга достаточно холодно.

– Роберт Эндрюс? – спросил мужчина.

– Да.

– Я Беркли Клай. Мне сказали про цель вашего визита. Извините, но мы не можем отпустить Астрид, – прежде, чем Роберт горячо возразил бы, профессор сделал останавливающий жест рукой. – Видите ли, в чем дело. То, что из себя представляет Астрид – настоящее чудо. Но оно может быть опасно для окружающих. Мы еще ничего не знаем и...

– Да, – согласился Роберт, – мы почти ничего об этом еще не знаем, а вы уже хотите запереть Астрид как лабораторную зверушку.

Беркли Клай оставался спокойным.

– Вам ли, как ученому, не знать, что лучше всегда быть начеку?

– Это не тот случай. Речь идет о моей приемной дочери, и она является человеком со всеми прилагающимися правами. Удерживать ее здесь – преступление.

– Я еще раз повторяю, – с нажимом произнес профессор, – ее особенность может оказаться болезнью и быть опасна для других.

– Я прожил с Астрид три с половиной месяца и, как видите, жив и здоров.

– Может быть, у вас иммунитет?

– Весь этот бред – лишь предлог, чтобы оставить ее тут для дальнейшего изучения. Мотивы, которые вы преследуете, корыстны.

– Что бы вы там себе не придумали, правда на нашей стороне. Мы – государственный научно-исследовательский центр. Вы действительно хотите потягаться с нами?

– Если ваша аргументация строится на этом, то могу заверить вас: одно обращение к журналистам – и дело станет настолько резонансным, что вы и ваш Центр утонете под осуждением революционной общественности, а ей плевать под кем или чем вы ходите. Последствия будут необратимыми.

Роберт давил, на что мог, и тянул за такие ниточки, какие знал, но это не гарантировало совершенно ничего.

– Вы можете сколько угодно представлять себе громкие заголовки про нарушенные права этой девочки, но мы действуем в интересах того самого общества, про которое вы говорите. Мы отпустим ее, когда удостоверимся, что она не представляет опасности для окружающих, и это мое последнее слово. Разве что, если желаете, то можете поделиться с нами вашими наблюдениями, и процесс пойдет куда быстрее.

– Да я лучше сдохну, – выплюнул Роберт, и это тоже были его последние слова.

Он покинул Центр проигравшим и озлобленным.

Заручаться обещанной помощью полиции было уже глупо – Беркли Клай привел достаточно аргументов в поль-

зу правоты интересов Центра, и даже хваленые журналисты повернули бы ситуацию в ненужную Роберту сторону. Он остался один, а один в поле – не воин.

Начались длинные, лишённые спокойствия дни. Астрид не выпустили ни через сутки, ни в последующие дни. За это время Роберт не единожды прибегал к крепкому алкоголю и упадническим мыслям. Ему казалось, что его четко проработанные на перспективу планы не просто рухнули – они рухнули с оглушительным треском, со свистом, с дробью. Он продумал все до мелочей. Для чего? Для того, чтобы в итоге забыть о таком сокрушительном чувстве, как направленная на него месть, и на этом же все потерять. Потерять Астрид, успешную карьеру... Потерять свое счастье. Неудивительно, что в последнее время Роберт обнаруживал себя хмельным и разбитым. В таких случаях обычно его поддерживал Александр, но единственное, кому теперь Александр мог быть полезным – это червям на глубине двух с половиной метров.

Роберт анализировал, разбирал на микроэлементы каждый свой шаг, совершенный с момента знакомства с Астрид, и приходил только к одному выводу. К тому, что судьба – та еще дрянь, и вовсе не потому, что она женщина, а потому, что она слишком уж щедра на превратности, о которых никто в здравом уме не просит. Для Роберта настал тот период жизни, когда он всерьез начал задумываться о судьбе, Мойрах и прочей чуши, лишь бы найти объяснение своим провалам.

И все же иногда Фортуна улыбалась ему, раз в один из продолжительных, долго тянувшихся дней, он услышал телефонный звонок. Лениво он встал из-за обеденного стола, за которым не притронулся ни к одной съестной крошке, и прошел к телефону. Роберт покривился, представляя, что ему придется положительно отвечать нудному следователю на тему явки в суд, но оказался удивлен, когда услышал на том конце провода голос Беркли Клая.

– Мистер Эндрюс?

Роберта едва не передернуло и, тем не менее, он сдержанно ответил:

– Я вас слушаю.

– Это Беркли Клай.

– Я прекрасно знаю, кто вы. Чем обязан?

– Как бы странно это не звучало, я звоню вам с деловым предложением.

В Роберте что-то заинтересованно шевельнулось. Он взял паузу, позволив себе не отвечать, чтобы дать Клаю озвучить это его предложение.

– Мы с вами оба ученые, и так уж получилось, что исследовать цветки Астрид начали именно вы. Мы можем быть полезными другу и, совместив наши исследования, работать вместе.

– Мне казалось, еще в Центре я довольно красноречиво дал вам понять свою позицию в ответ на подобное предложение.

– Но это еще не все, – продолжил тот. – Я предлагаю вам выступить на федеральной научной конференции, которая пройдет через две недели в Нью-Йорке. И не просто выступить. А выступить в качестве патентообладателя. Знаю, патент регистрируют не сразу, но могу уверить вас, что я не буду претендовать на него. Все, что нам нужно – это плодотворное сотрудничество с вами.

– Вам нужно мое исследование, – Роберт лишил его возможности прикрываться красивыми словами, хотя душа его волновалась и трепетала от проявленной со стороны Клая инициативы, в которой все, все до последнего пункта было Роберту на руку.

– Называйте, как хотите. Мне важно получить ответ – да или нет?

Ответ, моментально прозвучавший в голове, не спешил слетать с языка – это были последние крупницы здравого смысла, но в итоге он ответил:

– Я согласен.

Сладостное чувство триумфа овладело им и в первые минуты довело его до легкой формы тахикардии – настолько Роберт рад был нарисовавшимся перспективам. Он, словно безумец, больше не видел препятствий – физических и моральных, хотя последнее и должно было отрезвить его. Но не отрезвило.

– Отлично, мистер Эндрюс. Будем ждать вас завтра в Центре. Желательно с утра и со всеми вашими имеющимися на-

работками.

Роберт повесил трубку и улыбнулся.

Завтрашний день сулил ему начало новой ошеломительной жизни.

Все наблюдения, заметки и факты, перенесенные в новый журнал, ожидали Роберта на столе в лаборатории. Он подготовил записи сразу после разговора с Клаем и вот теперь, с предвкушением переждав ночь, взял их с собой наряду со своей рабочей одеждой и медицинским халатом.

Подъехав к Центру, Роберт ощутил волнительную дрожь, как если бы он собрался прыгнуть с парашютом. Оборудование в Центре было куда новее и лучше, чем в его домашней лаборатории, и, соединив усилия и знания вместе с возможностью использовать это самое оборудование, они с Клаем придут к новым показателям намного быстрее.

Клай встретил Роберта у ресепшена и повел его на второй этаж по длинным коридорам.

– Мы очень ждали ваши наработки, – сказал Клай. – Предлагаю пройти в мой кабинет, чтобы обсудить все детали исследования.

В его кабинете оказалось очень комфортабельно. Рабочее пространство ощущалось с тем же уютом, с каким обычно ощущается обстановка в дорогой квартире: мягкий приглу-

шенный свет лампы, оконные шпросы цвета молочного шоколада, дубовый стол в углу, комнатные растения. Роберт оценил все это беглым взглядом и присел на кожаный диван, расположенный сбоку от рабочего стола. Клай же занял свое место. Они приступили к беседе.

– Что вы можете сказать относительно явления на теле Астрид? – первым делом спросил Клай. – За эти два дня мы охватили не такой большой объем работы, как того хотелось бы.

– Скажите, что вы успели сделать, – попросил Роберт. – Таким образом я буду рассказывать все по порядку.

Клай слегка подался вперед, чтобы забрать передаваемые Робертом наблюдения, и открыл журнал, попутно собираясь продолжить разговор.

– Мы сделали забор крови, который пока что ничего не показал. Также мы взяли образцы цветков и – удивительно – шипов. Они-то и являются для нас загадкой на данном этапе.

– Шипы – защитная реакция Астрид на физическую боль. Проще говоря, вы сорвали цветки, ей стало больно, как следствие – появились шипы. Это достаточно парадоксальное явление, поскольку, вырастая, шипы тоже причиняют ей боль.

Клай медленно закивал.

– Любопытно...

– Весьма, – соглашаясь, кивнул Роберт. – Банальные анализы практически ничего не показали. Поэтому я решил лезть глубже. Во всех смыслах. Я сделал электромиографию,

которая показала образование ростков в нервных клетках. Хорошая новость заключалась в том, что мы выяснили – Астрид такая от рождения. Плохая – в том, что мы не знаем, как можно родиться с подобным феноменом.

– Патология? Вид родства? – предположил Клай.

– Интересное заключается в том, – продолжил Роберт, отметив дельные вопросы коллеги, – что цветки Астрид не являются цветками в привычном нам понимании. Это нечто идентичное, но разное по составу. Раньше я не думал о том, что это может быть патологией. Вы подали прекрасную идею.

Скромным Клай не был, поэтому деловито кивнул, с гордостью приподнимая подбородок.

– Как я и говорил – вместе мы сможем многое, мистер Эндриус. Но продолжим, – он взглянул на записи в журнале. – Что на счет генов?..

Там, сидя в кабинете, в итоге Роберт поведал Клаю все детали. Поведал обо всем, кроме изобретенной формулы лекарства, сведения о котором даже не стал записывать в новый журнал – он не собирался раскрывать все карты.

В процессе разговора Клай не единожды выражал удивление, но доказательства лежали прямо перед ним на столе, а еще одно – где-то в одной из палат, куда они и направились немногим позже.

У Роберта имелось два состояния: состояние расслабленное и мягкое, когда он находился в домашней обстановке, и состояние сосредоточенное и даже хладнокровное, когда он

приступал к работе. Именно поэтому, следом за Клаем, он вошел в палату Астрид с непроницаемым выражением лица. В нем что-то колыхнулось, забилося, но эти ощущения не продлились долго.

Астрид лежала на койке и созерцала пространство перед собой, пока не услышала звук открываемой двери. Момент, когда она увидела Роберта, можно было назвать судьбоносным и таящим в себе острожальные иглы разочарования. Астрид приподнялась на локтях, и глаза ее налились слезами радости.

– Мистер Эндрюс!..

«Вы здесь! Вы пришли за мной!», – безошибочно угадывалось в ее секундном ступоре, но, оказавшись рядом, Роберт лишь положил руку на ее плечо и слегка надавил.

– Не вставай, Астрид, – его голос был ровным и предельно спокойным.

Казалось, эти острожальные иглы вонзились в ее сердце в этот самый момент. Астрид, с которой мгновенно спала пелена немого счастья, осознала, что медицинский халат на Роберте будет надет не просто так. Это осознание было болезненным, обескураживающим, внезапным. Уголки ее губ неминуемо опустились и она, пораженная, сдалась под напором укладывающей ее руки.

– Помимо прочего, я брал образец слез Астрид, – Роберт продолжил разговаривать с Клаем, будто Астрид здесь и не было. – Мое оборудование новое, но не новейшее, поэтому

предлагаю изучить все анализы еще раз на вашем оборудовании. Нам понадобится несколько слез, еще одна пробирка крови и, скорее всего, моча.

– Как выяснилось ранее, Астрид – девушка строптивая. Надеюсь, вы сможете договориться с ней, когда я выйду.

– Да – оставьте нас одних, – Роберт кивнул.

Дверь за Клаем закрылась.

Роберт присел на край кровати.

– Астрид, мистер Клай рассказал мне, что ты оказывала сопротивление при попытке взять несколько образцов с твоей кожи, – он заговорил мягко, но эта мягкость, казалось, уже ничего не значила, а наоборот лишь усугубляла весь этот дурной сон, в который Астрид попала. – Нам нужно, чтобы ты шла с нами на контакт. От этого зависит успех исследования, которое изменит все. Ты понимаешь меня?

Губы Астрид сжались в тонкую линию – она вот-вот была готова зарыдать. Ее рот не извлек ни звука в ответ на речь Роберта, и Роберт, словно ослепленный поставленными перед ним задачами, увидел в этом молчании лишь упрямство.

– Очень надеюсь, что твое благоразумие преодолет весь этот юношеский максимализм. Позже придут интерны, чтобы взять у тебя необходимые анализы, поэтому очень прошу тебя не проявлять агрессию. Понимаю, тебе может быть страшно и неприятно находиться здесь, но поверь – как только мы убедимся, что больше нет нужды держать тебя здесь, мы вернемся обратно домой – ты и я.

Астрид по-прежнему не отвечала. Она казалась безжизненной.

Само собой, Роберт больше не стал тратить драгоценное время на излишние уговоры и покинул палату. Крайний раз обсудив в Клаем план исследования и некоторые договоренности, он поехал домой. Речь, которую Роберт планировал произнести на конференции, не напишет себя сама.

Глава одиннадцатая

До федеральной научной конференции оставалось чуть меньше недели. Перед какими-либо значимыми событиями люди обычно испытывают волнение: им начинается казаться, что они запнутся в речи, неудачно пошутят, не достаточно покажут свою экспертность. Роберт же не волновался ни о чем. Вчера он наконец дописал свою речь и заодно подготовил теоретическую базу исследования, которую планировал поведать аудитории без гипотетических казусов наподобие неточности приводимых данных и сведений. Словом, он проделал работу на совесть.

Тем временем само исследование шло своим чередом – на удивление тихо и спокойно. После первого разговора с Робертом в стенах Центра Астрид перестала противиться всем процедурам. Она проходила через них второй раз и не оказывала сопротивления даже при учете этого факта. Повторные анализы все-таки не показали ничего нового, но лишней раз закрепили уже имеющиеся результаты. К тому же научный фотограф из Центра запечатлел их для показа на конференции в качестве доказательств, чтобы озвучиваемые изыскания не были голословными.

Копии Клай оставил для Центра, чтобы у Роберта тоже имелись свои снимки, которые он и будет использовать в ка-

честве демонстрации. Конечно, Астрид была самым главным доказательством, но она не являла собой изображение, например, собственных нервных клеток в чистом виде.

Когда Роберт и Клай приходили в палату, Астрид лишь молчаливо выполняла все адресованные ей просьбы. Все остальное время она лежала к ним спиной. Они ни о чем ее не спрашивали, будто им нужно было только ее тело. На самом деле это было правдой в большей степени, особенно после предположении Клая о патологии. Он и Роберт, на правах ученых, подняли старые архивы в городской больнице и нашли медицинские карты родителей Астрид. Как выяснилось, ее отец – Сэмюэль – был болезненным человеком, постоянно подхватывал всякие вирусы и тяжело их переносил, а мать – Патриша – подвергалась процедуре аборта еще до рождения Астрид. Роберт и Клай не знали, как и в какой степени это могло повлиять на Астрид, но брали во внимание и эти факты. Они поняли, что сделали все, что могли в рамках своих возможностей, и временно успокоились на том, что собранных данных достаточно для обнародования феномена, а там уж научное сообщество окажет большее влияние на дальнейшее развитие исследования.

На следующий день после финальных процедур Роберт забрал Астрид домой.

Шелковая белая блузка скользила вверх по тонким рукам, чтобы идеально сесть на небольшую грудь и сомкнуться сзади на шее, объятай небольшим серебряным кулоном в виде дельфина. Блузка должна была ощущаться как прохладный поцелуй осеннего ветерка несмотря на то, что весна уже всю заявляла о себе теплым солнцем и прорывающейся сквозь снега травой. Роберт не был уверен, как Астрид ощущает себя в новом наряде, но надеялся, что ей понравился этот подарок, выбранный Робертом специально для завтрашней конференции.

Он подошел к стоящей перед зеркалом Астрид и ловким движением пальцев застегнул блузку на пуговицу, потому что Астрид сложно было сделать это самой, учитывая, что та была сзади.

Теперь все было как надо. Хоть и без энтузиазма, но Астрид попросила остаться в своей любимой черной юбке и колготках. Сейчас, при первой репетиционной примерке, она выглядела глубоко опечаленной.

– Астрид, тебе разве не нравится? – спросил Роберт, задерживая руки на ее плечах немного дольше, чем полагалось.

Стойкая тишина образовалась между ними, прежде чем та ответила.

– Нравится, мистер Эндрюс.

– Тогда отлично, – Роберт отошел на два шага назад, чтобы еще раз посмотреть на собранный образ со стороны. – В

этом ты войдешь в здание и зал конференций. Потом тебя отведут в комнату для персонала, где ты сможешь снять с себя одежду, чтобы остаться в нижнем белье. В таком виде ты должна будешь выйти на сцену.

С каждым его словом Астрид сникала все больше и больше. Роберт относил ее настроение к первому юношеско-максималистскому сопротивлению, которое тут же исчезнет, как только она поймет, во имя чего это все делается. Роберт всегда учил ее мыслить масштабно, и уроки не должны были пропасть даром.

В этот день, за сутки до конференции, Роберт все-таки самую малость нервничал. Он уже приготовил журнал наблюдений, даже выписал пошаговую формулу лекарства из старого журнала, точно зная, что с обнаружением феномена оно будет никому неинтересно. Кому нужно убивать такое чудо в человеке?

Если бы Александр не был настолько своенравным, он бы дожил до этого момента и понял, что Роберт во всем был прав. Общество должно узнать об Астрид. Иного варианта развития событий просто не дано. Еще недавно Роберт считал себя проигравшим, но теперь все резко поменялось, и он ощущал себя на высоте, хотя и ловил себя на мыслях волнения: вдруг что-то пойдет не так? вдруг после истории с якобы сворованными наработками его примут прохладно?

Роберт старался гнать подобные размышления. Нет, он – король ситуации, он несет научному сообществу то, чего не

смог принести никто другой. Ему будут рукоплескать. Конечно, все это будет после удивленных взглядов, первостепенного неверия, какое логично ожидать, и прочих моментов сомнений. Это нормально. Всем потребуется время, чтобы поверить доказательствам, ведь Астрид – больше, чем просто явление.

Вечером Роберт и Астрид сидели в гостиной перед разожженным камином. Роберт пил некрепкий кофе, а Астрид продолжительно смотрела на огонь. Она не выказала ни желания поесть, ни желания попить чего-нибудь согревающего. Ее мысли увели ее слишком глубоко даже для самого обыкновенного разговора, но Роберт все же попытался:

– Завтра мир изменится. И все благодаря нам. Благодаря тебе.

На это Астрид не ответила ничего.

Зыбкое молчание повисло между ними. Только охваченные пламенем поленья потрескивали в камине, привнося в пространство свой шепчущий говор.

Наконец Астрид проронила:

– Я никогда не бывала на море.

Роберт напряг слух.

– Наверное там красиво, светло... Сказочно.

– Ну, я бы сказал, что там не всегда светло и сказочно, – ответил Роберт. – Смотря какое море и, в конце концов, какая погода. Но ты, конечно, хотела бы оказаться на настоящем курорте, – Роберт сделал такой вывод, и Астрид кивну-

ла. – Я был на курортах много-много раз. Если хочешь, я отвезу тебя туда. Позже, разумеется.

– Правда? – ее голос был лишен ноток энтузиазма.

– Конечно.

Время тянулось медленно, и им двоим надо было бы хорошенько выспаться перед вечерней конференцией, но так получилось, что Роберту не удалось поспать этой ночью. Поняв, что сон отказывается приходить, он пошел в лабораторию и еще раз перепроверил все необходимые записи, ждущие своего часа на столе. Все было в порядке. Завтра специалисты выведут записи через кинопроектор, но это уже их головная боль, их задача, но от Роберта и Астрид требовалось приехать пораньше, чтобы сделать всю эту сложную процедуру.

Утром самого важного в жизни Роберта дня в доме было тихо. Астрид безвылазно находилась в своей комнате, а Роберт уже откровенно клевал носом за обеденным столом на кухне. Он все же решил поспать, и, как только голова коснулась подушки, сон пришел практически моментально.

Ему снилась Астрид. Астрид и море. Неспokoйное и бушующее, волнами оно рассекало пространство вокруг стоящей по колено в воде юной фигуры. Пасмурные облака грохотали, порождая ужасающе красивые звуки, и вот-вот готовы были разразиться ливнем. А Астрид все стояла на одном месте спиной к берегу. Ее расслабленная поза заключалась в покорности рук, которые поддевались сильным ветром, и

едва опущенной голове. Роберту почудилось, что она стоит там уже вечность – во сне время всегда течет совсем иначе. Он хотел окликнуть ее, позвать, но через секунду ее вдруг поглотила исполинская волна, заключив в свои ледяные объятия. Наверное, отвези ее Роберт даже в неблагоприятное с точки зрения погоды место, она все равно была бы рада. В его сне она смиренно скрылась в потоках воды, и в этот момент Роберт проснулся.

Взгляд тут же упал на стоящие на прикроватной тумбе часы. Роберт встал настолько резко, что немного закружилась голова. Конференция состоится через три часа, а он только-только проснулся. Стряхнув с себя наваждение сна, он пошел в ванную, умылся и, готовый собираться, спустился вниз на кухню.

Боковое зрение не сразу подметило то, что ему бы стоило подметить в ту же секунду. Прошло около минуты, прежде чем Роберт застыл и медленно обернулся. На полу, дорожкой уходя в гостиную, валялись знакомые ему гиацинтовые белые лепестки. Они валялись небрежно, словно кто-то шел с осыпающимся букетом в руке. Но это не был букет.

Так, словно в гостиной его ждала кара небесная, Роберт сделал несколько медленных шагов.

Астрид стояла там. Обзор на нее открылся не сразу, поскольку она стояла сбоку от камина, застывшая, как изваяние. Увидев Роберта, ее глаза сделались большими. Сам Роберт не увидел ничего. Обескураживающее ничего на тех

местах юного тела, где ранее распускались молочно-нежные цветки. Их больше не было. Разум логически вывел теорию кощунственного допущения, свершенного, пока он спал, но Роберт слышал голос разума неотчетливо. В нем медленно, но верно закипала ярость.

– Вы обещали мне... – губы Астрид подрагивали, когда она заговорила. – Вы нашли его, но... Я сама. Я все сделала сама.

Бессвязное лепетание бессмыслицей пролетало мимо его ушей. Роберт надвигался на нее почти бесшумно и, наконец, остановился в сантиметрах, кривя лицо в гримасе непередаваемой злобы.

Все было ясно. Ясно и теперь уже безвозвратно.

В лихорадке и тумане Роберт ударил ее.

Это было самое страшное, что могло произойти, и самое сладкое одновременно. Роберт посмотрел на свою руку – ни единой царапины от шипов. И тогда он ударил ее снова. Чтобы наверняка. Жестокий способ убедиться.

Отбеленная ужасом и неверием, Астрид схватилась за больную щеку.

– Ты... – сквозь зубы выдохнул Роберт. – Как. Ты. Могла? Бледные губы Астрид обожгло крупными слезами.

– Мистер Эндрюс...

– Какая же ты дрянь, – Роберт качал головой. – Какая же ты маленькая, паршивая дрянь. После всего, что я сделал для тебя?

Кулаки пекли в нерастраченном гневе. Новая вспышка ярости охватила его разум, и Роберта окончательно настиг туман.

Он помнил, что были капли крови. Но прежде: он помнил стук головы о стену. Ничего такого – просто встряхнул за шкуру. Хорошенько. С удовольствием.

Время затерялось в триумфальном чувстве отмщения. За все. За самовольство, за ставшую бессмысленной конференцию, за погубленное будущее. Роберт обнаружил себя сидящим возле того камина. Он был бы готов поклясться, что ничего не произошло, если бы не собственные болящие ладони. Руки всё ещё фантомно ощущали, как крепко держали Астрид за футболку и как разбивались о ее щёку, оставляя наверняка безобразные синяки. Роберт смог вспомнить произошедшее в деталях только тогда, когда уже немного успокоился, и едва волочащая ноги в сторону входной двери Астрид явственно встревала перед глазами.

Все было кончено – все его амбиции и потуги, весь его энтузиазм и стремления. Едва соображая, Роберт поднялся в лабораторию – журнал открыт на странице с формулой лекарства, рядом колбы и пробирки. У Астрид было достаточно времени, пока он спал, а расписанный пошагово рецепт антидота понял бы даже ребенок. Все это как дважды два.

Роберт не знал, куда могла пойти Астрид в таком состоянии под покровом темного вечера. Да и интересно ли это было ему теперь? По истечению времени, проведенного в туск-

лом одиночестве дома, он понял, что да. То, что он сделал... Господи, что он сделал.

Нет, это был не он. Это была ярость, управлявшая им. Где Астрид теперь? Куда она могла пойти? Прошел час, прежде чем Роберт сел за руль автомобиля и отправился на поиски.

Он исколесил ближайшие районы и дворы, заглянул в городской парк, осмотрел переулки. Астрид нигде не было. Она, избитая, болезненная, жалась в каком-то углу, тихо скуля и отказываясь верить в совершенное предательство. Только не от ее обожаемого мистера Эндрюса, который ни в коем случае не поступил бы так же, как поступала Аманда. Но он поступил, он поднял на нее руку.

Роберт потерял ее навсегда. Теперь он понимал это наверняка. Но он должен был найти ее и сделать все, чтобы... чтобы что? Извиниться? Она не примет его извинений. Чтобы обеспечить ей дальнейшую беззаботную жизнь вне стен его дома? Возможно.

В голову внезапно ударила вспышка. Следуя интуитивному озарению, Роберту свернул на дорогу, ведущую в сторону леса, и прибавил скорость.

Вдали виднелась линия электропередач. Огромные вышки стояли друг за другом, своим видом предупреждая об опасной зоне. Все это напоминало абсурд, но, тем не менее, Роберт припарковался на обочине дороги и вышел из автомобиля.

Сердце kloкотало где-то в горле все сильнее по мере при-

ближения Роберта к вышкам. Он ощутил, как трудно ему стало дышать, как онемели пальцы, когда в темноте прохладного вечера глаза выцепили фигуру, лежащую на земле под металлическими прутьев электрического гиганта.

С каждым шагом Роберт падал в пустоту припорошенного неверием осознания. В глотке нарастал ком. Роберт не мог кричать, да и что бы это изменило?

Он рухнул на колени рядом с неподвижным телом. Он уже никогда не узнает, что шептали ледяные от страха девичьи губы за секунду до.

Слишком много насыщенных цветов. Кровь не залила пространство ручьем или фонтаном – она осталась редкими, но большими разводами на примятой траве. Казалось, что сейчас Астрид встанет и начнет смеяться своему розыгрышу.

Но она не встает. А противоестественно изогнутые руки продолжают лежать сломанными тростинками.

Роберт не мог плакать. Он шептал «нет-нет-нет» и не мог понять, почему воображение играет с ним злую шутку, пока не осознал, что воображения нет – есть только реальность, окрашенная в багровый.

Он, дрожа в рыдании без слез, аккуратно перевернул Астрид на спину, держа ее в своих руках.

Сеточка трещин бледнела на щеке сине-красными чернилами. Полопавшиеся капилляры под бело-голубым пергаментом кожи были видны на лице потемневшими пятнами. Тело Астрид оказалось обезображено еле заметными и акку-

ратными деталями, словно самоубийцы умели умирать красиво. Музыкальные, искривленные в суставных переломах пальцы больше никогда не коснутся клавиш пианино. Разбитая грудь больше никогда не сделает ни одного вдоха. И уже никогда Роберт не поцелует губы, теперь испачканные в крови.

В его руках Астрид лежала едва теплой куклой.

Положить тело на заднее сидение автомобиля оказалось несложно. Сложнее было сесть за руль и поехать, как ни в чем не бывало. Возвышающиеся над дорогой фонари освещали путь, но Роберт видел мир как сквозь темные пятна.

Подъехав к дому, он открыл гараж, заехал в него и заглушил двигатель. На задних сидениях безвольно лежал смысл его изысканий, смысл, из-за которого он просыпался по утрам. Роберт смотрел через зеркало заднего вида и то и дело прикрывал лицо ладонями, но убирал их всякий раз, когда ему казалось, что все это – зловещий сон. Он не мог мыслить хладнокровно и бесстрастно, как мыслил в Центре до этого, но точно знал, что сделает следующим, когда положит тело Астрид на лабораторный стол. Лихорадочная мысль пришла ему в голову неожиданно, но пугающе легко, поэтому Роберт взял Астрид на руки и внес ее в дом через внутреннюю дверь гаража.

Ступенька за ступенькой. Лаборатория встретила их сквозняком. И только положив тело на стол, под белесый свет лампы, Роберт смог позволить себе сломаться.

В последний раз он плакал еще в подростковом возрасте, и теперь собственные слезы казались ему чем-то сюрреалистичным, ненастоящим. Ладонью он коснулся разбитой окровавленной головы Астрид, заходясь скулежом. И это была его награда за все то грандиозное, что он собирался подарить миру? Подарить им двоим. Все должно было закончиться не так.

С каждой секундой Роберт чувствовал в себе безумие все сильнее, и лежавшее на столе мертвое тело Астрид чудилось ему готовым подняться для укора и обвинений. Казалось, сейчас кровь вновь потечет по венам, глаза откроются, а губы изогнутся в эмоции ненависти и презрения...

Трезвость ума начинала подводить его.

В комнате, где запахи молока и вишни смешались в единую ноту, было тихо. Роберт зашел туда, отчетливо вспоминая, как сильно Астрид любила свою мягкую кровать и как долго она могла валяться в ней со своим дневником, словно он был ее самым преданным поверенным.

Пальцы безошибочно выцепили его за хорошо прошитую корочку из-под угла незаправленного одеяла. От страниц пахло густыми, жирно пишущими чернилами. Роберт бездумно открыл дневник в середине.

Некогда владевшая скорописью рука Астрид оставила пару абзацев корявых строк двухмесячной давности.

«Привет, мой дорогой друг!

Сегодня мистер Эндрюс и Александр снова брали у меня

анализы. Они говорят, что их стоит брать всякий раз, когда я нахожусь в разных эмоциональных и физических состояниях. Говорят, что так надо. А я и не спорю. Я готова перетерпеть все, лишь бы быть на шаг ближе к поиску лекарства. К тому же мистер Эндрюс так добр ко мне... Он постоянно спрашивает, что я чувствую, когда на мне появляются голубые цветки, пытается разгадать загадку. Я последняя лгунья, раз до сих пор еще не призналась. Дорогой дневник, позволь обратиться к мистеру Эндрюсу через твои терпеливые страницы.

Я люблю вас, мистер Эндрюс. И голубой – цвет моей любви к вам. Я люблю вас за вашу доброту, отходчивость, за подаренное мне чувство защиты и за то, что вы никогда не предадите меня. Но вы никогда не узнаете об этом, потому что я ужасно напугана тем, что испытываю. Мне нечего вам предложить, а если бы и было, то я не знала бы – как. Когда-нибудь я унесу это с собой в могилу, а до тех пор – на моих губах печать безмолвия».

Рука, державшая дневник, опустилась вниз.

Печать безмолвия – метафора, ставшая действительностью во всех своих смыслах, и Роберт принял ее, как эстафету. Он не видел в этом благородства или наказания – лишь необходимость.

Вернувшись в лабораторию, Роберт достал из ящика револьвер и встал над сереющим разбитым телом. Прикосновение к курку было легким, почти любовным, а направлен-

ное на собственный висок дуло – прохладным.

Горе наконец пришло к нему. Оно пришло тихо. Даже мягко. Никакого урагана истерик и слез. Бездна нежно затянула его в холодное объятие за секунду до выстрела. И только одна картина застыла перед глазами – Астрид.

Астрид – и бесконечное, бескрайнее, хмурое море.